

28 (Каз)
Щ, 61

ЛИТЕРАТУРА
НАРОДОВ
КАЗАХСТАНА

Щербаков Б. В.

МОЯ ПЛАНЕТА- КАЗАХСТАН

Щербаков Б.В.

МОЯ ПЛАНЕТА –
КАЗАХСТАН

Алматы
“Жазушы”
2008

ББК 26.89
Щ 61

*Министерство культуры и информации Республики Казахстан
Комитет информации и архивов
Программа выпуска социально-важной литературы*

Щербаков Б.В.
Щ 61 **Моя планета — Казахстан.** — Алматы: Жазушы, 2008.— 208 с.

ISBN 978-601-200-146-4

Вы держите несколько необычную книгу, не претендующую на справочный академический вариант общеизвестных Красных книг. Кроме отдельных видов растений и животных, о которых рассказывается, в ней очерки также о тех растениях и животных, которые не включены еще в ряды охраняемых. Это значит, они где-то являются еще обычными или широко распространенными, но уже есть сигналы сокращения численности и территорий на которых они обитают в Казахстане или на географических широтах чужой нам земли. В книгу вошли и те, о существовании которых большинство людей даже не догадываются, а они живут где-то рядом с нами.

Щ $\frac{1805080000-078}{402(05)-08}$

ББК 26.89

ISBN 978-601-200-146-4

© Щербаков, 2008
© Издательство “Жазушы”, 2008

НАШ КАЗАХСТАН

Большую часть восточного полушария планеты Земля занимает самый огромный материк – Евразия. Достаточно взглянуть на карту и убедиться, что в самом центре ее расположена удивительная страна, охватывающая практически все природные зоны – Республика Казахстан. На просторах её простираются великие, опаленные солнцем степи, золотистые пустыни и горы; на западе они подходят к Каспийскому морю, на юге ограничены горными хребтами протянувшихся вдоль границ с Ираном, Афганистаном и Китаем. Занимающий большие пространства блок степей и пустынь основанием гигантского остроугольного треугольника упирается в Каспийское море, острием в Алтайские горы. Здесь пустыни сконцентрированы небольшими пятнами вокруг легендарного озера Зайсан. С космоса отчетливо просматривается, что большую часть Казахстана затянута шелками ковыльного разнотравья, а по югу и востоку вздымаются высочайшие горные хребты, увенчанные вечными снегами и льдом и все еще девственными лесами, где блистают десятки тысяч больших и малых озер и рек.

Но прежде чем сформировался современный облик страны, происходили в этих широтах чрезвычайно сложные великие и малые катаклизмы – вулканические излияния, сопровождающиеся наступлением и исчезновением морей и океанов, эпохи оледенений и другие геологические катастрофы. Прошлое оставило следы, сконцентрировав богатейшие полезные ископаемые, которыми богат Казахстан. Однако, подземные кладовые, спрятанные глубоко под землей, оставались неизвестными и недоступными долгие времена, а растительный и животный мир минувшие все эпохи верой и правдой служил нашим предкам.

Занимая большие в Центральной Азии территории, Казахстан следует считать страной природных контрастов и удивительных, захватывающих воображение, особенностей. Для примера – необычный вопрос: где можно за несколько минут пройти из Европы в Азию и также скоро возвратиться.

Ожидается ответ – “Нет!” Однако “трансконтинентальные” путешествия такого рода, ежедневно совершают жители городов на реке Урал – по нему проходит граница между Азией и Европой.

Страна наша так велика, что уместила бы почти на своей территории все государства западной Европы. В пять раз Казахстан больше Франции и в четыре с половиной – Украины; Это вторая по масштабам после России страна, площадь ее – свыше 2,7 млн. кв. км.

На ее просторах за истекшие тысячелетия происходили важнейшие события, оказавшие влияние на судьбы многих народов. Под сводом степного неба, в оазисах великих пустынь, принадлежащих кочевникам – скотоводам и воинам, ремесленникам, поэтам, музыкантам, философам, формировалась своя культура, давшая многие непреходящие ценности другим народам. Человеческая история на этих широтах Азии, буквально бурлила; здесь, в Евразии, как в котле, бурлили и кипели человеческие страсти, сопровождаемые нежной любовью и сжигающей ненавистью, вековой враждой и неугасающей дружбой между племенами и народами. Именно здесь в свое время проходила основная магистраль Великого шелкового пути, сыгравшая судьбоносное значение в судьбе городов, которыми он проходил. Ветвистые дороги торгового пути тянулись равнинами, пересекали горные хребты, следы их тут же засыпали кочующие пески, но везде где проходили они, сеялись семена культурных традиций, плоды самобытных ремесел, опыт работы с камнем и металлом. Это он – Великий путь шелковой нитью связал навсегда прошлое и настоящее; сближал и роднил неизвестные друг другу народы, способствуя взаимопониманию и дружбе.

Караваны верблюдов, нагруженных тюками с шелком и самоцветами, керамикой, красителями, экзотическими приправами и пряностями, шли из Китая, Индии, Ирана. На верблюдах везли византийские полотна и тюркских рабов. Караваны шли через Тараз, Кызыл-Кумы, Кара-Кумы, к Северному Приаралью, через Дашт и Кыпчак, пересекали Сары-Арку и достигали берегов Иртыша. Было на пути Семиречье, шли по Или к Балхашу, Ала-Колю и Тарбагатаю... С огромными лишениями одолевали безводные пустыни к Шелковому морю, так назывался Каспий. Подобно корням степной травы, от магистральных ветвей Шелкового пути в разные стороны тянулись малые

тропы, связывающие не только европейские и азиатские народы, но и многие народы мировой цивилизации. Естественно, все это оставило немеркнущий след в истории народов Казахстана.

На его территории в единстве неразрывном слились высочайшие горные хребты и глубочайшие впадины с крупнейшими в них озерами. Находясь в центре материка, Казахстан волею судеб одинаково устроен на 3000–3600 км от берегов “западного” – Атлантического, “восточного” – Тихого и на 1800 км с севера и юга от Ледовитого и Индийского океанов. Точка абсолютного центра континента, как определено было с японского спутника, находится не только на родине Абая, она находится у порога его дома. А мы – казахстанцы, по этой самой причине являемся – самым “сухопутным” в мире народом. Но, так, да не так: Казахстан – держава морская! У западных границ его плещется великое Каспийское море – озеро, крупнейшее на земле.

Для равнинных просторов нашей земли, свойственна, повышенная сухость воздуха, поэтому большая часть представлена степями, пустынями и полупустынями. Соответственно – зима на юге и западе – сравнительно короткая, в северной и восточной частях – продолжительная и суровая. Лето у южных границ до 8–9 месяцев длится, а на севере и востоке почти в половину меньше – 4–5 месяцев.

Масштабы территории республики велики так, что и вообразить не просто. Чтобы убедиться в этом, придется пройти от северных до южных границ путь в 1600 км и займет этот путь не менее 70 дней; если с запада на восток идти – путь составит почти 3 тысячи км и затрачено будет полтора года. В цифрах же, общая протяженность границ Казахстана достигает 15 тыс. км. Страна наша настолько велика, что когда над пожелтевшими от заморозков степями в северной части дуют ледяные ветры, ложатся первые снега и птицы надолго покидают родные края, на юге в это время, в песчаных пустынях Прибалхашья, в предгорьях Тянь-Шаня, тепло и солнечно: травы зелены и в них все еще ошалело стрекочут кобылки и цикады, ночами солируют сверчки и цикады, славя тепло лунных ночей. Ближе к берегам Каспия и Арала господствуют зной и духота; ветры часто гонят столбы и тучи соленой пыли. А вот на востоке, за 3000 км, на гордых вершинах Алтая, сверкают свежие снега: хотя в долинах начинают резвиться первые заморозки и травы ночами седеют от инея и стекленеют лужи.

Калейдоскоп природных контрастов дополняют громадные впадины, на десятки метров расположенные ниже уровня океана. Трудно сознавать, что любуясь заоблачным Хан-Тенгри, в юго-западной части Казахстана, у границы с Кыргызстаном, отсюда сравнительно недалеко противостоит ему вели-

Зима...

чайшая впадина, равных которой нет на земном шаре. Находится она у берегов Каспия, называется – Карагие: более чем на сто метров опустилось ее днище ниже уровня океана. Странный дуэт – не правда ли? Заоблачный пик в Киргизском Ала-Тау и глубочайшая “яма” у берегов Каспия.

Познакомимся в общих чертах и с богатейшим спектром удивительных по климатическим условиям регионов: ничтожное количество осадков – до 100 мм в год, выпадают в пустынях у Каспия и Арала и, в буквальном смысле, не просыхают от дождей горные хребты на крайнем востоке, конкретно на Западном Алтае, где выпадает осадков в течении года, почти в 30 раз больше! Это самое влажное место на территории азиатской части СНГ.

В природе, как таковых, нет границ четко разделяющих природные зоны. Нет конкретных линий указывающих – где кончаются степи и начинаются, скажем, пустыни или леса. Поэтому всюду, где бы мы не оказались, имеет место медленный, “эволюционный” переход от равнинных лесов – степей и степей Северного Казахстана, которые южнее “перерождаются” в степные и пустынные ландшафты или переходят в Казахский мелкосопочник.

Восточное крыло мелкосопочника в свою очередь сливается с горно-лесными ландшафтами Калбинского Алтая, расположенного в левобережной части Иртыша..

В представлении жителей соседних государств, особенно европейцев – Казахстан, это только степь, верблюды в пустыне, где растут верблюжья колючка, да саксаул... Однако, мы знаем уже, что это не только огромная, но и очень красивая земля, с щедростью и размахом созданная могучими силами природы. Побывав на ней, узнаешь не только “ужасную” “Голодную степь” – безлюдную красавицу – Бетпак-Далу, но и сибирскую тайгу, альпийские луга и тундры горных хребтов, где круглый год лежат снега и вечные льды. Здесь наслаждаешься красотой бирюзовых озер, бесчисленных речек, питаемых белогрудыми вершинами с ледяными сосцами заснеженных пиков Алтая, Саура, Тянь-Шаня и Джунгарского Ала-Тау.

Разнообразие и красочность природных условий, не могли остаться незамеченным, и не найти отражения в географических названиях. Например, в западной части нашей страны есть горные хребты, названия которых подчеркивают свойственные им особенности – горы Каратау – “Черные го-

ры”, на севере – Кокшетау – “Голубые горы”, на юге – Алатау или “Пестрые горы”, Актау – у Каспия – “Белые горы”, наконец Алтай на востоке, у древних тюрко – язычных народов означал – “Горы золотые”; в Калбинском Алтае есть горная гряда “Горы голубые” – Коктау. В центре нашей страны есть обширная степь с невысокими сопками названная Сары-Арка, в переводе с казахского означает – “Желтая возвышенность”.

Существует неписанная закономерность – чем больше познаешь природу Казахстана, тем больше, как бы, в геометрической прогрессии, растет к ней интерес и неустанное удивление, перерастающее в гордость и любовь. Масштабность просторов, географическое положение, историческое влияние сопредельных территорий, породили на территории Казахстана удивительное разнообразие и сочетание природных условий, также и разнообразных, и удивительных обитателей.

В наших широтах – в песчаных и глинистых пустынях, на месте весенних озер, летом вода испаряется и остаются такыры, точнее – днища их. Солнце “выпивая” последнюю влагу, оставляет голые, плоские пятна глины или солонцов. От палящих лучей корка такыра лопается, образуя разной конфигурации пласты глин. Такыры бывают так тверды, что кажется, будто отлиты они из бетона. Иногда они по площади занимают километры. Вообще

Самая высокая гора на Алтае – Белуха (4506м).

Глинистая пустыня (Киин-Кириш, Зайсанская котловина)

же, эти образования типичны для широт с жарким, тропическим климатом, севернее их просто не бывает.

Если уж коснулись климата тропиков, то напомним еще раз: в Алматы температура летом, такая же, как и средняя на островах Шри-Ланка (Цейлон), Калимантане (Борнео) и Яве, расположенных в экваториальных океанических водах. Зимой, как уже сказано, картина меняется до такой степени, что приходится сравнивать наши зимы только с Заполярьем: например, в Восточном Казахстане бывает холоднее, чем на островах Арктики – на Новой Земле или Шпицбергене. Морозный воздух “раскаляется” в горной части Южного Алтая у села Орловки до – 55 градусов. Но есть и другие показатели: на юге, с конца февраля – начале марта, весна заявляет о себе рано – горы и равнины в это время утопают уже в цветущих маках и тюльпанах. В это же время приходит пора весеннего сева; от зари до зари, гимны

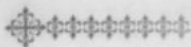
Такыр

весне поют прилетевшие птицы; на севере же бушуют еще метели и крепко — накрепко спят под снегами поля, а ночами — морозы, да такие, что, как говорится: “быку — третьяку рог своротить” готовы. Поэтому растительность и животный мир этих широт поражает не только видовым многообразием, но и способностью к выживанию в самых, что ни наесть, тяжелейших, то есть — экстремальных условиях. Все это результат длительной эволюции исторического марафона на выживаемость и процветание на испытательном полигоне казахстанской природы.

Поэтому с наступлением зимних холодов животным — птицам и зверям, выходцам из южных широт, в частности многим грызунам, приходится уходить в подземелье — в спячку на всю зиму. К таким пришельцам относятся и большая часть наших насекомых, ящериц, змей. Отличными индикаторами тропической природы на пустынных территориях нашей республики, являются термиты. К этой же группе теплолюбивых относится всем известный обыкновенный богомол. Для убедительности напомним что, мелкие ночные ящерицы — гекконы, распространенные обычно между 49 и 46 гр. с. ш., только в Казахстане нарушили запретные для них границы и зашли на 3 градуса севернее, чем это им “положено”.

К посланцам экзотических широт относятся и некоторые птицы наших водоемов — пеликаны — розовые и кудрявые, фламинго, каравайки (ибисы), колпицы, цапли — красные и белые, кулики — ходулочники и шилоклювки, а также с яркими химическими красками оперения — сизоворонки, золотистые и зеленые или персидские щурки. Только в Казахстане они расселились так далеко к северу. Похоже, ведут себя и северные виды, расселившиеся только на территории Казахстана так далеко к югу. В Европе и в других частях Азии, они живут много севернее. К “нарушителям” южных географических границ относятся — чернозобая гагара, лебедь — кликун, желтоголовая трясогузка...

Казахстан интересен и тем, что песчаные пустыни его входят в древний центр происхождения некоторых пустынных животных. Центр этот дал миру саксаульную сойку, длиннопалого суслика, тушканчика Лихтенштейна, сальпинготуса — трехпалого карликового тушканчика, пегую землеройку и некоторых других. Здесь нашли вторую родину, прошедшие катаклизмы

ледовых эпох, отступившие с северных широт до Алтая и Тарбагатая – тундряные куропатки, кулики – хрустаны, полярные овсянки, обыкновенные чечетки и еще целый ряд птиц. Все они успешно обжили высокогорную зону горных хребтов. И другие исторические пришельцы, будь то растения или животные, “сбежавшие” с европейских степей в эпоху оледенения, нашли подходящие условия в северных областях Казахстана, а мигранты пустынных территорий Монголии, Передней и Средней Азии предпочли полупустыни, нагорные пустыни и предгорья наших южных хребтов. Поэтому мы встречаем здесь животных и растения, представляющих золотой исторический сплав флоры и фауны, переселившихся с Заполярья и Европы, Средиземноморья и Средней Азии, с Западной, Южной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Маньчжурии и Тибета.

О разнообразии флоры и фауны рассказывать можно сколько угодно. На эту тему опубликовано множество книг. Но, природа, по-своему, запечатлела необычный, радужный спектр природных ландшафтов в своих формах – в окраске животных. Так в оперении некоторых птиц, как в капле росы, отразились главные цвета различных зон земли Казахской. На горных вершинах Алтая, к примеру, заваленных вечным снегом и льдами – живут снега белее, куропатки белые; на перьях дрофы прописалась словно в графике пустынные степи с теменными лентами речных извивов свойственных Центральному и Южному Казахстану; на перьях царицы пустынь – саджи – запечатлены краски такыров и змеистой ряби барханов Кара-Кум и Кызыл-Кум; алтайский хариус – серебристая молния горных рек, блистает чешуей, ослепляя подобно обледеневшим горным пикам; у тугайного щеголя и франта – златоперого фазана, на перьях переливаются огни закатов и восходов Семиречья и тугайных лесов Сыр-Дарьи. Все в чудесном мире природы есть причины. В нашем случае, это условия жизни, отразившиеся в рисунках и красках каждого цветка и в камне, на крыльях бабочек, в шершавой коре лесных патриархов... В каждой малой травинке закодирована летопись непростого, эволюционного ее прошлого. Все без искусственных прикрас – умей лишь читать.

ПОЛУПУСТЫНИ И ПУСТЫНИ

ИЛИ

ЗЕМЛЯ РЫЖИХ ГОРИЗОНТОВ

Полупустыни, по сути, те же степи, но более засушливые, со скудными травами и плешинами голой земли. Чахлость их объясняется малым количеством осадков и скудной обводненностью. Казахстан, расположенный в центре Азии обладает наибольшими территориями под полупустынями. Объясняется все это соседством с более пустынными территориями, окружающими Казахстан на юге – Средней Азии, Китая и Монголии. В общей сложности пустыни занимают в нашей республике – 40, полупустыни – 18%. Итого на пустынные ландшафты приходится больше половины всей территории.

После степей полупустыни по площади находятся на втором месте. В широтном направлении они доходят до предгорий хребтов Алтая, Саур-Тарбагатай и Тянь-Шаня. Подверженные влиянию мощной инсоляции, до белизны выгоревшие, они обнимают громадные территории внутри которых плещутся такие крупные озера, как – Аральское море, Балхаш, Ала-Коль, Сасыколь, Зайсан и другие. На крайнем западе они подходят к берегам древнего Каспия.

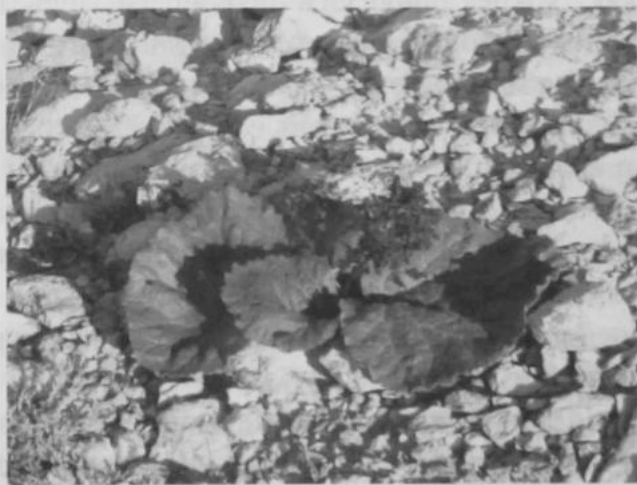

Песчаная пустыня

Ровные и холмистые дали с глинистыми, солончаковыми, каменистыми почвами приурочены в основном к обширным впадинам, в центре которых находятся названные уже озера. Опустыненные, засоленные почвы, с редкими травами и кустарничками, растущие на расстоянии друг от друга – есть та самая картина, характеризующая эти ландшафты. Местами же белеют, ослепляя пятна солонцов, лишенные вообще растительного покрова. Либо это выступившая белизна солей, образующая твердую кору, на которой, как и в пустыне стоят угнетённые солянки, солеросы, разные виды лебеды. На пухлых солончаках, под рыхлой “скорлупой”, обычна вязкая грязь, черная, липкая как сметана и горькая как хина. Стоит лишь попробовать на вкус эту соль, тогда не пересташь удивляться – как же выживают травы? Чаще всего это полукустарнички семейства маревых, среди которых обычна лебеда и щирица – обычные сорные травы. Напившись горько-соленого раствора, которым легко отравиться, “мудрый” солерос, например, тут же перекачивает соль на кончик стебелька и чтобы избавиться от губительного влияния солей, обламывает его на волю ветрам.

Чудеса выживания в краю, где бал правит солнце и безводье, на каждом шагу встречаешь и это в лице таких растений как – ковыли, типчак, овсец пустынный, тонконог сизый, цмин песчаный, качим, полыни, рогоплодники, солянки и селитрянки, бюргун, сарсазан, чий и еще другие разные злаки. Одревесневшие кустики некоторых из них, листочки свои заменили на чешуйки, чтобы сохранить влагу, не отдавать ее суховеям и палящему солнцу. У таких растений листья держатся до начала второй половины лета и, с уменьшением дождливых дней, они засыхают, отламываются и уносятся ветром.

Ревень низкий

Полупустынные равнины, в такое время, становится ещё более однообразным и скучными, превращаясь в настоящие пустыни.

Полупустыня – царство древнейших растений планеты – саксаула, тамариска, чингиля, чия, астрагалов и других разных растений, с мощной корневой системой, уходящей глубоко в подземные горизонты в поисках очень нужной здесь влаги. Появление на земле этих растений исчисляется десятками миллионов лет. По-своему приспособился пустынный или ревень низкий: он не выгоняет длинных сочных листовых черешков, которые употребляем в пищу. Листья его лежат прямо на земле и, подобно слоновьим ушам, прикрывают почву, сберегая в тени их влагу. Листья, как ладони распластанные – крик его и вызов палящему солнцу и зною: – “Не отдам мою воду!”. Ревень быстро выгоняет стрелку с кистью цветов. Быстро отцветает и ветер, потом, обломив соцветие, катит его по пустыне, рассеивая семена.

Не менее удивительны и другие растения – эфемеры с коротким вегетационным периодом. И поскольку вода, сохраняющаяся после таяния снега и весенних дождей, насыщена солями, и по мере высыхания, на этих местах образуются пятна солончаков, сверкающих ослепительной белизной, растительность на них всегда разрежена и чахлая и занимает примерно 50–60% их площадей.

На суглинистых почвах преобладают низкие и шаровидные кустарнички, как – кокпек-биюргун и тасбиюргун. После испарения вешних или дождевых вод здесь образуются голые пятна глин – такыры. На них образуется сначала тонкая маслянистая корочка, но потом по истечению времени поверхность их трескается, рвется от пересыхания и покрывается извилистыми трещинами, придающих такырам живописный геометрический рисунок. Там, где близко к поверхности подходят грунтовые воды, полупустыни зарастают чием. Монголы называют его – дэрэсун. По этим зарослям они искали близкую под землей воду и рыли колодцы.

Для засушливых степей, с щебнистыми россыпями, характерны ферулы, относимые также к эфемерам – растениям с коротким жизненным циклом. Их сочные, ярко-зеленые, зонтообразные кроны, на толстых стволах, придают сухо-степным ландшафтам вид саванны: ботаники такие растительные формации называют “саваноидами”.

Как и в степи, весна и здесь, есть весна: как только сойдут снега, полупустыня преобразается – становится неузнаваемой очаровывая праздничным нарядом. На сколько хватает глаз, до горизонта светятся синие, голубые, серебристые, желтые, красные, высыпки самых различных цветковых растений. Особенно преобразаются они когда украшается шелковистыми султанами ковыли. Но вскоре же, с наступлением зноя и редкими здесь дождями, тускнеют их пастельные краски и оттенки: в травах за счёт особых веществ, накапливаются особые вещества, препятствующие гибели от безводья. Происходит как бы, “цветение”, но совершенно другой природы – растения становятся жёлтыми, коричневыми, густо бордовыми, голубоватыми, рыжими и даже карминово-красными.

Своеобразны в засушливых степях ковровые полотна рогоплодников. Низкие кустики их с ажурной, шаровидной формы до середины лета сизоголубоватые, как и полыни. Но вскоре рыжеют и, дали заросшие этим пустынником, выглядят, словно, укрытые старым выцветшим сырмаком. Качим метельчатый, здесь образует крупные шары, полные света и воздуха. Это одно из растений, которые называют “перекати-поле”. С порывами осенних ветров, основания их надламываются, и они рыжими “мячами”, целыми “стаями” и “стадами”, скачут, подгоняемые ветром, по бескрайним равнинам, разбрасывая семена. Из года в год, из века в век кочуя, они завоевывают пространства меж далекими горизонтами.

По берегам речек, временных весенних водотоков, пересыхающих с середины лета, в различных степных понижениях видны островки – караганы кустарниковой, зверобоелистной спиреи или же порыжевших вейников и тростников. Заросли их на однообразном, ровном просторе, воспринимаешь как неожиданность – вкрапленную “инородную” растительность.

На всем протяжении от озера Зайсан на востоке и до Арала – на западе, встречаются кусты гребенщика или тамариска, в пору цветения они украшаются сиреневыми шалями пышных соцветий, как и соседствующий им такой же пустынный, – чингиль или бобовник. С виду темные неприглядные кусты его покрываются весной великолепными розовато-сиреневыми шапками соцветий. Все это придаёт отдельным уголкам полупустыни необыкновенную праздничную свежесть и особые, ей только присущие прелести.

В тихий знойный день, когда от горизонта до горизонта в полупустынях разгуливают и резвятся миражи, “рисующие” самые различные картины ландшафтов. Разве не удивительно, когда на пересохшей до звона равнине “залитой” блеклыми красками, появляются внезапно горы и леса, или даже широкие водные разливы. И, кажется, на иссушенную землю надвигается “Всемирный потоп”. А миражи дорисовывают на водной шире еще и острова, береговые скалы или же поселения с высотными домами и прочее. Всё настолько бывает правдоподобно, что даже опытных землепроходцев миражи, бывало, сбивали с толку — заставляли поверить, что эти природные ландшафты существуют на самом деле. И это уже не веселая игра, а коварное одурачивание: бывали случаи когда в поисках воды путешественники шли за миражами, манящие их виртуальными картинами водных разливов, оазисов и люди бесславно погибали во глубине безводных пространств от зноя и жажды.

Дальше еще сухая и утомительно-однообразная равнина от Тарбагатая тянется до бессточного озера Алаколь пока не сливается с пустынями Прибалхашья, с песками у рек Чу и Сыр-Дарья и так тянется до лунных ландшафтов фантастического плато Устюрт и потом до самого Каспийского моря.

Между Балхашом и горами Тянь-Шаня раскинулась земля — “Семиречье!” В самом этом названии заложено нечто захватывающее, даже магическое... Край особенный: от высоких гор Джунгарского и Заилийского Ала-Тау до озерных берегов протянулся чуть ли не в 1000 км. И всюду — сухие степи, солнечные пустыни изрезанные руслами пересыхающих рек, вдоль них — лентами тугайные леса со множеством разной птицы и зверя — кабанами, косулями, дикими кошками, монгольскими зайцами и, оказавшись здесь, сразу же слышишь голоса семиреченских фазанов. В камышовых джунглях Балхаша обычны большие скопления самых разных водоплавающих птиц — лебедей, гусей, уток, пеликанов, бакланов, цапель... Лет сто назад в этих тугаях водились туранские тигры.

Весной, как нигде, просторы охватывает пожары дружного цветения маков и тюльпанов... В другое же время года Семиречье — унылый, выжженный солнцем край, укрытый, будто, поизношенной серой кошмой. Просторами его проходила в средневековье одна из ветвей Великого шелкового пути.

Казахстан огромен и на просторах его выражены во всей полноте не только степи, полупустыни, но и настоящие центрально-азиатские пустыни. И это верно, так как эта часть земного покрытия занимает почти четверть поверхности суши.

Пустыня, в представлении многих непосвященных – совершенно лишенная жизни земля, где нет растительности, а главное – воды, где правят бал палящее солнце и безводье. На самом деле это отнюдь не лишенные жизни пространства и даже напротив: жизнь в ней буквально кишит. И странно будет узнать, что в настоящее время именно в этих широтах проживает около миллиарда населения. Пустынные и степные территории и их оазисы, занимающие треть площади материков – природный феномен, обусловленный комплексом особых климатических и почвенных условий. Это “желто-рыжая” суша, достойна самых высоких слов за развитие, древнейших на земле цивилизаций, очагов философской мысли и культуры, ранних стадий прогрессивного земледелия и скотоводства; здесь зарождались нестареющие ремесла – ковроткачество и шелкоткачество, создавались и величайшие памятники архитектуры. Недаром восточная мудрость гласит: “Воистину богат народ, у которого есть пустыня”. И как не согласиться, когда на ее просторах выпасаются тысячные стада овец, табуны лошадей, караваны величавых верблюдов шествуют тропами далеких предков. Много стоит наслаждение под звон ручьев и голоса птиц, в тени чинар пышных оазисов.

“Избыток” солнечной энергии, безводность и редкие очень дожди, исключает образование речных стоков. Но, как оказывается, под толщей песков, на водоупорных глинах, скапливается не мало воды, образующей своеобразные линзы. Близость ее узнается, прежде всего, по пышным древесным или травяным очагам, которые выглядят небольшими массивами или островками. Они, обычно, занимают долины, понижения между песчаных гряд или среди больших барханов. Это значит, что влага тянется к солнцу из глубины песков, проходя через корневые системы растущих деревьев и кустарников..

Однако, главными по величине на территории Казахстана пустынями являются Кара-Кум, Кызыл-Кум, занимающие междуречья самых больших рек Средней Азии Аму-Дарья и Сыр-Дарья, а также уже упомянутые пустыни Прибалхашья. Помимо этих массивов, имеется еще несколько сравнительно небольших по площади песчаных пустынь. Они приурочены в основном к

древним впадинам некогда существующих здесь средиземных морей или крупных озер, занимающих большие территории почти по всему Казахстану.

От других ландшафтов пески отличаются, если можно так сказать, подвижным, меняющим облик рельефом, и роль в изменении декорации играют, прежде всего, ветры, переметающие пески.

Ближе к рекам пески обычно задернованы сильнее, и это останавливает их движение под действием бурь и ветров. По мере углубления к центру, они постепенно освобождаются от растительности, и выглядят кое-где совершенно голыми и, конечно, подвержены активному кочевью. Их странствия, как известно, погубили не одну цивилизацию.

Значительную часть некоторых пустынь занимают леса из белого и черного саксаула. Иногда встречаются в них заросли серого и серебристого тополя, или, как, например, ленточные боры Прииртышья. Либо это густые заросли приречных тугайных лесов, сохранившихся еще по Сыр-Дарье и реке Или. Называются они – тугаи.

Истинно гобийскими растениями считаются боялычники с преобладанием северо-туранекого боялыча и джунгаро-восточно-гобийского вида боялыча. В их состав входят восточный ковыль, курчавка и редкая для наших пустынь ильиния Регеля...

Белый или зайсанский саксаул

Нельзя не отметить и распространение своеобразных саксаульчиковых пустынь на серо-бурых примитивных почвах. Это редкие трансграничные сообщества относятся к восточно-казахстанско-джунгарскому типу распространения.

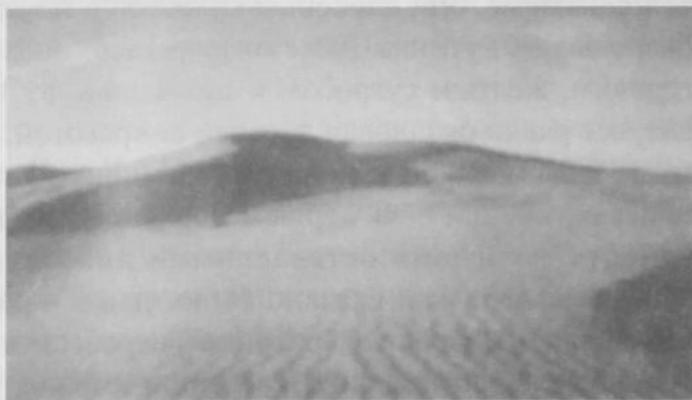
— Что это за саксаул, такой маленький, да стелющийся, удивляется впервые увидевший его ботаник, кустарник с корявыми стволиками растущего на щебнистой, высохшей до зона пустыне.

— Это не саксаул, — говорят местные знатоки, брат саксаула — саксаульчик. И он недаром носит такое имя: очень уж похож на знаменитый саксаул — пустынное дерево лишенное листьев, тонущее в воде, а по калорийности не уступающее бурому углю. Это обстоятельство стало для растения печальным — выломали на всей его территории на дрова. Саксаул и саксаульчик — древнейшие представители древовидных солянок, так называемые “ксеродендроны” — засухоустойчивые деревья крайне сухих мест, изменившие в иголочки свои листья.

Среди песчаных барханов и дюн не редки растения хорошо приспособленные к подобным условиям, как ковыль, кияк, еркен, разные полыни, астрагалы, осоки, и такие кустарники, как — чингиль, жузгун, песчаная акация. У сыпучих барханов, похожих на горы сыпучих гряд и желтых дюн, склоны обычно асимметричны: с восточной стороны они имеют надувные более отлогие “сугробы”, с извивами и мысками, с западной — более крутые, за которыми “прячутся” глубокие тени, придающие особый рисунок контрастов из света и теней.

Сливаясь между собой барханы и дюны, дают характерный для пустыни сложный, волнистый рисунок, удивляющий особой красотой.

Тысячелетиями не знающие покоя от постоянных перемещений пески, основательно “промываются” и

Бархан в песчаной пустыне

провеиваются ветрами; они лишены какой-либо пыли: зернышки – песчинки на барханах – одно к одному тщательно просеянные и все одного калибра. Ветры, как и морские течения на дне, оставляют на песках струйчатый извивистый след, напоминающий шиферное покрытие. Растения, как оказывается, тоже оставляют следы – в виде складок и вмятин, борозд, полос и даже кругов, будто сами рисовали солнце своей пустыни.

Жизнь в пустынях, как было сказано, насыщенная и это подтверждается множеством самых разных следов, оставленных многочисленными их обитателей. Следы пестрят здесь повсюду: вмятины их и ажурные кружева то бегут, то крутятся на месте или внезапно скрываются в песке, оставляя на поверхности горсточки выбросов. И сколь идешь по песчаной пустыне только и видишь, как куда-то бегут и бегут чьи-то следы и следы. Днем и ночью, лик песков расписывается жуками, ящерицами, черепахами, змеями, ушастыми ежами, лисами, дикими кошками, джейранами, саксаульными сойками, дрофами... Но каждый раз свежие ветры, заново омолаживают лица и бока барханов, стирая начисто все что было “написано”, стирают каждую морщинку и складку. Однако уже после первой ночи, на чистых “листах” Желтой книги появляются снова бесчисленные автографы живущих здесь шестиногих, пернатых и четвероногих обитателей.

Из-за избытка солнца и вязкого песка ходить по пескам тяжело, требуется сила, выносливость, а следом за тобой, всегда и неотступно – зной и жажда идут. Но как бы ни было, будь пустыни глинистые или песчаные, солончаковые, они способны красотой и поразительной первозданностью очаровывать путника. Даже когда устало “ползешь” с бархана на бархан, по горячим, желтым сугробам и скользишь, взбивая перед собой “текущий” вал, все равно околдован древней ее красотой, неожиданными встречами и тогда забываешь об усталости, стремишься дальше и дальше. Пустыня же, зазывая, обещает, за первым барханом, за дальней грядой чем-нибудь удивить – следами оставленными диковинными зверями и птицами, насекомыми и, как сказано было, даже – растениями: они здесь тоже, оставляя замысловатые “рисунки”, перебегают, перекатываются от бархана к дюне, подвластные силе и велению ветра.

РОДОВИЖНОЕ ДЕРЕВО

ИЛИ

ДЕРЕВО ШАХОВ

Это необычное дерево принадлежит к древнему роду тополей, широко распространенных в северном полушарии? Этот тополь ботаники называют тополь разнолистный, в Средней Азии его называют туранга или турангил. По характеру происхождения ботаники относят его к растениям происхождения которого связано с редким типом экосистем.

Туранга, или тополь разнолистный – типичный представитель пустынной среднеазиатской флоры. Ископаемые остатки туранговых тополей найдены в отложениях эпохи олигоцена и миоцена (возраст около 30 млн. лет). Сохранившиеся до наших дней рощи, которые ботаники называют “реликтовые саванны”, представляют уже обедненные фрагменты тугайной растительности эпохи постплейс-тоцена.

Приречные леса турангила представляют особую ценность как вариант реликтовой растительности с доминированием ирано-туранского тополя или тополя разнолистного. Необычное дерево, выделяется, прежде всего неодинаковыми листьями: в нижней части ствола и в верхней части кроны. Каждого удивляет кто видит его впервые – на одном и том же дереве – разные по форме и величине листья: в нижней части стволов старых деревьев они узкие, как у ивы, в верхней – крупные сердцевидные, с зубчатыми краями. Узкие “ивовые” листья развиваются на поросли, и, лишь с годами, по мере взросления, появляются настоящие – тополиные.

Туранга широко распространена была на юге Средней Азии, местами в Южном Казахстане – на реках Или, Чу, Арысь... Еще 50 лет назад туранговые леса вместе с лохом, чингилем и тамариском составляли непроходимые приречные заросли великих наших пустынь – Кара-Кумы и Кызыл-кумы, в основном они приурочены были к поймам таких могучих рек как Аму-Дарья и Сыр-Дарья и прилежащим к ним саванным равнинам. Эти леса, называемые в Средней Азии тугаями, натуралисты называют “среднеазиатскими джунглями”. Старая туранга – дерево могучее: толщина стволов у старых деревьев

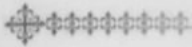
достигает трех и более обхватов. Именно в этих джунглях в недалеком прошлом в середине прошлого века водились самые разные птицы и звери и даже тигры.

Особенно много в тугаях было диких кабанов и фазанов. Туранга – относится к реликтовым деревьям. В минувшие эпохи, когда климат в наших широтах был теплее, на юге Восточного Казахстана туранга росла в Зайсанской и Алакольской котловинах. Трудно сказать, как велики были эти леса, но следы прошлого еще сохранились: угнетенные одиночные туранги и группы из 3–5 деревьев в наше время еще встречаются. Их так мало, что едва ли наберется десятка полтора. Старый разнолистый тополь стоит на древних, цветистых глинах в северной части Зайсанской котловины и группа еще из 5–7 деревьев – в песках на востоке этой котловины. И только посреди Алакольской котловины – стоит одинокое, подобное часовому, охраняющему, ушедшие времена. Раскинув ветки, одиноко шумит на ветру это дерево и ни откуда шума ответного. Тоскливо. Даже звезды перемигиваются, переговариваются между собой, а тут единственное, на сотни километров. Встреча эта удивляет, как если бы у дороги стоял памятник, Гомеру или Геродоту.

Фрагмент туранговых лесов

В солнечной Средней Азии и на Ближнем Востоке, турангу называли “деревом шахов”. Трудно сказать, почему. Можно лишь догадываться: туранга в отличие от других тополевых, способно расти на засоленных почвах, выдерживать жестокую засуху, и, поселяясь в долинах рек, формировать чудесные, островные оазисы. А где были оазисы – там сады, поселения... Строились там дворцы и храмы могущественных шахов и султанов. Вот как писал о туранге С. Никитин (“Сары-Арка – золотая планета”, 1976 г.): “От туранговых колков исходит совсем уже редкостный серебристый, таинственный, реликтовый свет. Туранга, дерево родовитое, древнее. С ханским тщеславием... каждое дерево стоит само по себе... У каждого дерева своя окрестность, свой кичливый, но загадочный голос. Глухими ночами... драгоценные кроны поднимают возмущенный ропот... Туранга дерево редчайшее реликтовое”.

Эти леса Средней Азии образуют местами вместе с лохом густые, трудно проходимые заросли: стволы их обычно густо перевиты ломоносом, образующим верхний ярус или же это сплошной полог, по которому можно даже ходить как по ковру. Видимо из-за этой особенности и получили причудливые среднеазиатские леса название “джунглей”. В тугаях держались многочисленные орлы, ястреба, фазаны, совы, сизоворонки, различные воробьиные птицы, а также звери – бухарские олени, дикие кабаны, зайцы – толаи, дикие кошки, тигры, шакалы, лисицы...

Незабываемы тугаи в час луны: огромное, как колесо арбы, золотистое светило, всплывшее на небесный склон, заливают мерцающим светом черно-лиловую ленту лесов находящихся в окружении подлунных песков. И тогда можно видеть, как зыбкий огонь то вспыхивает, то гаснет в широких ладонях глянцевиных листьев родовитых деревьев. Тугаи полны в этот час неземной сказочности. Светлую тишину их время от времени нарушают таинственные шорохи тугайных обитателей и грудные стоны скрытных буланых сов; с далеких барханов, утопающих в золоте лунного дыма, ночь напролет льется протяжный “плач” куликов – авдоток...

За последние десятилетия, когда леса эти сильно пострадали от топора и когда слово свое сказали – бесконтрольная охота и браконьерство, фауна этих чудесных “джунглей” непростительно обеднела: редкими стали кабаны

и кошки, не слышно фазаньих перепалок, давно исчезли тигры, про них и позабыли уже. Многие еще из прошлых обитателей стали редкими и даже внесены в Красную книгу. И там, где стояли сказочные леса, место их занимают тростник и вейник, солодка или вытянутая из глубин солнцем соль печально белеет на безжизненных солонцах и глинах. На месте сведенных лесов возделываются теперь различные культуры или это просто обширные пустоши, заросшие тамариском, солянками и жесткими пустынными травами.

Время туранги, как видно, прошло: и не только по причине изменения климата, но и по причине вмешательства человека: речные долины, берега могучих рек, где сплошняком тянулись джунгли, основательно освоены, и главное – они во многих местах все еще сводятся. Леса среди пустынных пространств оказались удобными для проникновения человека вглубь песчаных, и солончаковых пустынь и полупустынь: вода, лес, пастбища, рыбалка, охота – все здесь было в избытке. В результате, уже в конце прошлого века, где тысячелетиями шумели густые ленты тугаев, кишасшие разнообразной жизнью, встали города, появились аулы, поселки и вместе с ними – хлопковые поля, сады, бахчи, сенокосные угодья...

Печально сознавать что древнейшая формация этих деревьев затоплена в Бортугае, у Алматы. И хоя леса эти под запретом, но все еще кое-где они вырубаются: их мало осталось на берегах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, по реке Чу и на реке Или.

Трагедия тугайных лесов не прошла незамеченной: остаточные леса охраняются. “Родовитое дерево” внесено в Красную книгу, потому что ему без охраны грозит исчезновение полное.

КРАСИВАЯ и "СВИРЕЛЯЯ"

"Рептилии – неотъемлемая часть животного населения Земли. Допустить их исчезновение – значит, признаться, что мы готовы расстаться со всей живой природой. И если это произойдет, мы уже не сможем быть прежними людьми".

(А. Карр, 1975)

В самом названии этой замечательной ящерицы допущена серьезная ошибка, так как ни у одной из ящериц и вообще у всех пресмыкающихся которых почти 6000 видов на Земле, из которых на долю ящериц приходится почти 3000 видов, и нет у них ни каких признаков наружных ушей.

В Казахстане обитает всего 30 видов ящериц из них 6 – различных круглоголовок, в том числе и наша героиня – ушастая круглоголовка, поэтому названию ее звучит парадоксально. У черепах, ящериц есть только внутреннее и среднее ухо. Но, как говорят, дыма без огня не бывает, поэтому и в нашем случае, название ящерице дано на чисто внешнем восприятии натуралиста, "прилепившего" ящерице уши. А дело в том, что при встрече с опасностью, круглоголовка применяет очень необычный вид для того, чтобы отпугнуть врага: раздувает горло и складки вокруг рта. Незаметные до этого эти складки, раздуваются и создают впечатление больших ушей. Ящерица, с ушами, согласитесь – нечто необычное, пожалуй даже страшное... По крайней мере она так "думает". Почти то же самое что и плащеносная ящерица – дракон, обитающая в южных широтах.

Живет круглоголовка по закрепленным и полужакрепленным пескам южной части Казахстана, где каждый бархан, песчаная гряда напоминают застывшие волны, неподвижного желтого моря. По "морю" песков ходить тяжело – каждый шаг дается здесь с трудом, и вместо морской прохлады и шума волн – вокруг стоит тишина и палящее солнце.

По величине круглоголовка находится в строю наших ящериц на третьем месте – после серого варана – гигантской нашей ящерицы и еще после степной агамы. Более того, она крупнее остальных круглоголовых сородичей относимых к семейству агамовых, которых на территории Казахстана и в ближних пустынях Средней Азии набирается 15 видов. Вот как о ней писал

казахстанский герпетолог Р. Кубыкин “На открытом бархане встречаете ящерицу с круглой, а точнее овальной головой в виде сердца, длинной тела в ладонь, а шириной – в пол ладони среднего взрослого человека”.

Во время встречи с опасностью, подобно оборотню, она на глазах превращается в “страшного монстра”. Рот, как говорится – “шире ворот”, как у всех круглоголовок – до ушей с выражением загадочной и в то же время скорбной улыбкой, но живыми, почти смеющимися глазами. Это делает ее еще более загадочной, будто одна она знает что-то, неведомое другим живущим на этой земле. И вот это существо, предпочитающее безлюдные пески, с улыбкой египетского сфинкса, определенно знающего причину возникновения Вселенной и еще какие-то тайны мира, при встрече с человеком, если не успела удрать, – расставляет пошире лапки, приподнимает переднюю часть тела, становясь чуть ли не в два раза больше и выше, и открывает как можно шире рот. По краям его, сразу же, вырастают, наливаясь кровью подобно распускающемуся бутону красного тюльпана, “лепестки”. Края “лепестков” наливаются яркой синевой; озадачивает – рот не рот, а неизвестный экзотический цветок. Демонстрируя свою “окровавленную” пасть с белыми рядами устрашающих зубов, она еще и пугает своим поведением. “Мол, подойди только, проглочу, как букашку”. Такой вид только что обычной, даже симпатичной особы, сбивает каждого с толку, останавливает даже человека. “А вдруг укусит?” Но ее задача на этом не

кончается: она раздувает горло, пухнет всем телом прямо на глазах, угрожающе шипит и даже фыркает. А чтобы нагнать побольше страха, нервно бьет хвостом, и прыгает навстречу врагу своему. Вид разбушевавшегося дракона пугает. Не хочешь – отступишь. А она, добившись своего, в мгновение обретает прежний, безобидный вид – мигом угасают лепестки красных с синевой “ушей”, захлопывается устра-

Ушастая круглоголовка

шающая пасть; по краям которой остаются едва заметные складки бахромы и сама она, да Бог ноги – удирает, как можно побыстрее. Фокус удался!. Порой становится стыдно, что безобидная ящерица, встретившись один на один, пустив в ход весь арсенал защиты, используя выверенную исторически тактику, напугала Вас. Если страх ошеломил противника, она, тут же, сложив “уши”, скрывается за соседним барханом, и чтобы встречи не повторилось с тупым преследователем, энергичными телодвижениями, стремительно тонет в песке, скрываясь с головой. Там, где она утонула, на желтой щеке бархана едва заметный остается рубец.

Изменчивый облик, удивительные приемы самозащиты, делают ее довольно интересной, чего и говорить, она на самом деле достойна восхищения. Все эти ее “выходки”, внешность, делают круглоголовку привлекательными и их охотно содержат у себя любители пресмыкающихся. Есть предположения, что “раздувание” “ушей” физиологическая необходимость: она улавливает дополнительное солнечное тепло, когда это бывает необходимо. Иногда, когда еще утрами стоит прохлада, ящерицы греются в ранних лучах солнца и подобно лежащим на пляже, раскидывают в сторону лапки. Вечерами, как только солнце скроется за барханами и ящерица, по какой-либо причине оказалась вне норы, она “ложась” спать закапывается в сыпучую постель с головой, оставляя на поверхности едва заметные бугорки, под которыми прячет глаза. Из под желтого сыпучего одеяла выглядывая утром, она видит все что происходит вокруг. “Утонувшую” круглоголовку проще поймать – достаточно лишь зачерпнуть ладонями ее вместе с песком, так как в укрытии она чувствует себя в безопасности и держится спокойно.

Кожа на ощупь у нее, что огрубевшая замша или наждачная бумага. С близкого расстояния можно рассмотреть рассыпанные по телу точки, крапинки и тоненькие полоски. По настроению она меняет цвет этих пятнышек. Низ, в отличие от рыжеватого верха – светлый с темным пятном галстука на белом горлышке, что придает ей некую изысканность, и кажется, что это не живое создание, а красивая замшевая игрушка.

На передних лапках ее, как кажется, светлые “перчатки”, как у первой-классной модницы, “сшитые” из шкуры какой-то рептилии. На задних – рыжими хвоянками торчат выросты щетинок – приспособление для

передвижения по сыпучим пескам. Поэтому лапки ее подобны пескоступам и она с их помощью не проваливается во время передвижения.

По природе своей ящерицы немые, однако они умеют “разговаривать” на языке хвоста. При желании пообщаться, они то скручивают его, то раскручивают, помахивая из стороны в сторону. Этого бывает вполне достаточно, чтобы “поболтать”. Язык этот очень древний и не компанейским, не общительным, этого оказывается вполне достаточно, чтобы понять друг друга, как говорится, с полуслова. Если круглоголовка рассержена, она очень жестко и быстро “разговаривает” и это похоже на то когда сердимся мы, прибегая к оскорблениям, при этом делая различные жесты и угрожая друг другу. Как видно, несмотря на то, что происхождение рептилий и млекопитающих, равно и человека, разделено по времени сотнями миллионов, мы, все-таки, еще чем-то похожи. Ящерицы в состоянии предельного негодования, как обозленные собаченки, энергично в ярости отгребают задними лапами и отбрасывают песок; нервно крутят хвостами, только не рычат и не сверкают глазами. Так они защищают свои территории, свой дом.

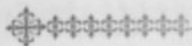
Герпетолог Р. Кубыкин рассказывает: “Подходя, бывало, по утрам к бархану, уже издали на его гребне замечаешь уже знакомого хозяина – сигнальщика. При встрече он спрашивает меня: “Ты кто?” Затем, поворачиваясь хвостом в мою сторону, “говорит”: “Я хозяин этой территории”.

Кормом им служат различные пустынные насекомые, жуки, муравьи, мухи, также пауки, саранчовые, которых круглоголовки настигают с поразительной скоростью. Изредка поедают сочную зелень молодых, саксауловых листочков.

Уже в мае самка откладывает 1–3 яйца из которых месяца через полтора на свет появляются детеныши, ведущие сразу же самостоятельную жизнь.

Ящерицы, как древнейшие животные, появившиеся более 300 млн. лет, и за эти миллионы они мало в чем изменились. Именно они – пресмыкающиеся дают нам конкретное представление древней жизни на нашей планете.

Ушастые круглоголовки – животные редкие и по этой причине включены в Красную книгу Казахстана. Будем надеяться, что эти круглоголовки и их спутники все также будут украшать наши замечательные пустыни и пусть нам завидуют те, у которых нет пустынь и нет этих ящериц..

РОЖДЕЧНАЯ ЯЕСКАМИ ПРИЗАЙСАНЬЯ

“Рептили неотьемлемая часть животного населения Земли. Допустить их исчезновение – значит признаться, что мы готовы расстаться со всей живой природой. И если это произойдет, мы уже не сможем быть прежними людьми”.

Арчи Карр.

Пустыни, как древнейшие части суши вызывают у непосвященных представления о крайней бедности их растительного покрова и животного мира, где господствует только зной и жажда. Однако, известно и другое – песчаные пустыни богаты водой, которой много в нижних горизонтах. И жизнь в них, можно сказать, не бедная. Разнообразие животных иногда поражает и главное – обитающие там растения и животные очень оригинальны внешне и по образу жизни. Палеонтологи доказали, что примерно 150 миллионов лет назад на планете царствовали гигантские пресмыкающиеся с которыми сосуществовали и современные пресмыкающиеся. В связи с глобальными катастрофами, вызванными природными силами вымерли крупные ящеры,

Центрально-азиатские пески

но дожили до нашего времени их современники – черепахи, змеи, крокодилы и ящерицы, которые за десятки миллионов лет, почти не изменились.

Природа пустынь – одна из суровых и властных стихий. Она диктует требования свои ко всему живому, и, надо отметить, сумела приспособить к своим условиям многие виды, ставшие ведущими героями ее владений. Об одном их уникальных произведений созданных песками Восточного Казахстана наш разговор. В Северном и Южном Призайсанье живет неброская с виду ящерица из семейства агамовых, которых известно в общей сложности 15 видов. Из них 8 обитает в пустынях Казахстана. Наша героиня называется – зайсанская круглоголовка. Ящерица небольшая – песочного цвета со спины и более светлым низом. Хвост сравнительно длинный, окрашен снизу ярко-оранжевый, с темными, поперечными полосками. Только сравнительно недавно, казахстанские герпетологи выделили ее в самостоятельный вид.

Местожительства – оголенные или же слегка закрепленные пески. Здесь она чувствует себя как рыба в воде. Достаточно понаблюдать, как ящерицы носятся с бархана на бархан, чтобы убедиться, что это очень шустрые создания и голыми руками, как говорится, не возьмешь. Нередко, где по пескам проходят набитые колесным транспортом дороги и растительность на них выбита, туда и тянет круглоголовок. Здесь у них хороший обзор и легче заметить и охотится за насекомыми. Если необходимо, то и сами удирают от опасности, к тому же им проще общаться между собой, ничто не мешает. Я не оговорился: круглоголовки действительно могут разговаривать языком жестов, без единого звука. Для “разговора” поднимаются как можно выше

Зайсанская круглоголовка

на лапках, горбятся, и умело скручивают в кольцо и тут же распускают хвост, показывая яркий его низ. Иногда виляют им, оповещая соперника или избранницу о своих особых намерениях.

При встрече с ней, если она, как кажется, доверяет, открываешь для себя кое-что еще интересное в ее облике и поведении. Сидящая около норки ящерица,

подпускает иногда близко. Здесь у нее есть гарантия, что в любой миг она молнией юркнет в спасительную обитель. А пока сидит, крутит головкой изучая пришельца, быстрые, птичьи глаза ее, внимательны и умны: они изучают: “Опасен, или нет?”. Но стоит шевельнуться, ее как ветром... Была и нет... Рассчитывая на покровительственную песчаную окраску, круглоголовка иногда поняв, что попалась и ей не убежать, тут же, притворяется мертвой. И действительно становится в это время незаметной. Это видимо важно, когда ее преследует какой-либо хищник. Если и это не помогает, она в мгновение ока “проваливаются сквозь землю”: совершает несколько быстрых движений и тут же проваливается в песок, словно в болоте тонет.

Живут в норах. Сами же их довольно быстро роют. Но прежде чем заняться домостроительством, ящерики выбирают какой-нибудь кустик на склоне бархана, и под ним “строят” дом. Делают это они быстро, так что, из под лапок фонтанчиками во все стороны – песок, а сама она на глазах погружается и исчезает. Одна и та же норка служит не одному поколению ящериц. В тени куста, среди перепутанных ветвей, еще и прохладнее чем на раскаленном песке и они это знают.

За теплый летний период самки откладывают по две – три кладки из двух-трех яиц.

Естественные враги их – змеи, из птиц – мелкие соколки, луны, дрофы, сорокопуть, вороны; из млекопитающих – еж, ласка, горностаи, хорь, барсук, лиса, корсак, волк...

Зайсанские круглоголовки симпатичны и доверчивы, быстро привыкают к присутствию человека. Пойманная, лишённая всякой надежды на спасение, она вдруг претворяется мертвой, словно хватил инфаркт. Оцепеневшую ее можно переверачивать – “мертва”; можно положить на спину – то же самое. Но, почувствовав, что опасность миновала, молниеносно пускается на утек. Бегают они так быстро, что и лап не заметно: мелькают как спицы в колесе.

Зайсанские ящерики хорошо привыкают к неволе. Но, не приспособленные получать нужное количество влаги в террариуме, вскоре начинают страдать от недостатка воды, отказываясь от пищи. Поэтому требуется специальный подход и обязательно их следует время от времени поить. Странно даже – в песках зной и безволие, а в террариуме недостаток воды становится

проблемой. По всей вероятности влагу они получают поедая насекомых, пауков, мокриц, ухверток... Кроме того, закапываясь в песок, они впитывают ее через кожу или, возможно, вдыхая влажный воздух. Кстати, в литературе, мне, например, не встречалось подобного объяснения, что ящерицы имея непроницаемую кожу, получали влагу из песка таким путем. Но, при содержании круглоголовки, это происходит именно так.

Круглоголовки – своего рода “барьеры”, сдерживающие численность насекомых, как и насекомоядные птицы. Являясь частью экосистемы песчаных пустынь, они, в силу их многочисленности, поддерживают определенное равновесие в системе пищевых связей.

Пережившие изменение физических условий зайсанских пустынь, которые произошли в небольшой региональной пустыне Кызыл-Кум, они столкнулись с необычными для них условиями: межбарханные чаши, после повышения уровня воды в Бухтарминском водохранилище, оказались заполненными инфильтрационными водами, образовав в песках небольшие озера. Вскоре вокруг них, и на местах высохших озер, встали тростники, рогоз и другая травянистая растительность. Обстановка для ящериц непривычная: во время стремительных перебежек, с разгона они то и дело налетают на стебли растений. Страшно представить, если бы мы так налетали с разбегу и бились лбами о стволы деревьев... Однако, они не оставляют тростниковых джунглей и более того плотность их в зарослях стала заметно выше, чем на открытых местах. Здесь больше корма и, оказывается, проще скрыться от опасности.

В жизни это премилые создания, с легкостью пера, гонимого ветром, перебегают с бархана на бархан. Встретившись взглядами с круглоголовкой, видишь, как кажется, ее осмысленный взгляд в быстрых глазах источающих любопытство и страх. Однажды решил поближе я познакомиться с круглоголовкой. Сел на бархан у старого куста жужгуна. Рядом, припав к песку затаилась ящерица. Сажу как окаменевший. Она головкой крутит и глазами обшаривает: “Кто такой, что тени от него много?”. Но ей первой надоели наши поглядделки и, тогда она сама пошла на “диалог”: приподнялась на лапках, хвост в калач свернет, то распушит. “Понятно – внимание на себя обращает... Поговорить решила”. Вроде бы понимать начинаю: “Ты большой, страшный

я боюсь тебя. Если что, – убегу”. Чтобы проверить, правильно ли понял, махнул ей рукой в ответ на закрученный хвост и собеседница в мгновение ока исчезла в норке. Обрадовался – правильно понял “инопланетянку”. Не ухожу, сижу и жду – не появится ли? Появилась. Снова глаза в глаза... И вдруг, признав, словно, во мне своего, она как собачонка завиляла оранжевым в черных полосках хвостиком. “Доверяет, значит, ласкается...” – Все друзьями стали – обрадовался и от радости, по-свойски хлопнул по сапогу ладонью – приглашая, чтобы угостить чем богат, или, погладить как маленького друга. А она шмыг снова в нору... Огорчился, – “не понимаю, оказывается, их языка”. Да и как нам понять друг друга, если ящерицам триста миллионов лет, а я человек – существо молодое на планете. Не дорос, видимо, до тайны их языка. “Пройдет – думаю – столько же миллионов лет, вот тогда, может и пойму её”.

Зайсанская круглоголовка – эндемик Зайсанских песчаных пустынь. Нигде в мире больше нет такой, похожие есть, а вот такой нет. Конечно, из-за небольших территорий песков Призайсанья, она включена в списки Красной книги и подлежит охране.

ПЕСЧАНЫЙ "КРОКОДИЛ"

В Австралии, Африке, почти по всей Южной Азии обитает в общей сложности примерно 30 видов крупных ящериц, называемых варанами. Размеры их таковы, что они, как бы, занимают промежуточное положение между настоящими крокодилами и ящерицами. В пустынях глинистых, пустынях песчаных Казахстана и Средней Азии живет один из них – владыка и властелин всех ящериц. Он один из самых крупных и свирепых – серый варан. Общая длина с хвостом может достигать до полутора метров, часть которой приходится на жесткий, как стальная плеть, хвост и к ним плюс еще три килограмма стальных также мышц. А если ко всему этому добавить его злобную тупость, тупую смелость и невероятную злость, тогда только можно лишь в общих чертах представить себе пустынного монстра. Серым назван он за преобладающий сероватый окрас. На крепкой шее сверху – по две-три светлых полосы замыкающей подковообразно позади. Есть также широкие темные полосы и на спине, и в хвосте.

Им за многие тысячелетия завоеваны были пустыни Северной Африки, Юго-западной и Средней Азии. В Казахстане он расселился к северу до южных чинков плато Устюрт; обитает также в прибрежной части Аральского моря и обычен в песках Кызыл-Кума, протянувшихся вдоль реки Сыр-Дарьи и несколько южнее. Места обитания – полузакрепленные пески с зарослями

Серый варан

саксаула. По сыпучим барханам и дюнам, испещренных следами ящериц и жуков, змеями – стрелами, мелкими зверьками – тушканчиками, песчанками и другими, варан успешно охотится на этих животных. Нападает даже на сусликов. Не избегает поселяться на плотных глинах и очень привязан к обрывам, идущих вдоль сухих, исчезнувших русел рек. Здесь он пользуется норами, трещинами, это

его убежища. В подземных катакомбах и отнорках ему удается найти гнездовья птиц, и чаще попадаются змеи, ящерицы... То есть эти места для хищника более добычливые. О пластичности варана говорит и то, что он встречается и в приречных тугайных зарослях. При необходимости занимает подземные квартиры, вырытые сусликами, черепахами и другими животными. Варан – животное сильное и ему, что называется, с руки рыть самому довольно глубокие до 3–4 м норы.

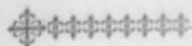
У него сильные челюсти, бесстрашное и безжалостное сердце. Его добычей, легко становятся различные мелкие животные – от суслика и тушканчика, до молодых зайчат и, конечно, разные пустынные птицы. Большой охотник до птичьих яиц. Имея прекрасное обоняние, он находит в песке и раскапывает яйца черепах. Словом он ловит всех без разбора, не пренебрегает и крупными насекомыми – жуками, а также фалангами и скорпионами. Его добычей становятся молодые ежи и черепахи. Змея встретится, будь то кобра или гюрза – не отступит и перед ней: не миновать ей крепкой хватки вараньих челюстей. В силу своей примитивности и агрессивности в атаке с опасными змеями он совершенно бесстрашен. Он тут же атакует любую змею и всегда одерживает победу. Даже укушенный гюрзой или коброй он мало реагирует на яд ее. Словом, это один из самых сильных, злобных и беспощадных хищников наших пустынь. За размеры и силу, бесшабашную агрессивность и добавлю тупость, доставшуюся ему от предков его – ящуров, живших триста миллионов лет назад, его называют “пустынным крокодилем”.

В начале лета самки откладывают до двадцати и более яиц. В конце августа или даже в сентябре из них появляются молодые. В отличие от взрослых, они окрашены в более темные цвета, по-видимому для того, чтобы скорее согреваться в ранние часы на солнце. А может это один из фактов атавизма, то есть предки серого варана были темные как у варанов живущих в Африке и Юго-Восточной Азии. Молодые. Как бы ни было, но корни его исторические именно тянутся с южных, тропических широт. Молодые варанчики, как другие крупные ящерицы, питаются насекомыми, мелкими ящерицами, и опять таки паукообразными – фалангами, скорпионами... Вараны, как долгожители, взрослыми становятся только на третий год жизни.

При встрече с человеком, с заклятым своим врагом, варан “умнеет” и проявляет всегда к нему предельную осторожность. Если же он, с глазу на глаз оказался перед человеком, то и в этом случае проявляет незаурядную агрессивность: в гневе выжимая из себя воздух, раздувая бока и мелькая языком, шипит подобно змее и еще, для устрашения, хлещет налево–направо хвостом, как жесткой плетью; угрожающе открывает усаженную мелкими зубами пасть и, нервно высовывая длинный, раздвоенный язык, переходит сам в атаку. Набрасываясь, он пытается ударить хвостом в противника или вцепиться зубами. Дух непримиримости по отношению к человеку, просто поражает и, вероятно поэтому, не бывает прирученных серых варанов – генетически он ненавидит человека. К примеру самые крупные вараны с острова Комодо – настоящие хищные “динозавры” – охотники на оленей и кабанов, не упускающие случая напасть и на человека, как оказалось, прикормленные примирись и ведут себя очень даже мирно. Они берут корм с рук человека, позволяют даже погладить себя. Конечно, когда животы их набиты мясом. Их тупостью правят инстинкты голода и поэтому поведение их, обычно непредсказуемо.

Заметим, угрозы нашего варана оправданы: челюсти его подобно капкану удерживают крепкой хваткой жертву или противника, если уж он вцепился, а удар хвостом сильный и болезненный: бьет как резиновым жгутом, укус же еще и болезненный и несет угрозу заражения. Так что лучше уж с ним не связываться. Однажды при встрече с молодым вараном у реки Шерабад-Дарьи, на границе с Афганистаном, в старом пересохшем русле с глинистыми обрывами и останцами, невольно я стал свидетелем, как средней величины варан, затаившийся на вершине останца, увидев меня, забил вдруг хвостом, зашипел и раздув широко в гневе горло и живот, несколько секунд бесновался передо мной. Я стоял неподвижно и наблюдал. Наконец мое присутствие надоело ему. Он рванулся как бешенный вперед. Однако, не рассчитав, поскользнулся и сорвавшись с вершины, несколько раз перевернувшись в воздухе гулко шлепнулся у моих ног. В ярости, да еще от страха он потерял ориентацию пока летел, и, вместо того, чтобы бежать прочь, рванул на меня. Однако в доли секунды, прежде чем столкнуться со мной, круто повернул в

сторону И видеть надо было, с какой резвостью пустился бежать, налетая на препятствия, срываясь и скользя на откосах.

Но как бы не был грозен злобный, не ведающий ни с кем дружбы варан, он, понятно, не беззащитен. Особенно туго приходится молодым, когда они попадают в поле зрения пернатых хищников – орлов, канюков или таких четвероногих, как хорьки и лисицы. Но давний и грозный противник, все-таки, человек. И были годы 30-е прошлого столетия, когда вараны в большом количестве беспощадно промышлялись. Их прочные, красивые шкуры шли на дамские сумочки, туфли, ремни и другие галантерейные изделия. Численность варана за те годы, как никогда прежде, сильно сократилась, а местами он оказался истребленным. Только за эту печальную статистику геноцида, в злобе и недоверии к человеку, его можно простить.

В наше время встреча с вараном – удача для любознательного натуралиста. Варан охраняется. Он в “Красной книге”. Без него пустыни потеряют многое, олицетворяющее дикость, примитивность и, если хотите, первозданную древность наших пустынь.

“СЯ АРИМКИ-ОЧКАРИКИ”

В пустынных территориях Южного Казахстана и Средней Азии – широко распространен древнейший обитатель глинистых обрывов, скальных пещер и заброшенных человеческих строений, также поселяется в дуплах старых деревьев – этот маленький, абсолютно серенький герой класса пресмыкающихся – серый геккончик. Совершенно неожиданной оказалась находка его на крайнем Востоке Казахстана – в Зайсанской котловине, что лишнее раз подтверждает времена с субтропическим климатом охватывающем обширные территории южных и юго-восточных территорий современного Казахстана. Здесь, определенно, господствовали саваноидные степи с тополями, платанами, араукариями и туранговыми лесами. Среди них бродили и современные, и вымершие уже животные. Но после глобального похолодания, климат изменился, поэтому многие растения и животные, в силу этих перемен, оказались оторванными от основных своих ареалов. Находки геккончика на востоке, подтверждает этот сложный геоклиматический процесс. Теперь, в условиях не совсем благоприятных, с жесткими многоснежными зимами, студеными ветрами, приходится доживать этой теплолюбивой ящерке. Поэтому геккончик на востоке крайне редок, и похоже вымирающий вид – свидетель прошлого этой земли.

Южнее, где геккончик обычен, ведет он привычную ему, крайне скрытную, старорежимную жизнь, как и в далеком прошлом, – тысячелетия назад. Солнце заменяет ему ночное светило и сияние звезд. Днем прячется он по щелям и пещерам, где сумрачнее и безопаснее. Ночной образ жизни проявился на всем его облике: среди своих собратьев, прожигающих жизнь при лунном сиянии, он оказался, среди в общем-то таких же серых соплеменников, самым, что ни есть серым: на красавца не претендует, как например, один из крупных гекконов живущий в Юго-Восточной Азии, – токи. Серый он и есть серый, ни чем и другим не знаменит. И за миллионы лет своей истории ничем особенным не одарила “беднягу” природа. А вот в царстве – рептилий, все-таки он хотя и мелкая, но фигура: у него не только нет сколько – нибудь заметного рисунка, он отличается необыкновенной

худосочностью. И, дабы не показывать немощь свою, – бодрствует как сказано, в сумерки или ночью. Правда, в пещерах Юга Средней Азии и Казахстана, где геккон довольно обычен, встретить их компании можно и днем, когда подобно плоским, с виду похожим на картонные вырезки они, словно, приклеены, к стенам скал и сводами пещер, где им уютно в тени и прохладе.

Как и все сородичи его, приспособлен наш геккончик прекрасно к скалолазанию. Подобно мухам, эти ящерики словно, не подвластны земному притяжению. И, поэтому, как намагниченные прилипают к гладким и отвесным скалам, и даже к гладким “потолкам” пещер. Подобно мухам, без труда и страха они свободно бегают в поисках насекомых вверх ногами, совершенно не боясь свалиться и “сломать” шею. Также без страха и усилий, они легко и свободно засыпают вниз головой.

Первая встреча с таинственными существами состоялась у меня лично в горах Южного Узбекистана. В одной из отдаленных горных пещер хребта Кугитанг. Пещера имела в длину не менее пяти метров и в высоту – метра два. На стенах и по сводом отдыхало их около трех десятков. Тщедушные “скалолазы” затаились и, вероятно впервые наблюдая человека, окаменели, не подавая ни каких признаков жизни: не шевелились, не дышали... Да и необычно было б, если бы в их “высохших” до состояния мумии фигурках, могла вселиться какая бы ни было душа. Десятки желтых блестящих глаз, начисто лишенных какой-либо мысли, остекленело смотрели с потолка и стен. И, казалось, что каждый из старичков-очкариков, нацепив эти крупные линзы, совсем не по размерам головы, прячется за ними, чтобы не выдавать себя. Наблюдая за ними, мне приходили мысли, что это вовсе не животные, а крошечные инопланетяне с какой-то мизерной далекой звезды; или это печальные духи потустороннего мира, посетившие пещеру. Подхожу ближе: не мигая, на меня сквозь толстенные стекла непомерно крупных “очков”, смотрели полудохлые существа – доходяги. “Может они не живые, и присохли к потолку?” – подумалось. Я протянул руку. Но этот жест напугал “мертвецов”: В одно мгновение их ветром, словно, сдуло – исчезли разом в ближайших трещинах. Видимо врагами их в природе являются змеи и ночные птицы – совы и домовые сычи, и, возможно, некоторые наземные хищни-

ки – горностаи, ласки, дикие кошки и при опасности они умело спасаются в тесных щелях.

Другая встреча произошла в Сайгоне – Южный Вьетнам. Мы сидели в одном из ресторанов на шестом этаже. Как только потемнел вечерний небосвод, тут же снаружи на стеклах окон их выбралось более десятка – серых геккончиков. Каждое окно было буквально ими обклеено. Охотники за насекомыми приспособились к тому, что на свет летели насекомые и жадная, голодная ватага ящериц бесстрашно быстро бегая по стеклам, как по асфальту, успешно охотились, ни сколько не страшась высоты.

Избирает этот тихоня неприглядные места, как говорилось уже – глинистые обрывы, поселяется в старых саксауловых и тугайных лесах, где прячется на день в трещинах коры и в дуплах, под корягами.

Не такой уж это жизнеспособный вид, не герой нашей эпохи. Образ жизни его течет незаметно, словно он не живет, а доживает прошлые времена, являясь жалким осколком эпохи расцвета рептилий на древней земле.

Самка откладывает яйца, которые также как и у пискливого геккончика заключены в твердую скорлупу и столь же они крупные в сравнении с массой тела ящерицы. И так из года в год жизнь их проходит под покровом ночной темноты. Они и сами не знают: как и когда они произошли и где их родина. Не знаем этого и мы. Можно лишь предполагать об условиях жизни их в прошлом.

Но точно известно одно: это неприметное существо, носитель генетического кода древней рептилии. Чтобы в списках животных Казахстана “имена” их не исчезли, их просто-напросто не следует преследовать и беспокоить в каких-либо регионах республики, где они крайне редкие, как например, на Востоке Казахстана. Включить в Красную книгу регионального уровня, как это сделал я, поместив очерк о нем в нашу “Красную книгу для всех”.

“РЕЛИКТОВЫЙ ЧЕВИДИМКА”

Лик земной, как и все, переменчив: где в древности седой плескались воды морей, океанов, – встали леса, поднялись горы, золотятся пустыни.... Время было, когда огромные части суши нашего континента, разделившиеся позднее на различные географические зоны, представляли нечто одинаковое, единое. Предполагать это есть основания, что подтверждается странным распространением некоторых животных одного вида разделенных огромными, непреодолимыми расстояниями. Это и были те эпохи, когда формировались как виды и расселялись по континенту животные и растения. Пролетали миллионы лет, мелькали тысячелетия и века; менялись, естественно, климатические и физические условия на земле. В результате этого, как следствие, некогда одинаковые, обширные географические регионы оказались разорванными по причине вклинившихся в них других, не типичных зональных условий – горных хребтов, внутренних водоемов, кусков пустыни и т. д. Вместе с текущими изменениями, по этому же сценарию, разорванными оказались и ареалы многих растений и животных. И, находки живших где-то на Севере или Юге одних и тех же видов, разделенных в наше время тысячами километров, – загадочны, – они удивляли... К примеру, живет голубая сорока в Забайкалье, а потом вдали за тысячи километров, после громадного географического разрыва, находят ее в Испании (!?). Таких примеров очень много. Одной из частных этих случаев относится встреча на Востоке Казахстана полосатого полоза. Тогда как основной ареал его находится в Юго-Восточной Азии, и частично заходит в Китай и Монголию.

Эта безобидная змея впервые, (О! это была сенсация!), поймана была в южной части Зайсанской котловины – каменной, сухой степи, покрывающей подножья хребта Манрак. Заметим, что встречали его гораздо раньше, однако большое внешнее сходство полоза со стрелой – змеей давали повод зоологам ошибочно считать, что это и была стре-

Полосатый полоз

ла – змея. В определителе читаем: “По внешнему виду и быстроте передвижения несколько напоминает стрелу-змею, вместе с которой встречается в котловине озера Зайсан”. За многие десятилетия наших посещений названной котловины, ни разу змеи – стрелы здесь не отмечено. Ее просто здесь и никогда не было. Теперь нет сомнений что вместо нее встречался этот полоз. Автор, в ранние годы свои, под влиянием авторитета известных зоологов, встретив похожего очень на “стрелу” змею, так и посчитал, что это она. И это не удивительно, когда недостаточно опыта и имеешь дело с похожими животными, тем более трудно определяемыми, как некоторые пресмыкающиеся. Впервые полосатый полоз как вид на востоке Казахстана был найден в 1954 году в южной части Зайсанской котловины. Позднее, уже в конце прошлого века, полоз этот обнаружен был лично автором в северной части котловины – у берега озера в районе сопки Чакельмес. Другая встреча состоялась в щебнистой глинистой пустыне, примерно в 10 км от озера, и еще одна – на горе Карабирюк, также расположенной в центральной части Северного Призайсанья. Находили полоза и другие зоологи в южных предгорьях Курчумских гор. Как, видно, эта змея распространена гораздо шире, чем принято было считать. Наконец, ошеломляющей оказалась находка его в предгорьях Ульбинского хребта (Западный Алтай) около “Голубого Залива”, в местечке – “Борок”. Полоза отловили прямо у воды, в гранитных скалах. Последняя находка лишней раз подтверждает, что полоз распространен на Востоке Казахстана много шире чем известно. Теперь, мы знаем, что он в свое время расселился по обе стороны Иртыша.

Полосатый полоз – змея удивительная: тонкая, достигающая 80- и более сантиметров и поражает стремительностью, что делает ее очень похожей на стрелу-змею. Однако от последней он отличается выраженной хорошо светлой полосой: по спине, от основания головы, тянется она по всему телу.

При содержании полоза дома, я убедился, что он обладает поразительной способностью протискиваться через самые узкие щели, которые, казалось бы, совершенно непреодолимы для его туловища. Примерно это выглядело бы так, если бы суслик или крыса пролезли сквозь бутылочное горлышко.

Это на редкость исключительная особенность проливает свет на способность проникать и, очень свободно, в мышинные норы; буквально

“просачиваться” через трещины в скалах. Оказалось еще и то, что эта “пустынная” рептилия, отлично приспособлена лазить по деревьям – свободно перебираясь с одной тонкой ветки на другую, расположенных друг от друга на значительном расстоянии, как это делают тропические древесные змеи. Полоз, в это время вытягивается в струну и передняя часть его почти на две трети повисает. При этом он удерживается задней частью тела и хвостом. Дотянувшись до ветки, к примеру, на расстояние более половины его общей длины, успешно он переползает на другую ветвь... Это проверялось мной многократно.

Полоз осторожное животное и даже очень. Именно это, как можно предполагать, давало и дает возможность ему так долго на территории нашей республики оставаться невидимкой.

Он обладает прекрасным зрением и, каждый раз, увидев опасность даже дальше десяти метров, например, человека, молниеносно исчезает в норе. Застать свободно ползущим его или отдыхающим беспечно, – почти невозможно. Естественно, при таком поведении и скорости легкой добычей для него становятся разные мелкие грызуны, ящерицы, насекомые...

Полоз включен в Красную книгу Казахстана. Но давайте спросим – кто же станет охранять встретившуюся ему змею? Никто! Хорошо если не тронут. Вспомним, что наши деды вдолбили своим потомкам тупой страх перед всеми змеями: убить змею – снять с себя “сорок грехов”. Хотя, на самом деле убивать никого бы не следовало, очищая себя. Напротив даже – убить, значит навлечь на душу свою все те же “сорок грехов”, вдобавок к тем, что уже за нами числятся. Никто, понятно, никогда не посмотрит – есть полоса на спине у встреченной змеи или нет ее... Змея и все... Хватают, что попадая и убивают. Поэтому самой важной охранной грамотой для самого полоза является, прежде всего, его спасительная скорость, зрение и осторожность. Он “умница” – старается на глаза нам не попадаться, в этом, по видимому, и кроется главный секрет его редкости и удивительной живучести вдали от основной родины. А расселился он по обе стороны Иртыша, возможно так давно, когда Иртыша как такового еще и в помине не было, а полозы были. Рептилии очень древние животные – не трогайте современников и потомков древних ящеров, им и так не повезло на нашей планете...

ДЖУРГА — ТОРГАЙ — ИНОХОДЕЦ

Наш разговор об одной из удивительных птиц казахстанской фауны, получившей у казахов оригинальное название — “джурга — торгай”. Известный натуралист — ученый В.Н. Шнитников, проживающий многие годы в Алма-Ате писал: “...бежит сама она настолько быстро, что и речи быть не может о том, чтобы ее настигнуть”. Бегаёт она столь быстро не только по плотным глинам, но также успешно и по сыпучим пескам, где человеку не только догнать ее, но и ходить-то трудно. Родная стихия этой бегуны, — являются песчаные пустыни с барханами или это волнистые равнины, с редкими зарослями кустов саксаула, тамарикса, жузгуна и чахлыми травами. И там, где казалось бы, спрятаться негде, она способна исчезать в одно мгновение, словно ее и не было, только вмятины узких следов оставленные на песке, убеждают, что птица только что пробежала. До сих пор эта удивительная птица остается все еще слабо изученной. Причиной чему — не только редкость ее, но и крайняя осторожность, особенно по отношению к человеку. Ей только достаточно заметить его, как она пулей мчится прочь, лавируя между кустов, а при надобности низко летит, вихляя среди зарослей. Если она заметит, что привлекла внимание, то с легкостью

покидает опасное по ее представлениям место, ищет другое где нет поблизости людей. Даже в то время когда в гнезде у нее уже отложены яйца или если в гнезде находятся птенцы: она все равно, старается скрыться ничем себя не проявляя. Избегая человека, гнезда устраивает в самых безлюдных местах. Казахское название “журга — торгай”, означающее “птица — иноходец” — саксаульная сойка. Относится она к так называемому роду пустынных соек. Из 4 видов этих птиц, в Казахстане встречается только саксаульная, хотя в

Саксаульная сойка

прошлом веке на Востоке Казахстана, в Зайсанской котловине, отмечалась и другая – монгольская пустынная сойка. Однако уже в течении почти века ее там больше не встречали.

Сойка – оседлая и считается эндемиком азиатских песчаных пустынь. В Казахстане найдена в песках Прикаспия, Приаралья, в пустынях – Кызыл-Кум и Кара-Кум; островные поселения есть и в Южном Прибалхашье. По существу это птица крепко-накрепко связана с саксауловыми лесами, но излюбленные места – редкие саксаульники и другие кустарники. Где саксауловые леса загущены, их она избегает. По характеру питания вегетарианка, и хищница: кроме семян пустынных растений, молодых побегов, она питается и насекомыми – жуками, саранчовыми, пайками... Не упустит случая поймать подвернувшуюся ящерицу. Скудность питания, выработали у нее черты экономки: лишнюю пищу она прячет в щели стволов саксаула или на “черный день” зарывает в песок. С наступлением холодов сойки совершают незначительные кочевки. От мест гнездования они переселяются в места где, опять-таки, нет поблизости человеческих селений и вообще людей. Зимой они не покидают пустыни и обходятся в питании семенами трав и кустарников.

Глядя на птицу, завершающую цепочку в питании обитателей пустыни, как хищница и растительоядная, способная обходится в иссушающий зной без питья, воду извлекает из съеденных ей насекомых, которые в свою очередь получают ее из листьев и стеблей растений. Последние же, достают ее с песчаных глубин. В этой связи приходится и удивляться, и восхищаться, как это они переживают убийственный зной, песчаные бури, снежные метели и пронизывающие ветры. И всегда сойки энергичные, веселые, поющие даже в несносный зной, когда тонут в “дыму” миражей ближние барханы, когда от перегретого воздуха, реками текущего над песками, хочется убежать и спрятаться в какую-нибудь спасительную тень, или даже на время сквозь землю провалиться, лишь бы скрыться от солнца и раскаленного песка.

Сойка – больше всего доверяет своим глазам и ногам. Она редко, в исключительных случаях, поднимается на крылья и торопится поскорее сесть. Жизнь ее проходит в постоянных перебежках в поисках корма. В Приаральских Кара-Кумах, недалеко от горной гряды Султан-Уездаг,

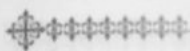
подходящей к берегу Аму-Дарьи мне повезло однажды встретиться с этой замечательной птицей. С бархана на бархан она перебегала настолько быстро, что сравнить ее можно, разве что с неуловимым ртутным шариком, стремительно перекатывающимся в седых саксаульниках. Во время перебежек лапок ее, как велосипедных спиц, на большой скорости не видно. Но встреченная нами сойка вдруг вспорхнула на куст саксаула и тотчас нежная, с переливами зазвучала ее песенка. И очень странно слышать было веселое пение во время нестерпимого зноя и духоты, среди спящих барханов, погруженных в дрожащее марево. Зной стоял такой, что асфальт на проходящей трассе, плавился и казался фиолетовым, а она пела!

По окраске оперения схожая с пустынным серым сорокопутом: у нее такие же светлые полосы на крыльях и при полете она походит на него – полосы создают мелькающую пестроту. Несмотря на незначительные размеры, но во время перебежек, между следами довольно большое расстояние – до 30 см. Это то же самое, если бы мы, бегая по песку, делали 4–5-е метровые прыжки, причем на большой скорости. На бегу голова ее приподнята высоко, туловище несет она почти вертикально, даже слегка выпятив грудь. За этот бег, видимо ее и называли казахи “птица – иноходец”.

Вся жизнь сойки проходит в бегах: набегу охотится и ест – жуков, саранчовых, на ходу разрывает клювом песок, извлекая спрятавшихся насекомых. На бегу не упустит случая, ловит ящериц. За ними нужно погоняться, сами они не желают идти к хищнице.

По старинному сорочьему шаблону, а они ее отдаленные родственники, саксаульная сойка строит неряшливые, шаровидные терема из веточек кустарников, на ветках саксаула, выстилая корой их и шерстью, перьями и другим подручным материалом. Помещает гнездо не выше человеческого роста... За всю историю свою земного существования, этот вид немало, видимо, сталкивался с различными опасностями с чем и связана их особая подозрительность и осторожность. Даже гнезда, чтобы были не заметными для чужих глаз, она снаружи их маскирует различными веточками.

В кладке бывает от 3 до 6 яиц. Волк и лисица, шакал и корсак, хорьки, хищные птицы канюки и совы – все это заклятые ее враги. Природа и жестока,

и мудра: по особому она проявила себя в поведении сойки: в случае появления опасности, взрослые птицы, как кажется, без сожаления убегают, оставляя гнезда или малышей на произвол судьбы. Видимо это и помогает виду выжить в столь суровых условиях. А если гнездо ее разорили, взрослые приступают к постройке другого. Обстановка жизни в безводных пустынях такова, что всегда оказываешься на виду и только покровительственная окраска, ее скорость и осторожность обеспечили выживание ей до наших дней.

Окраска пустынной сойки относится к типу покровительственных. На сероватом оперении выделяются расчленяющие черные полосы и пятна. На пояснице и надхвостье – охристые перья. Такого же цвета и птенцы. Позволю себе предположить, что далекие предки современных соек носили рыжеватые одежды – под цвет песка и это служило им хорошей тогда маскировкой. Но по мере большей приспособляемости к среде обитания они перекрасились постепенно в серые, белые и темные цвета, полагаясь на пустынный тип окраски, оказавшей большую услугу им в прошлом, а на более цивилизованный – под светлым горлом – темный галстук; низ чуть розоватый. Молодые отличаются более тусклой окраской; у них нет черного пятна на груди и они повторяют спасительную для них пустынную окраску.

Сойка становится исчезающим видом и внесена в Красную книгу Казахстана. Необходимо для ее сохранения, места обитания внести в реестры охраняемых, и до минимума свести не только хозяйственную деятельность человека, но и посещение этих мест вообще человеком, особенно во время периода гнездования.

СТРАДНЫЕ ПУСТЫННЫЕ СТРАДНИКИ

“Впрочем, благодаря быстроте их полета эта охота обычно бывает не особенно добычливой, и чаще предпочитают стрелять садж, расположившись под каким-нибудь укрытием на самом месте их водопоя”.

Шнитников В.Н.

В наших пустынях живет совершенно необычная птица: она не боится безводных пустынь, ни палящего солнца, ни пыльных бурь. Не пугают ее громадные опаленные солнцем просторы: она способна преодолевать многие десятки километров на пути к водопоям. Так кто же наша героиня?

Во внешнем облике ее много оригинального: у нее аккуратная, голубиная головка, клюв как у перепелки. Но вместе с тем – сильная соколиная грудь: крылья – острые и длинные, как у ласточки. Но более еще интересны лапки – ни дать ни взять а взятые на напрокат у мохноногого тушканчика. Точно такие, на них нет даже заднего “птичьего” пальца, какой имеется почти у всех наших птиц. Оперение плотное, но слабое, как у кукушек и голубей, а к последним они близки, стоит слегка лишь дернуть за перышки и они слетают, как пух с одуванчика. Зоб сравнительно большой и вмещает много пищи или воды.

Саджа или копытка

Живут стаями или небольшими группами иногда совершенно в безводных пустынях. Однако при способности переносить зной пустыни, суровые центрально-азиатские зимы, они также привязаны к водопоям и чтобы утолить жажду, принести воды в зобу птенцам воды, летают за многие десятки километров.

Саджа относится к семейству рябков с широкой, довольно, областью распрост-

ранения в Казахстане: к западу ареал ее доходит до низовий Волги, достигает Северного Прикаспия проникает в плато Усть-Урт. Обычна в Приаральских Каракумах: гнездится по окраинам пустыни Бетпак-Дала, также у Балхаша, в Алакольской и Зайсанской котловинах. Однако за последние годы, численность ее, по крайней мере, в Восточной части Казахстана, заметно сократилась.

Ежедневно, в определенное время, с завидной точностью собираются вместе, будто у каждого есть собственные часы; летят небольшими группами, попарно, быстро и прямо, неустанно переговариваясь. Поэтому у мест водопоя также появляются точно в одно и то же самое время.

Саджа, а очерк посвящен именно ей, также как голубь кормится семенами различных пустынных трав. С охотой съедают побеги некоторых растений и даже солероса, звенья которого солоноватые, но сочные, а избыток соли который он получает произрастая на солончаках, концентрируется на верхнем, самом последнем звене его стебля. Возможно таким путем саджа компенсирует недостаток соли в организме? Пьют они тоже, как голуби – не отрываясь при этом, погружая клюв в воду по самые ноздри. А вот бегают неуклюже, словно у них нет ног; они будто катятся переваливаясь с боку на бок, как тяжелые глиняные игрушки. Да и как быть, если лапки маленькие и снизу подшиты кирзой. “Обувь” саджи напоминает колодки, какие надевали в прежние времена китайским девушкам, чтобы стопа ноги не росла. Поэтому след оставленный птицей не отличим или очень похож на след ежа, суслика или тушканчика. Ступни ее лапок сравнивают, иногда, с копытцами и за эту исключительную особенность саму саджу называли еще и копыткой.

Как и голуби, эти пустынники не проявляют прилежности по части строительства гнезд. Не гнезда, а одно название: это малозаметные углубления на земле, в которых даже нет набросанных как у голубей, как попало, палочек или травинок. А просто на голую почву откладывают они по 3, реже – 4 яйца. Окраска яиц настолько подходит к окружающему субстрату, что найти их можно случайно или выследив место где сидит птица. Во время сильного зноя птицы смачивают перья брюшка водой, чтобы яйца не пересыхали.

Птенчики появляются в пестром пушке и способны вскоре самостоятельно бегать. И здесь приходится только удивляться: на сколько у них совершенен камуфляж, который является главным спасательным “кругом”. Основная угроза для них – глазастые пернатые хищники, также лисы, корсаки, хорьки, змеи... А после того как они встанут на крыло, главным “оружием” станут их быстрые крылья. Обтекаемое, каплевидное тело, длинные косицы на хвосте – все это показатели их быстрого и неутомимого полета. Когда стаи их летят, издали слышен характерный шум приближающегося вихря. В это время они постоянно и неустанно переговариваются приятными, далеко слышными, грудными голосами “тррюрюк-трюк-тюррюк-тюррр...”. За эти голоса, которые издает в полете каждая птица, садж по всей Средней Азии, и на юге Казахстана называют звукоподражательно – “туртушки”. На большой скорости они способны совершать еще и быстрые, неожиданные повороты, так что не каждый хищник в состоянии поймать их.

Однако каждого, кто их наблюдал близко, восхищает окраска оперения, отвечающая самым высоким главенствующим цветам и оттенкам господствующих в пустынях. Более того, затаившуюся птицу непросто заметить. Да и как? Если она не отличается от комка глины или слежавшегося песка. На пестрой окраске перьев ее считываются тончайшие переходы нежнейших оттенков глинистых пустынь, исполосованных полосками трещин и пятнами глубоких теней. Именно старыми самцами “срисованы” черные или темно – коричневые пятна на брюшке, похожие на прилипший кусок тени, а поперек груди проходит светлое полукольцо, которого нет у самок.

Для гнездования саджа избирает плотные, глинистые участки пустыни с редкими кустиками полынок. Поселяется охотно там, где пестрят каменные окатыши, следы быстрой, былой воды. В таких местах найти ее гнездо также трудно, как скажем, увидеть пресловутую черную кошку в темной комнате. Бывает даже так, что уже найденное гнездо перед тобой, а пока переводишь глаза на фотоаппарат, настраивая его для съемки, потом глянешь на гнездо, а его-то и нет... И еще приходится некоторое время пристально изучать местность, ходить, осторожно ступая, чтобы не раздавить. То же самое и с птенцами – стоит только отвести глаза от них и ищи свищи снова. Ни один из великих художников не проявил подобного мастерства и вкуса, в окраску ее

наряда, каждого перышка, которые вложила Природа, создавая на протяжении многих миллионов лет нашу героиню.

Гнезда насиживают оба родителя. Но у них есть и надежный помощник: когда они улетают на водопой, обязанности няни берет на себя его Величество Солнце. В пустыне летом не то слово – тепло, а очень жарко. Поэтому даже долгое отсутствие родителей не приносит оставшимся без присмотра яйцам вреда, а краски пустыни делают их совершенно незаметными.

С появлением птенцов, саджи им приносят воду в зобах, как в бурдюках. Каждая птица приносит более чем пол стакана. Зная эту особенность, в недавние времена, заблудившиеся путешественники, погибающие от солнца и жажды, искали пути перелета саджи, зная что они тем же путем возвращаются с водопоев к гнездам. На “проложенных” воздушных трассах путешественники их и поджидали. Напомним, кстати, что еще, в недалеком прошлом они сотнями тысяч населяли некоторые пустынные регионы и все летали одними и теми же “дорогами”. Птиц отстреливали и пили воду, которую они несли в зобах. Как настоящие номады, они задерживаются на определенных местах на время размножения. Остальное же время, как только молодые встанут на крыло, проводят в кочевьях по необъятным центрально-азиатским пустыням. Например, в 1978 году в Зайсанской котловине нам удалось поднять однажды более пяти сот тысяч этих птиц. В другие же годы она бывает на востоке Казахстана малочисленной, а то на год -два, и вовсе исчезает. Стало быть, стаи их переселяются в какие-то другие пустынные территории. Интересно и загадочно: в отдельные годы стаи саджи залетали во время сезонных кочевий в XVII веке в Англию, Испанию, Швецию и даже до Атлантического океана и к северу – до Архангельска. Некоторые птицы даже строили гнезда и выводили птенцов на чужбине. Но закрепиться там не смогли. Причины столь “дерзких” вылазок пока не объяснимы.

Потому то за пределы гнездового ареала саджа нередко вылетает, в места очень отдаленные от ее азиатских пустынь. Хотя, обычно, она не покидает даже зимой южных частей Средней Азии.

Саджа, ввиду быстрого сокращения ее численности, за счет исключительно охот, стала видом редким в местах, где недавно еще была самой многочисленной. Поэтому она и включена в Красную книгу Казахстана.

КРАСНОТЛАЗЫЙ ПУТАЧ

Филин

В мире пернатых есть свои ночные разбойники, это совы. Это они изменили суточное расписание и весь образ жизни, чтобы успешнее охотится на животных, которые выходят из убежищ по ночам. Эта склонность коренным образом изменила их зрительные возможности, они обладают совершенно уникальным зрением: видят одинаково, что ночью, что днем. Все эти завоевания в сравнении с дневными хищниками,

с которыми они не имеют ничего общего, длились на протяжении сорока миллионов лет. Самый крупный из них громада, конечно, филин. Его знают почти все, но мало кто видел в природе. Чтобы наткнуться на место где он отдыхает – в скалах, обрывах глины или в лесах – редкая удача. Также непросто найти и его гнездо. Однако, где они обитают, начиная с марта по май ночами, слышится мрачное уханье, сатанинский хохот или истеричные рыдания. Любовная серенада его, особенно в пустынной или степной местности, слышна на расстоянии почти в четыре – пять километров. От крика его, как говорится, “кровь стынет в жилах” и “муршаки по спине...”, на голоса иногда откликаются даже волки. Самая обычная и характерная весенняя серенада, походит на “загробные” стоны и крики, звучит, как: “Ху! Ху-у! Хуу-бу! Ху-бу, Ху-гуу!”. Этот пугающий крик разными народами воспринимался как крик лешего, что и навлекало на сов самую дурную славу. Немцы, например, звукоподражательное называют его “Дер-Уху”. Похожее название он носит у казахов и кыргызов – “У-гу” или “Уку”. На самом деле это всего лишь любовные дуэты самцов и самок.

Полет, из-за особого строения перьев, совершенно бесшумный и невесомый. Имея размах крыльев до полутора метров, пролетая даже над самой головой, филина не слышно, словно это мелькнула не птица, а всего лишь крупная тень. Из-за такого полета, внезапного появления в ночи, не сразу и

сообразись, что это он – филин. Вес его, как самой крупной совы, достигает трех килограмм.

Места обитания – самые различные, это – пустыни с глинистыми обрывами, и останцами, горные ущелья, леса, местами заходит в скалы у верхней границы лесов и даже выше. Гнезда строит, в основном, на земле используя для укрытия заросли кустов, нависающие козырьки скал, расщелины... На голую землю или в скальной нише самка откладывает от 2 до 5 яиц. Это сильный хищник, поедающий не только мышей, полевок, ежей, тушканчиков, куропаток, тетеревов, различных уток... Нападает он и на более крупных животных размером с зайца, случается – на лисиц. Есть сведения, что добычей служат ему даже молодые мелких копытных – оленей, косуль. Мне, например, неоднократно встречались гнезда сорок, в которых насиживающие птицы брались через проломленную сверху крышу гнезда.

Во время ночного разбоя, его ширококрылый, тупоголовый силуэт неслышно перемещается, огибая во время полета все взгорки и прочие неровности, высматривая и выслушивая жертву. Иногда может подниматься высоко и, медленно взмахивая крыльями, с легким скольжением, старается выследить добычу с большого расстояния. Истребляя в основном грызунов, он очищает от них громадные территории – охотится, улетает от гнезда иногда на десять-пятнадцать километров.

Есть наблюдения, что филин, поймавший зайца, скачет на его спине, пытаясь свободной лапой ухватиться за какой-нибудь куст, чтобы остановить жертву. Также поступают и другие крупные совы, как неясыти. Однако в таких случаях, если охотник ухватился за ветку или куст, спасающийся заяц способен вырвать и унести на себе вцепившуюся в него лапу. Охотникам встречались зайцы с заросшими на спине лапами этих хищников. Есть наблюдения, что поймавший зайца филин, оставшуюся часть жертвы в сильные морозы греет под своим “тулупом”, чтобы мясо не застыло. И так сидит на нем и греет до тех пор пока не съест.

Из-за крика и магического выражения громадных, красноватых глаз, “рогов” создающих устрашающий вид, в общем-то всего его дьявольского облика, у славянских народов распространенное название филина – пугач,

леший... В старые времена казахи верили, многие верят и сейчас, в чудодейственную силу птицы, а тонкую вязь рисунка на перьях растущих по бокам груди, на “штанах”, напоминающих арабскую письменность, считали, что это записаны суры из Корана и они имеют таинственный смысл. Поэтому, перья филинов, как талисман от дурного глаза и как украшение головных уборов для девушек, артистов, джигитов и детей. Всадники подвязывали перья филинов к хвостам самых лучших тулпаров...

С помощью филинов, было время, успешно отстреливали других хищников, в том числе ворон и сорок. Завидев ночное “пугало”, эти птицы поднимают крик на всю округу, созывая сородичей. Прилетевшие, также поднимают невероятный “хай”: каждый, из прилетевших стремится “высказать” и “охаять” бесстыжего разбойника.

Мы должны знать и помнить, что это сказочно-красивая птица, нелюдимая, олицетворяющая ночные таинства, подталкивающая нас своим видом, криками и образом жизни на фантастические домыслы, должна жить вместе с нами. Однако, желание горе-охотников, откровенных браконьеров, невежд всякого рода, подстрелить филина, разорить его гнездо, привело к резкому сокращению его численности.

Но теперь филин внесен в “Красную книгу”. Нам же, требуется терпение и самое доброе отношение к удивительной, можно сказать волшебной птице из страшной сказки. Без филина, без пугающего ночного ухастья и его мифического облика, мир вокруг осиротеет. Это поняли уже во многих странах Запада и делается все возможное, чтобы его вернуть в свои леса и горы. Мы также не должны отставать от них в этих добрых и нужных делах.

ПРЕКРАСНЫЙ "УРОДЕЦ"

В песчаных пустынях Казахстана живет древний и ни на кого не похожий – карликовый, трехпалый, трубноухий, жирнохвостый – все это он один, это странный “зверь”... Словно только на него одного свалились все беды и гнев богов. Проявились они в его “уродстве”, какое есть на земле. А он сам такой крошечный и беззащитный и маленький самый среди своих сородичей, населяющих пустыни и полупустыни – тушканчиков.

Размеры, удостоенного внимания нашего “зверя” – не больше грецкого ореха. Редчайший “уродец” с тремя пальцами на задних лапках, с жирным у основания хвостом, похожим больше на морковку, вырванную только что с грядки. Хотя хвост не красный, не морковного цвета, но вместо корешков есть, все равно и корешки – это волоски или вибриссы. У “монстра” песков ни как у всех и уши: они имеют форму трубочек. Однако природа не остановилась на этом – голова – “огромная” – почти занимает половину, а возможно и больше от всего туловища. Поэтому, кажется, что у него “нет” шеи, а лобастая голова приросла прямо к задней части. Впечатление такое, что он состоит из головы и зада. И, тем не менее, фигура эта значительная, он – эндемик песчаных пустынь Казахстана и удостоился экзотичного названия на латынском, как – сальпинготус краССИКАУДА!

Впервые в 1924 году как вид его нашли и описали в Северо-Западной Монголии, потом – в песках у озера Зайсан. Долгое время считали, что нигде его больше нет. Однако, оказалось он населяет южное Прибалхашье, Северное Приаралье, Пески Большие и Малые Барсуки и юго-западную часть песков Кызыл-Кума. Восточный Казахстан не главный в его распространении, и судя по разбросанности мест обитания его, в прошлом, до времени поднятия Саур-Тарбагатайской горной системы, произошедшего в конце третичного периода, он, видимо, распространен был гораздо шире.

*сальпинготус –
трехпалый, карликовый,
трубноухий, жирнохвостый
тушканчик*

Избирает закрепленные, бугристые, равнинные или слабовсхолмленные песчаные пустыни, с редкой растительностью. Однако, находили его на участках, где на месте бывших пастбищ сформировался загущенный травяной покров и тушканчики успешно живут в травяных “джунглях”.

Как житель пустыни окрашен в песочные тона; глаза, как у ночного животного – крупные, темные, с особым блеском. Во всей его несуразной внешности поражают бармалеевские усищи. Они длиннее его. Такие, пожалуй, только у него одного.

Сальпинготус – древнейшее существо, приспособленное к жизни в безводных пустынях. Его древность, несмотря на крупную, лобастую голову, проявилась очень ярко не в гениальности, а в дремучести интеллекта, хотя это слово здесь совершенно не к месту. Оно выражается в крайне примитивном поведении. Диву даешься как это он умудрился дожить до наших дней, с третичного периода. Может и дожил потому, что живет законами того периода, когда у него, вероятно, было мало врагов, а человека с пастушьими собаками, скотом и в помине не было.

Пойманный тушканчик, не понимает что с ним происходит: сидя в ладонях, он пытается, вибрируя носом и работая передними лапками, скрести, “роя” норку, как это делает на песке. Но бывает, что осознает дискомфорт и с досады, что не может закопаться или убежать, слегка кусается. Вот и все. А если ему сразу после пленения дать кобылку, бабочку, стрекозу он тут же, ни сколько не встревоженный созданным положением, “садится за стол” и, как говорится, уплетает за обе щеки, самозабвенно предаваясь кушанью. Справившись с угощением, этот чистюля моет лапками нос, чешет бока и спинку, переберет хвост и снова за работу – “роет” норку. Тушканчики существа молчаливые, у них нет, как кажется, этой сигнальной системы. Но оказывается у сальпинготуса есть короткий, тихий писк – “Кик-кик!” Издает его он только в самых экстремальных случаях – при испуге и во время драки друг с другом. Кстати драчуны они отчаянные. Более того – убийцы: два сальпинготуса в одной клетке, как два медведя в берлоге – один другого убивает. Поэтому ведут они одиночный образ жизни. Норки у них не глубокие: до 15 см. Вырыв ее, он оставляет снаружи хвост и замечает им вход. Мимо пройдешь норки и не заметишь...

Пищей служат семена и побеги трав, насекомые. В неволе поедает разное зерно, охотнее – овес. Поедая обожаемых им насекомых, без зерен – быстро худеет. Поэтому необходимы сухие корма, так уж завещала ему природа, как жителю пустыни.

С середины апреля мы уже встречали их, покинувших зимние квартиры, после того как они покинули их, самка за лето дважды обзаводится потомством: приносит по три-четыре совершенно голых и слепых детеныша. Одна из самок, родившая в неволе, отказалась кормить детенышей. И все попытки наши поить маленьких с пипетки кончились неудачей.

Численность их в природе невысокая. И причин невысокой численности много: это – условия зимовки, враги его, начиная от ежа и полоза, до барсука и волка. Не прочь перекусить беззащитным зверьком каждая сова, даже сам филин, ласка, горноста́й, хорь, барсук, лисица, корсак... Ущерб местами приносят чабанские собаки. И лучший способ самозащиты зверька – затаивание. Современная окружающая среда с ее обитателями для древнейшего существа оказалась враждебной; численность его местами заметно сокращается.

Включен этот “мышонок” в Международную Красную книгу.

СОЧЯ ИЗ БЕТПАК-ДАЛЫ

Боялычная соня

Несколько странно, что растения и животные, которых коснулись мы в нашей “Красной книге для всех”, коренится слово в названии животного, о котором пойдет речь – “соня”. А теперь – об удивительном зверьке: он не мышь, не полевка, не песчанка, не хомячок и вовсе даже не соня. Все это мелкие грызуны нашей фауны. И этот в отличие от громадного количества видов, названных иностранными исследователями, не носит мудреного греко-латинского названия, а просто – боялычная соня или селевиния. Названо животное нашими, казахстанскими учеными. Так как найден зверек только на нашей – казахстанской земле и больше нигде в мире его нет. Таких обитателей, как уже говорилось, называют – эндемиками “Боялычная” – слово связано с боялычем – кустарником широко распространенным в пустынях Казахстана. “Селевиния” зверек получил в честь казахстанского зоолога с фамилией Селевин. Вот так все получилось просто. Однако, на латыни название этой сони звучит несколько иначе: “Селевиния бетпакдаленсис”, как видно, появилось уже и другое, видовое название, которое, догадаться не трудно, произошло от центрально-казахстанской пустыни Бетпак-Дала. Объясняется и это название просто: впервые этот зверек пойман был в названной пустыне, так что видовое название его, как видим, с географическим адресом.

Краткая история открытия уникального жителя пустыни такова, что впервые об этом зверьке узнали в 1938 году: его нашел в пустыне между Балхашом и рекой Чу (пустыня Бетпак-Дала) молодой казахстанский ученый В.А. Селевин. И каково же было удивление, когда зоологи пришли к неожиданному выводу: этот вид сони новый на планете и единственный неизвестного до этого времени рода и семейства в многоликом отряде грызунов. Это была большая удача и, естественно, большая научная

сенсация. К тому времени на планете было открыто еще одно животное, в джунглях экваториальной Африки, принадлежащее также к единственному до этого не известному роду – окапи, представляющей с виду, как бы, помесь жирафа и зебры. Так было описано нашими зоологами новое семейство – селевиниевые, состоящее сразу из одного семейства, рода и одного-единственного вида. Описание зверька принадлежит зоологам: В.С. Бажанову и Б.А. Белослюдову. Они и назвали новое животное в честь своего коллеги, открывшего его – В.А. Селевина.

Продолжая оставаться неизученной и загадочной в своем поведении, селевиния ни каким образом из-за большой редкости не поддавалась изучению в природе. И до сих пор у нее не найдено ни норок, ни гнезд. Но при содержании ее в неволе кое-что о ней узнал известнейший писатель – натуралист М.Д. Зверев, поместивший потом очерк, посвященный этому загадочному зверьку.

А соня, по-прежнему, как многие тысячелетия живет в совершенно безводных пустынях, где имеются заросли боялыча – заметного кустарника с густо переплетенными и спутанными ветвями, напоминающих перепутанную проволоку. До сих пор ни кому не известно: где, когда и как эта соня впадает в спячку?

Жизнь селевинии первое время казалась настолько загадочной, что даже среди зоологов бытовало мнение, будто- бы от прикосновения к ней – она сразу же погибает. Но все не так, напротив даже: она оказалась совершенно бесстрашной из-за своей примитивности. Без особых прелюдий, пойманная только что, как и сосед ее по пустыням Центральной Азии – сальпинготус, она берет и охотно ест предложенный корм.

В отличие от других сонь, резцы у боялычной слабые и питается она, как оказалась, преимущественно насекомыми: не грызун, а маленький насекомоядный хищник. Она большое исключение: “насекомоядный грызун – хищник”.

Очень оригинально она охотится за насекомыми. В чем заключается еще один, просто невероятный пример неисчерпаемой фантазии Природы. Заслышав шорох или “песню” кобылки, цикады, сидящих на веточке, соня подкрадывается и включает свое оружие, точнее у нее свой репертуар в

охотничьем арсенале: стараясь подражать шестиногому певцу – саранче или цикаде, она направляет на них свое, высокочастотное стрекотание, от которого, словно после выстрела насекомые падают на землю, что и требовалось. А на земле с ними охотница быстро расправляется и насекомое оказывается в ее лапках. Жертвами ее становятся – жучки, бабочки, ухвертки, кобылки, саранча, мокрицы...

В природе селевинии обходятся без воды, в неволе же пьют охотно. Они прожорливы и за несколько часов съедают насекомых столько сколько весят сами и даже больше. Совершенно оригинально, как ни у кого из млекопитающих, у них проходит линька: мех сползает с сони вместе с кусочками кожи, клочками.

Селевиния как редкий вид, по-прежнему, остается мечтой зоологов: каждому хочется хотя бы взглянуть на нее в природе. Открытая в Бетпак-Дале, в последующие десятилетия была найдена она также в пустынях Дарьялык, в Северном и Восточном Прибалхашье, а позднее и в Восточном Казахстане – в Алакольской и Зайсанской котловинах. И всюду населяет одинаковые пустыни с зарослями полыни, терескена, кустиками саксаула, спиреантуса...

“Странная мышка” заявившая о себе всему миру, явившаяся впервые из пустыни Бетпак-Дала, включена в Международную Красную книгу.

ЛОЛЮУХИЙ ЗВЕЗДОЧЕП

В пустынях на крайнем востоке Казахстана, а точнее в Зайсанской котловине, у границы с Китаем, живет еще один пресимпатичнейший из симпатичных зверьков – хомячок Пржевальского. Открытый впервые как вид в 1961 году, центрально-азиатский грызун, принадлежит к роду мелких, игрушечных джунгарских хомячков. Нового “зверя” ученые назвали именем великого ученого и путешественника Николая Михайловича Пржевальского.

Хомячок Пржевальского

Прежде, в этом же регионе, в 1903 году, описан был из китайской пустыни Тянь-Шань, другой, почти не отличимый от нашего героя и названный в честь последователя и сподвижника Н.М. Пржевальского – П. П. Роборовского. Хомячка так и назвали – хомячок Роборовского. Однако более детальное изучение как вида, самого мелкого из хомячков Зайсанской котловины, показал, что набор его хромосом другой. То есть генетический код его, оказался не таким, как у хомячка Роборовского. А это важный аргумент в определении видов, – указатель того, что животные многие тысячи лет назад находились в других природных условиях, формировались в изоляции и под воздействием другой окружающей среды. Соответственно они претерпевали свойственные им изменения, отразившиеся не только на их внешности, но и в других важных особенностях – в их физиологии, поведении. А это значит, у них может быть и в малой степени, но произошли изменения в повадках, атрибутах ухода, сроках размножения и в других поведенческих и физиологических особенностях, что и делает уже не похожими. Все эти приобретения видовой изменчивости за длительное время осели и стали, если так можно выразиться, кодовыми или генетическими и видимыми в микроскоп различиями в хромосомах – носителями наследственной информации.

Хомячок Пржевальского оказался эндемиком Восточно-Казахстанской территории. Можно предполагать, опираясь на фантазию, что часть зверьков в давние времена проникла сюда с сопредельных территорий Китая и Монголии. Поэтому не исключено, что хомячок будет найден в песках Джунгарии или Монголии. В Зайсанской котловине он живет в песках у

Черного Иртыша, в песках Айгыркум и автором в 1968 году один был пойман, примерно на 200 км западнее – в грядовых песках Кызылкума, отложившихся при слиянии рек Кулуджун и Буконь. Это место является самым северным форпостом, олицетворяющей животный и растительный мир песчаных пустынь Центральной Азии.

Хомячок очень мал и, казалось бы, – знаменитость не велика. Среди родственников в трех “лицах” – хомяка Роборовского и джугарского хомячка, он меньший весит, завоеватель зайсанских пустынь, всего лишь 20 гр. Когда хомячок сидит на руке – впечатление что это живая двуцветная игрушка, сшитая из светло-рыжего сверху и белого меха – снизу. Окраска под цвет песка, в данном случае, называется “пустынной”. Прелести ему добавляют длинные, светлые усы. Они как антенны направлены всегда вперед и постоянно находятся в движении; хомячок ими как бы, нервно “ощупывающие” воздух. А вот глаза – настоящее очарование: большие, черные и блестящие как полированные смородинки. Они и есть истинное украшение усатой игрушки. Природа на этом не остановилась: для большей выразительности его облика она “наклеила” над глазами и за ушками еще и светлые, округлые пятнышки, что придает зверьку видимость того, что он приподнял на лоб очки и “светит” ими когда сидит спиной к наблюдателю; “белые глаза” его смотрят всегда назад. Пятнышки эти для беззащитного, малого зверька служат, предположительно, опознавательными знаками для других этого вида: пятнышки видны, значит свой...

Выражение его глаз кажется всегда озадаченным. Они полны тревоги и неподдельного удивления. В ночное небо смотрит он не в два, не в четыре, а сразу в шесть глаз, из которых два черных и четыре белых. Такой вот он глазастый. Задняя часть тела хомячка округлая с невидимым почти хвостиком коротышкой: одно название “хвостик”. Бесхвостость придает ему большую еще игрушечность. Одно несомненно – хомячок необыкновенно симпатичен, сзади похож на рыженький шерстяной шарик. У него даже лапки, как у зайцев или степной пищухи, “подшиты” снизу мехом.

О значимости и естественно – исторической ценности того или иного животного на Земле, одинаково и растения, не следует судить по их размерам. Природа не делила приоритетов ни кому, в том числе и нам – людям: каждый вид пигмей он или гигант, формировался в соответствии с условиями природной среды, шлифуя способы добывания пищи, в условиях, скажем, длительного голодания, засухи, зимовки и прочих превратностей, включая

присутствие врагов и т. п. А что касается набора хромосом, о которых говорилось, то, они, практически, одинаковы по размерам у африканского слона и нашего хомячка. А их структура определяет все остальное свойственное данному виду, обеспечивающее дальнейшее существование в той природной среде, в которой они развивались.

О нашем герое многое еще неизвестно. Поэтому часто в описании их образа жизни фигурируют слова – “видимо”, “очевидно”. Но точно известно: питается зелеными частями растений, мелкими насекомыми, также семенами пустынных растений. Набьет пучеглазый зверек до отказа защечные мешки провиантом и деловито семенит, горошиной катит свое округлое тело к норке. Лунными ночами следом за ним, сбоку или впереди скользит его неотлучная тень, а позади серебристая цепочка следков – точек. Слово и не след это, кто-то шел и сыпал на песок горошинки. Забежит в свою норку хомячок и, как фокусник, прижмет “опухшие” щеки передними лапками, качнет головкой и высыплет содержимое. Ночи летом коротки и забот у него, как говорится, полон рот и он снова семенит в “лавку” за соседний бархан. Опасно – врагов у малютки хоть отбавляй: змеи с остекленевшими глазами “вынюхивают” раздвоенными языками, ползая по следу. А там вдруг хорь появится, ласка или же лисица, сова... Вот и попробуй поживи в таких условиях, где за кормами десятки метров приходится бегать по открытым пескам. Но хомячки оказались достаточно плодовитыми и это главное, почему они сумели выжить в суровых условиях при обилии различных врагов: за год они способны принести два-три потомства и в каждом – от четырех до восьми малышей. Получается, в среднем семья дает за год до 30 детенышей. И все-таки вид находится на грани исчезновения прежде всего в силу ограниченности его распространения и, конечно, собственной незащищенности. Установлено, погибает их много в суровые, многоснежные зимы. А они здесь все всегда суровые: летом жара нестерпимая, зимой стужа и с убийственно холодными ветрами и буранами. Но они выживают, как-то... Выпас скота тоже оказывает косвенное влияние на них. Если учесть еще и чабанских собак и кошек... Поэтому судьба хомячка вызывает тревогу, прежде всего малыми территориями на которых он проживает. “Однофамилец” великого путешественника занесен в Красную книгу Казахстана. Эти древние Причерноиртышские пески, струящиеся в полдень золотистым отливом, серебристым – при луне, заслуживают тоже сохранения, как историческая колыбель, давшая нам замечательного и знаменитого зверька.

СЕРЫЙ "МОЧГОЛ" — "КУМ-КОЯЧ"

Песчаный заяц — толай

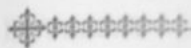
Когда он сидит, то совершенно не замечен среди кустов саксаула, на песке или под кустом чия. Когда убегает, мелькает стремительно и зигзагами прыгающая его чуть горбатая фигурка, серая как тень, с длинными ушами, длинными и тощими задними лапами. И бывает трудно понять заяц это или кролик?

А когда он рядом то он более привлекательный из-за карих, с монгольским разрезом, чуть раскосых глаз.

Это типичный азиат, избравший для жизни пустыни и полупустыни, почти всего Казахстана и распространен он от Каспия до Арала, от Балхаша до Алакольской котловины и на востоке до озера Зайсан. За экологическую привязанность и способность выживать в полузакрепленных песках, лишенных водных источников, называют его зайцем — песчаником или "кум-коян". В его названии, на латинском, есть слово "Лепус толай" и в научном мире он известен как заяц-толай, или песчаный заяц. Заяц не меняющий окраски — всегда серый, места обитания — тоже насыщено серыми красками, вот и фотография вышла серая.

О животном, так широко распространенном, численность которого еще в некоторых местах не вызывает никакого опасения, и даже высокая, казалось бы и нет причины говорить. Заяц, да заяц, ничего особенного не представляющий, к тому же мало у кого вызывающий к своей особе интерес. Особой доблести за ним в царстве животных также не значится. Но, как кажется, есть повод, чтобы и о нем что-то сказать. Главное в этом разговоре — его стремительное исчезновение в некоторых местах, где еще недавно был он весьма обычен. Теперь же с каждым годом его становится все меньше и меньше. Например, в Зайсанской котловине, бывают годы когда он остается в критически малом количестве, порой кажется, исчез. Потом появляется,

но былой численности, которая была лет двадцать назад и речи быть не может. И так как это характерно и для других мест его обитания, по этой причине необходимо его “поставить на вид” и кое-что сказать в нашей “Красной книге”. Прежде всего, следовало бы принимать соответствующие региональные меры по сохранению обычной в прошлом численности этого вида, а не оставлять его без внимания. Иначе, как представляется, он станет редким, а может быть и исчезнет в некоторых частях своего ареала в пределах нашей страны. И несмотря, на то, что он еще обычен, местами и многочислен, в некоторых регионах юга Республики и в сопредельных территориях зарубежья, все равно, это не снимает вопроса ограничительных мер, связанных с охотой на него, и тем более, там где он становится все более редким. И это, при уникальной способности его к воспроизводству: он быстро может восстанавливать свою численность, ежегодно, если говорить арифметическим языком – умножаться в десять раз. Самка трижды за теплый период способна принести детенышей и в каждом помете у нее в среднем бывает до пяти зайчат. Но когда численность близка к нулю, сколько не умножай, результат остается нулевым.

В литературе есть сведения, что у бывшего города Верного (Алматы), за два-три дня из Приилийских пустынь привозили добытых зайцев на корм для собак целыми возами. Но какие животные выдержат столь хищный напор их истребления. Таких примеров в мире очень много. Например, истребили в начале XX века в Северной Америке миллионные стаи странствующих голубей. Их отстреливали тысячами и тут же под деревьями, где они отдыхали, упавших съедали домашние свиньи. И птицы вскоре исчезли с лица земли. На грань исчезновения в течении этого же века дважды поставлено миллионное поголовье сайги у нас в Казахстане. Таких примеров, к сожалению, более чем достаточно. Также многочисленными эти зайцы, как и под Алматы, песчаники были в тугаях по Аму-Дарье и Сыр-Дарье. Стоило, под вечер пойти по тугайным зарослям и смотреть против солнца, как затаившиеся под кустами зайцы сразу же выдавали себя ушами. Да-да, ушами: против солнца они светились у них как фонари. Эти “фонари”, заслышав шорох идущего человека – оживали, они напряженно шевелились. И, чуть ли не под каждым кустом, можно было видеть просвеченные

солнцем уши, хотя сам зверек оставался невидимым. Зайцев было очень много. Теперь в это и поверить трудно..

“Зверь” этот зимой и летом – одним, серым цветом. Но эта “серость” – есть большое украшение скучных, более еще серых пустынных ландшафтов и тугайных зарослей. Страшно представить, если не встретятся их следы на ровных, неглубоких снегах, выпадающих на короткое время в пустынях или и глинистых равнинах, на громадных просторах от Каспия до Алтая. Верить не хочется в жестокую правду, что больше не будет моментов, когда из редких зарослей саксаула, чахлах чиевников – прямо из-под ног не будут часто выскакивать лопоухие, пугая каждый раз внезапностью и, не будут мчаться сломя голову, вихляя из стороны в сторону, оставляя на песке или снегу следы, похожие на восклицательные знаки.

Кто же он “монгол”, избравший для жизни полпустыни и пустыни с саксаулом и полынями? Кормов, где он живет не густо, да и он не велик, По сравнению с зайцем-беляком, населяющим преимущественно, северные и горно-таежные районы и еще более крупным зайцем-русаком. Он просто зайчонок, обладающий завидной выносливостью и неприхотливостью. Вспомним: лошади Пржевальского, двугорбые дикие верблюды, некоторые антилопы, как сайга, кулан, проживая в сходных условиях тоже не рослые, но чрезвычайно выносливые и легко обходятся длительное время без сочных трав, довольствуясь ничтожными водными источниками. Они довольствуются “водой”, которую получают из пустынных растений. И, слава Богу, как говорится, в нашей республике сухих степей, песков и полупустынь хватает, поэтому и зайцы еще есть. И он, исторически прописанный там, где снега выпадает мало или совсем его не бывает, как это имеет место в южных областях Средней Азии или в Манчжурии, сумел оккупировать пригодные для него и необжитые другими зверями земли.

Подмечено, что бывают годы, когда они почти полностью исчезают от различных заболеваний, и только спустя некоторое время, численность их мало-помалу возрождается.. Но беда еще в том, что заяц излишне доверчив к человеку, поэтому приходится ему рассчитывать за свою доверчивость “возами” собственной жизни. Видимо, по этой причине, когда охотников с петлями, чабанских собак стало много больше, чем в былые годы,

численность его подвержена теперь обратно пропорционально – он становится все более редким во многих местах обитания.

В, так называемые, урожайные годы толай “кормит” – становится жертвой многочисленных хищников, как волки, лисицы, хорьки, дикие кошки, шакалы, разные орлы и филины. Уже только поэтому он необходим для полнокровной жизни многих обитателей наших пустынь. Разговора, естественно, и быть не может о включении его в число редких и исчезающих, но если взять сложившуюся ситуацию, связанную с этим зайцем, уже следует обратить внимание охотсоюзам и владельцам приписных охотничьих угодий, на это замечательное животное. Прежде, нужны региональные учетные сведения по этому виду, не забывая, ни в коем случае, о его естественных потребителях, особенно, если они значатся как редкие и исчезающие. На первых порах, нужно, хотя бы выделить регионы, где численность его стала низкой и, естественно, принять упреждающие соответствующие меры по сохранению его. Этого зайца должно быть там, где он живет, всегда много. Высокая численность его, как было еще в недалеком прошлом – одно из главных условий выживания многих плотоядных зверей и птиц. Мы же учетные данные во внимание берем для спортивной охоты, забывая о тех, кому он просто необходим. С другой стороны этот симпатяга – к которому вполне подходят не совсем этичные определения, как косоглазый или ушастый “монгол”, по-прежнему, должен оживать своим присутствием громадные, пустынные просторы центрально-азиатских пустынь и полупустынь.

СТЕПНЫЕ ДАЛИ

Степь – особая, самобытная географическая область земли со свойственным ей только необъятными просторами, растительностью и своеобразным животным миром. Она вечна и вечно остается прекрасной. Прекрасна она поэтому, что когда заводим речь о красоте, подчеркивая ширь и свободу, высоту и краски небес, многокрасочность цветущих трав, а главное – полет души, подразумеваем степи.

...по всей степи-ковыль, по краям всё туман
Далеко, далеко от кургана курган;
Облака в синеве белым стадом плывут,
Журавли в облаках перекличку ведут.
Не видать ни души.
...Тонет в золоте день.
Пробежать по траве ветру сонному лень.
Высоко, высоко в небе точка дрожит,
Колокольчик весёлый над степью звенит,
В ковыле гудовень – и поют и жужжат,
Раздаются свистки, молоточки стучат...
...На все стороны путь: ни лесочка, ни гор!
Необъятная гладь! Неоглядный простор!

И.С. Никитин

Степь – одна из самых молодых формаций, занимающая громадные пространства по обе стороны экватора, охватывающая средние широты. Это она “страдает” безводьем, из-за частых юго-восточных ветров, подверженная в зимнее время жестоким морозам. История формирования внутриконтинентальных степей уходит корнями к истокам геологического периода – триаса, известного в архивах геологических эпох, начавшегося, примерно, 200 млн. лет назад. Конкретно формирование казахстанских степей проходило, примерно 50–30 миллионов лет. Этот период относят к концу олигоцена и началу миоцена. Позднее же, в четвертичный период, в котором

мы живем, степь пережила два суровых испытания – первое – материковое оледенение и второе – появление человека и цивилизации. Пояс степей, как оказалось, пострадал больше других наряду с лесами. Степи, не тронутые плугом и не выбитые скотом – большая редкость, если хотите, эти ландшафты стали уже экзотическими, сохранившие свой первозданный облик.

Именно в этой полосе земного шара производится основная часть зерна и животного белка, необходимого кочевнику и хлебопашцу. За последние три тысячелетия степи, сыграли роль также важных географических коридоров во времена великих переселений народов на Евразийском континенте. Для степей характерно почти полное отсутствие древесной растительности. Однако наши степи где протекают речки или ручьи, где имеются тенистые горные склоны, не лишены деревьев и кустарников.

Казахстан – ведущая страна степных открытых территорий и составляет от общей его площади 28%, а степи покрывающие склоны горных систем, составляют еще 8%. Таким образом, на равнинные и горные степи у нас приходится 36%. Если же к ним прибавить и лесостепные северные территории, составляющие 6%, то получается, что Казахстан как страна оккупированна степями и пустынями более чем на 90% .

Ковыльная степь

В прошлом тюрко-язычные народы называли степи- “Дешт-и-Кыпчак” – “Кипчакская степь”. Земля Казахстана с севера на юг простирается более 1600 км. В северной части республики степи сливаются с колковыми или островными лесами, образуя лесо-степные ландшафты, о которых уже говорилось. Они, по своему статусу парадоксальны – их можно считать и степными, и лесными. В этих широтах во владения степных просторов внедряются толпами, языками небольшие по площади лесистые очаги. Они и создают особую пестроту красочной мозаики лесо-степных ландшафтов. В каждом таком природном уголке находят приют самые разные виды растений и животных, свойственные как степным, так и лесным ландшафтам. Это исключительная по красоте природная модель, сочетающая ландшафты, выполнена с большим эстетическим вкусом и недюжинной фантазией, сшита по исключительно красивой выкройке. Эти края природа одарила неповторимыми лирическими сюжетами. Главные герои этих полотен – леса, степи, озера, скалистые горные небольшие массивы, ставшие основой творческого материала неповторимых по красоте лесо-степных просторов. Чтобы представить и оценить очарование природы Северного Казахстана, достаточно взглянуть на лирические картины великих художников, с изображением степей, перелесков, озер. Так и здесь: на громадных равнинах чередуются лесные рощи с открытыми степями. Край этот пресыщен высоко-художественными ансамблями, являющих собой лирическую экзотику наших широт. Глядя на бескрайние равнины, под голубым шатром небес, в пятнах облаков, возникает мысль: “Вот бы взлететь и глянуть с высоты птичьего полета, или подняться на горную вершину, и оглядеть безмерную даль...”. Но нет крыльев и высоких гор в этой зоне, тоже...

Степи занимающие восточное положение, находясь между 46–44 гр. с. ш., – разнотравно-ковыльные, на юге – более засушливые – ковыльно-типчаковые с участием полыней. Среди степных аборигенов много на удивление приспособленных к условиям жизни на глинистых и засоленных почвах. Нетрудно заметить, что с повышенным засолением, богатая растительность заметно меняется, становится беднее. Там где есть плотные и пухлые солонцы появляются совсем другие травы и кустарнички, представляющие – солонцово-степные сообщества. Исследователь Сибири

А.И. Миддендорф провел некую оригинальную параллель между степью и тундрой: “Что в степи происходит вследствие сухости, то на тундре обуславливается недостатком тепла”.

Степи охватывают Центрально-Казахстанский мелкосопочник и, практически всё Прииртышье. На юге они доходят до Алтая, Саур-Тарбагатайских гор и Тянь-Шаня. Они проникают вплоть до верхних этажей – в область альпийских ландшафтов, где граничат уже с нагорными тундрами. На южных и западных окраинах Казахстана, из-за повышенной сухости они обретают лик полупустынь и пустынь. То же самое происходит и в направлении к западу, ближе к северным границам, ближе к Уральскому хребту и Мугоджарам, степи становятся разнотравными – появляется “нормальная” растительность, свойственная Европейско-Казахстанским степям. Так что чистых степных формаций, особенно в зоне слияния их с полупустынями, практически не встретить. К тому же ручейки, мочажины, долинные болотца меняют в целом состояние всего растительного покрова. За последние десятилетия облик этих просторов заметно изменился: проложены автотрассы, вдоль которых на десятки и сотни километров тянутся лесопосадки, изменяющие условия жизни других растений животных: в этих посадках появились птицы и звери, которых прежде не было, это: сороки, вороны, горлицы, соколки мелкие, ушастые совы, серые куропатки, даже тетерева и некоторые певчие птицы. Из зверей находят убежища – зайцы-русаки, лисицы, корсаки, степные пищухи и другие мышевидные грызуны.

Удивительная сама по себе целая “страна” – мелкосопочник казахский. По неоглядным степным просторам рассыпаны, порой в беспорядке, сопки в 300–600 м высотой и лишь местами они сливаются в гривы достигающие 800 и более метров в высоту. В эту группу входит большая гряда, как горы хребта Чингистау, продолжающего к северо- западу южнее расположенный хребет Тарбагатай.

Склоны этих гор и сопок асимметричны: северные крутые и каменистые с обрывами и уступами, южные – более пологие. Они поросли кустарничками – караганой кустарниковой, таволгой зверобоелистой, кизильником черноплодным, шиповниками; по ущельям около ручейков – обычны густые

заросли боярышника, жимолости татарской, смородины и малины. Реже встречаются островки осины и тополя, с примесью берёзы, черёмухи, крушины...

Мелкосопочник каменист, часты выходы небольших скал и осыпей. В основном он покрыт разнотравьем с преобладанием ковылей, разных полыней, астрагалов и кустов таволги. В таких ландшафтных условиях обычны из птиц – каменки-пleshанки, обыкновенные, плясуньи, удода, пестрые каменные дрозды, горные овсянки и мелкие соколки-пустельги. В тенистых ущельях есть ручейки или небольшие речушки. Вдоль них и тянутся зеленые ленты осины, березы, черёмухи, боярышника, тальника, таволги, шиповника, жимолостей. Всюду, где повлажней, желтеет степной тростник – вейник, или большие площади занимают “ржавые” заросли солодки и конского щавеля. С ранней весны до середины лета в небе не умолкают разные жаворонки; из зарослей слышны – соловьиный щёлк, стрекотание сорок, флейтовые посвисты иволгог. В высокоствольных рощах угрюмо стонут большие горлицы. Только здесь с великим наслаждением можно вдыхать ароматы полынных ветров и любоваться красотой безмерных просторов. Встревоженная ветром степная даль, словно беспокойное

Горные степи

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

море волнуется, омывая ковыльным серебром каменные сопки. Бегущие за ветром травы расшибаются о гранитные пирамиды скал. Там, где степи смыкаются с сосновыми борами, осиново-березовыми перелесками, с ольшаниками, “серебро” ковыльных разливов плещется у ног белокорых берез и медностволых сосен, около “чернокожих” ольшаников. Подобные картины обычны для горных массивов Калбы, Баян-Каркаралинского и Кокчетавского районов, Наурзумского бора.

Островные боры степного Казахстана удалены на сотни километров от основного ареала сосновых лесов. В них преобладают травы, некогда расселившиеся из северных регионов Евразии, и не совсем типичные для степной зоны более южных регионов. К югу количество их заметно уменьшается. Боры играют большую роль, как естественные хранители почв и водных источников. В этих краях обычны болотистые образования – обычны многочисленные большие и малые озера. Гранитные гряды островных горных массивов увенчаны кубовидными и плоскими глыбами, уступами, с причудливыми башнями и пирамидами. Некоторые скальные урочища напоминают руины неизвестных крепостей, забытых, исчезнувших цивилизаций. На скалах стоят сосны и “висячие сады” – можжевельников. Все эти прелестные картины горных краев степного края наводят на мысль о затерянных, неизвестных “Космических городах”, не нанесенных на географические карты. Фотограф и художник всегда найдут здесь для себя достойный восхищения этюд. К сожалению, за последние годы площади этих боров заметно сократились по вине человека – рубки, пожары...

По озёрам, большим и малым, которых тысячи в Казахстане, гнездится множество околотовной и водоплавающей дичи: чернозобые гагары, утки разные, гуси, лебеди, выпи, лысухи, чайки, крачки, кулики и множество мелких воробьиных птиц, которые находят приют в чащобах густых прибрежных зарослях. В тростниках некоторых озёр гнездятся скрытые и редкие у нас пичужки – усатая синица, камышовые овсянки, а также дроздовидные, индийские камышевки и многие другие птицы. На громадном озере –Тенгиз, в Центральном Казахстане, гнездятся колонии фламинго. В прошлом у крупных озер, как Балхаш, Ала-Коль, Зайсан многочисленными были дикие кабаны, за которыми охотились тигры.

Степь – это просторы жаворонков. Эти пичуги, словно подвешенные на невидимые нити, захлебываясь собственной песней, поют целыми днями, не умолкая. Вдали же, в небе, высоко над землей, видны крестики мелких соколов, которые “стоя” на месте, высматривают добычу. Степь – прекрасная страна, не до конца еще воспетая поэтами и акынами.

Незабываемы ее просторы, когда распускаются тюльпаны. Дали ее затянутые серебристой вуалью волнующихся на ветру ковылей, в это время густо окроплены красными, желтыми, белыми огоньками цветов. Распускаются в эту пору синие букеты сон-травы, белые колокольчики рябчика – мутовчатого. Где дольше задерживаются вешние воды, по сырым лугам, высыпают лилово-коричневые цветки другого рябчика – шахматного. Чуть позднее склоны предгорных степей покрывают пунцовые огни степных пионов – марьиного корня; из молодой травы смотрят удивленные чудо-солнцем, как совята, желтоглазые лютики, либо тихо по каменистым местам “позванивают” темно-синие колокольцы, склонишие свои замечательные головки, иксиолирионы. И всюду рассыпаны цветущие адонисы, ветреницы, ферулы...

Такое время натуралисты прошлого века называли “музыкальным сезоном”: с разных сторон слышится журчание сбегających ручейков, стрекочут насекомые, не умолкают жаворонки и полевые коньки, мельтешат всюду

Журавли-красавки

пестрокрылые бабочки, и в душистых зонтах белых соцветий морковника, на лобазнике копошатся различные мушки, жучки. На зеленых холмах мелкосопочника рыжеют столбики насторожившихся сусликов, громко и скорбно свистят толстобокие степные сурки – байбаки, и, без усталости, взмахнув крыльями, бьют ночи напролет ошалевшие от брачных баталий перепела и коростели.

К главным достоинствам наших степей на пороге нового тысячелетия, следует отнести абсолютное безлюдье. На десятки и сотни километров иногда не встретишь ни единой души, ни жилья. Для нас – азиатов – привычно, для запада – очень редкая экзотика... Безлюдье в природе, в большой цене сегодня у западных туристов. В центральных районах степного Казахстана, за многие часы езды на автомобиле, встретишь разве что где-либо на берегу озера, у ручья, одинокую юрту или зимовку – кыстау, придающих своим видом настроение далёкого прошлого этой земли. Всадник, гурты овец, водопой у родника, десяток двугорбых верблюдов – типичная еще картина нашей казахской степи.

В час летних закатов, когда степь готовится ко сну, в небе проплывают силуэты крупных хищников, летящих в скалы, на ночлег. Отдают тепло скалы раскаленные солнцем, дышат горечью терпкие, разомлевшие за день травы, затихает перезвон кобылок, их сменяя, у ручейков включают урчание “степные кенара” – зеленые жабы. В сумерках уже вылетают на охоту козодои. Даль же после заката, потемневшая, полнится звоном цикад и сверчков. Кто хоть однажды вдохнул ночной воздух степей, настоящий на полянах и чабреце, на всю жизнь сохранит в памяти и звуки, и сияние звездных и лунных ночей.

За лето наряд степей незаметно меняется, особенно когда солнце идет к нижней дороге: травы день ото дня тяжелеют, наливаясь зрелостью. В преддверии осени, степь по-прежнему прекрасна: обремененная созревающими колосьями злаков, отяжеленная золотистым шелком задумчивых трав.

С началом сентября, случается за одну ночь, испугавшись будто чего-то, степные дали резко бледнеют. И всюду на желтых полотнах ее коричневыми и сизыми пятнами выделяются массивы кустарников, полыней. И в эту романтическую пору, задумчивый лик просторов, остается также, по-прежнему, прекрасным.

Величие, особе, затихшей под хрустальным шынараком неба степи, придают степные орлы, плывущие к югу; поднимая рыжую пыль, проносятся табуны сайгаков то же у югу, или утопая в позолоченных ковылях, бредут “степные” великаны – дрофы, настоящие аристократы казахстанских просторов. В это время воздух полнится свистом пролетных стай разных уток, чирков, куликов, чаек, крачек, тиркушек и других птиц, доля которых наступило время великих перемещений. За ними следом тянутся сокола, канюки, ястреба, луни. И каждой осенью, угластые стаи степных журавлей, посылают с подоблачных высот благодарение этой Великой Степи.

Гусей и уток крикливых стаи,
То опускаются, то взлетают...
Смехом и криком оглашая
Степной простор далеко вокруг.

Абай, 1886.

Кончается песня лета, быстро уходит куда-то бывшее тепло; чаще дуют студёные ветры. Степь, охваченная бледностью, обретает задумчивость, погружаясь в состояние отрешенного безвременья. Лик ее оживляют лишь догорающие факела осин и берез и лоск ковылей. Облачными тенями темнеют заросли таволожника и вскоре наступит время, когда снега укрывают ее просторы. Степь становится еще более сквозной, блистающей до боли в глазах, белизной.

Теперь ясными, морозными днями, казалось бы заваленную тишиной, время от времени нарушают ее звонкие, птичьи голоса сеноставок. С тихим журчанием носятся над снегами ее стаи черных и рогатых жаворонков. И так в круговерти метелей или в седой тишине непроглядных буранов, спит дремучая и тяжелая, пока в апрельский день солнцеворота, не разбудит ее вернувшийся с дальних зимовий первый ее жаворонок. Песня его оживляет степные просторы, возвращает им солнце, тепло, голоса и весенние запахи.

ЦВЕТОК БОГОВ

“Когда наступило время появления его на свет – говорится в одном из индийских преданий, – то все цветы царского сада, белые, красные и синие лотосы прудов открылись, и как бы замерли в ожидании этого великого чуда; точно так же замерли в своем роспуске листья деревьев и вся выроставшая на земле растительность. Тогда Мая, мать Будды сошла с паланкина, на котором покоилась и вышла в сад, при ее приближении, в знак благоговения, деревья наклонились к земле, а в ту минуту, когда она разрешилась от бремени, земля сотрясалась и с неба упал обильный дождь их нимфей и лотосов. Слуги бросились к новорожденному Будде, чтобы поддержать его, но, вырвавшись из их рук, он пошел сам. И всюду, где только его нога ступала на землю, – там всюду вырастал громадный лотос” Точно такой же дождь из цветов падает, когда он одерживает победу над искупавшим его злым духом Мира. Поэтому Будда изображается со знаком лотоса на стопе. Лотосы снова сыплются с неба на тело Будды, когда на седьмой день после смерти его кладут на костер, чтобы сжечь... Есть еще самые разные мифические толкования об этом удивительном растении.

Лотос в Древнем Египте был символом плодородия и посвящен Богине плодородия – Изиде и богу солнца – Озирису. И сам Озирис изображался сидящим на листе лотоса, а бог света Хорус – на его цветке. Цветы и бутоны лотоса выбивались на монетах и государственным гербе Египта. Более 5 тысяч лет назад цветки его рисовались на гробницах, символизирующие воскресение из мертвых. Пролежавший в гробнице фараона три тысячи лет голубой лотос сохранил даже цвет, что, конечно, подняло и без того великий авторитет священного растения. Простой букет цветов его, как пишут историки – затмили роскошь и блеск древне-

Лотос

Степь – это просторы жаворонков. Эти пичуги, словно подвешенные на невидимые нити, захлебываясь собственной песнью, поют целыми днями, не умолкая. Вдали же, в небе, высоко над землей, видны крестики мелких соколов, которые “стоя” на месте, высматривают добычу. Степь – прекрасная страна, не до конца еще воспетая поэтами и акынами.

Незабываемы ее просторы, когда распускаются тюльпаны. Дали ее затянутые серебристой вуалью волнующихся на ветру ковылей, в это время густо окроплены красными, желтыми, белыми огоньками цветов. Распускаются в эту пору синие букеты сон-травы, белые колокольчики рябчика – мутовчатого. Где дольше задерживаются вешние воды, по сырым лугам, высыпают лилово-коричневые цветки другого рябчика – шахматного. Чуть позднее склоны предгорных степей покрывают пунцовые огни степных пионов – марьиного корня; из молодой травы смотрят удивленные чудо-солнцем, как совыта, желтоглазые лютики, либо тихо по каменистым местам “позванивают” темно-синие колокольцы, склонишие свои замечательные головки, иксиолирионы. И всюду рассыпаны цветущие адонисы, ветреницы, ферулы...

Такое время натуралисты прошлого века называли “музыкальным сезоном”: с разных сторон слышится журчание сбегających ручейков, стрекочут насекомые, не умолкают жаворонки и полевые коньки, мельтешат всюду

Журавли-красавки

пестрокрылые бабочки, и в душистых зонтах белых соцветий морковника, на лобазнике копошатся различные мушки, жучки. На зеленых холмах мелкопочника рыжеют столбики насторожившихся сусликов, громко и скорбно свистят толстобокие степные сурки – байбаки, и, без усталости, взмахнув крыльями, бьют ночи напролет ошалевшие от брачных баталий перепела и коростели.

К главным достоинствам наших степей на пороге нового тысячелетия, следует отнести абсолютное безлюдье. На десятки и сотни километров иногда не встретишь ни единой души, ни жилья. Для нас – азиатов – привычно, для запада – очень редкая экзотика... Безлюдье в природе, в большой цене сегодня у западных туристов. В центральных районах степного Казахстана, за многие часы езды на автомобиле, встретишь разве что где-либо на берегу озера, у ручья, одинокую юрту или зимовку – кыстау, придающих своим видом настроение далёкого прошлого этой земли. Всадник, гурты овец, водопой у родника, десяток двугорбых верблюдов – типичная еще картина нашей казахской степи.

В час летних закатов, когда степь готовится ко сну, в небе проплывают силуэты крупных хищников, летящих в скалы, на ночлег. Отдают тепло скалы раскаленные солнцем, дышат горечью терпкие, разомлевшие за день травы, затихает перезвон кобылок, их сменяя, у ручейков включают урчание “степные кенара” – зеленые жабы. В сумерках уже вылетают на охоту козодои. Даль же после заката, потемневшая, полнится звоном цикад и сверчков. Кто хоть однажды вдыхал ночной воздух степей, настоящий на полянах и чабреце, на всю жизнь сохранит в памяти и звуки, и сияние звездных и лунных ночей.

За лето наряд степей незаметно меняется, особенно когда солнце идет к нижней дороге: травы день ото дня тяжелеют, наливаясь зрелостью. В преддверии осени, степь по-прежнему прекрасна: обремененная созревающими колосьями злаков, отяжеленная золотистым шелком задумчивых трав.

С началом сентября, случается за одну ночь, испугавшись будто чего-то, степные дали резко бледнеют. И всюду на желтых полотнах ее коричневыми и сизыми пятнами выделяются массивы кустарников, полыней. И в эту романтическую пору, задумчивый лик просторов, остается также, по-прежнему, прекрасным.

египетских изделий. Такова магическая сила цветка Богов. А семена лотоса, пролежавшие 1040 лет оказались живыми и брошенные в воду успешно проросли. А лотос в иероглифах был символом радости и удовольствия. В Индии его воспевают в традиционных танцах: если, например, танцовщица складывает руки на уровне лица пальцами вверх – это спящий лотос, а когда шевелит пальцами – лотос распускается. Лотос с тысячью лепестками, как считают, подобен солнцу: он удлиняет жизнь, возвращает молодость и красоту.

В Китае священный цветок олицетворял чистоту и целомудрие; почитался как символ лета и плодородия, считался также один из восьми эмблем в удачном предсказании. По древним преданиям – кто отведал цветок лотоса, никогда не оставит родину этого цветка. И в наше время в Японии и Китае ежегодно проводится праздник посвященный божественному лотосу.

Что же особенного в этом цветке, с которым так тесно связано главное божество такой страны как Индия? Лотос относится к многолетним земноводным растениям, приспособленным к водной и воздушной среде: стебли и корневища его погружены в подводный грунт, в связи с чем растет он только по мелководным, хорошо прогреваемым водоемам. В пору цветения, когда он несет красоту миру, его крупные до 50–70 см в поперечнике листья, чашевидными вазами приподняты над водой с блестящим восковидным налетом. Подводные же листья похожи на мелкие чешуйки. Эта одна из их особенностей дающая возможность после ночи, когда воздух более всего насыщен влагой, скапливать на дне листьев в больших количествах росу. В Поднебесной империи, в прошлом, слуги императоров собирали эту росу и готовили на ней чай для своего повелителя.

Но все – таки самое удивительное – это цветок лотоса. Он покори сердца и воображения поэтов всех времен; завораживал взгляд древних мудрецов и взывая самые что ни на есть глубокие чувства и мысли об его божественном происхождении. Представьте только плавающие на воде, похожие на восходящее солнце, шаровидные, цвета утренней зари его цветы размером с тарелку (до 30 см в диаметре). И когда на спокойной озерной воде их многие тысячи, похожих на розовые костры, это кажется чудом небесного происхождения. И в каждом цветке лотоса, словно веснушчатом носу, светятся ярко-желтые тычинки.

С появлением на небосклоне солнца, каждый цветок смотрит, повернувшись к нему “лицом”. Кажется цветы его видят небесное светило. И так до вечера поворачивают они “взор” свой к лику солнца, лишней раз доказывая будто, свое небесное происхождение. И каждый цветок источает тонкий, коричный запах, наполняющий ароматом воздух цветущих водных лугов. Способность – гоняться за солнцем объяснима: у основания цвета есть шейка, которая и дает возможность ему свободно поворачиваться. Все эти красивые чудеса и укрепили у народов Юго-Восточной Азии, Индии и в Китае, представление как о растении священном, связанном с небесами и живущими там богами.

С приближением ночи, цветок лотоса, как и цветок белой кувшинки, с которым он в близком родстве, складывает свои лепестки, словно в молитве благодарения и медленно опускается под воду, где и пробудет в позе покорности до следующего дня. В тихий час большой Луны, когда сияние ночного светила особенно яркое, цветы лотоса тоже просыпаются, всплывают и открывая таинственные души ночной царице любви. Одним из поэтов сказано:

Тени катятся к излучине
По серебряной волне,
Лотос плавает задумчиво,
Словно лебедь при луне.

Растет это удивительное растение также в далекой от нас Австралии, на островах Малайского архипелага в Тихом океане, на острове Шри-Ланка, Филиппинских островах, в Японии и на полуостровах Индостана, Индокитая, в Приморском крае и на Дальнем Востоке. Есть он и у нас в Казахстане, в дельте Волги, где она впадает в Каспийское море.

Наши лотосы розовые, но бывают – белые, желтые, голубые и даже, как например, в Тибете и Монголии – ярко-красные. Эти лотосы стали эмблемой современной Индии.

Кроме религиозных и государственных символов, лотос почитаем как чисто “кормовое” растение: его орешки в конусовидных соплодиях очень

вкусны. Они содержат масла, витамин С и даже каучук. Древнегреческий ученый Теофраст писал: “Головки лотоса египтяне складывают в кучи, там они подвергаются гниению, разрушаются их оболочки и выпавшие семена промывают в реке, затем сушат, толкут; из муки пекут хлеб, варят суп, готовят гарниры. В Японии и Китае много разных блюд делают из его семян, корневищ и листьев. В харчевнях Вьетнама его подают прямо в корзиночках его соплодий. Предварительно они поджариваются. Остается только выбирать из них орешки и шелкать. Вкус у них очень приятный, чуть сладковатый и напоминает наши кедровые орешки.

На Волгу, как считают, лотос завезен неизвестно кем. Можно предположить, можно лишь предполагать, что это сделали либо путешественники, побывавшие в Индии или Китае, либо воины Чингис-Хана, расселившие по нашим водоемам болотное растение аир, которое ботаники иногда называют “след Чингис-Хана”, также завезли семена с Монголии. Под Астраханью это красивейшее растение обрело вторую родину. Однако колебания уровня воды в Каспии – понижение его уровня увеличило площади хорошо прогреваемых водоемов и лотос незамедлительно расширил свои территории: появился там где прежде его не было. В наше время его завезли и в некоторые места реки Или. Он прижился, однако страдает иногда от пересыхания водоемов. Неоднократно автору приходилось выращивать его в аквариумах. Но после месяца – полутора, он погибал из-за нехватки питательных веществ и тесноты. С полной уверенностью можно сказать, что лотос способен выжить в стоячих водоемах южной части нашей республики. И, вероятно растение этот редкий, реликтовый, охраняемый вид ждет поклонников-энтузиастов, которые будут экспериментировать расселение его на водоемах Южного Казахстана. Есть надежда, что божественный цветок также будет украшать водоемы, пруды наших частных и государственных садов.

Ах, ЭТИ "ЧЕРТИКИ" И "РОГУЛЬКИ"...

С ними с "чертиками" и "рогульками", так их называли в простонародье, связано было все наше детство, проходившее на Иртыше. Зеленоводный, не покоренный еще человеком, не взятый в бетонные ладони плотин, нес он стремительные воды мимо скал и галечниковых островов, раскаленных солнцем. Дни напролет мы – мальчишки пропадали на реке – купались, рыбачили, ныряли с плотов и паромов, ловили пльвшие бревна. А вот понятия идти на реку "позагарать" не было. По берегам, лежали выплеснутые пароходной волной растительный мусор, водоросли, обрывки старого камыша, уснувшая рыба. Но стоило пройти босиком, как в ногу впивались красивые и "кусачие" рогульки. Необычные, причудливой формы "сооружения" черными рожками отчаянно впивались то в подошву, то пятку. И тогда, прыгая на одной ноге, приходилось выбирать поскорее место, где сесть на камень и вытащить эту чертову колючку или "рогульку". А она с четырьмя рожками и воротничком около шейки, на которой еще и рубчатый воротничок. Не плод, а лакированная, загадочная игрушка, которые можно собирать как прелестные сувениры. И всегда, сколько их не берешь, она как морские камешки – одна красивее и привлекательнее другой. Даже, проколовшая ногу, не вызывала чувство глубокой досады. Иногда мы набирали этих рогатых "чертиков", так их называли иногда за их рогатость, с желанием унести домой, а потом, по дороге, швыряли друг в друга или выбрасывали снова в воду, чтобы пльли дальше, не попадались под ногами. Иногда из них делали полавки для рыбалки на удочку. И

Водяной орех – чилим

никто не знал, что это удивительное растение планеты – является реликтовым, – современник многих тропических лесов – растущих по обе стороны экватора. А когда-то здесь, у нас, по сведениям ученых, – по теплопроводным местам третичного периода, длившегося примерно 60–70 миллионов лет назад, жили и процветали также тропические леса и, конечно, водились многие, теперь уже вымершие животные. Интенсивный процесс изменений климата, горообразование, привели к тому, что “тропики исчезли”. Наступали и отступали глобальные льды, а “рогульки” каким-то чудом выжили, преодолев все тяжбы природных катаклизмов.

Речь идет о водном “орехе” принадлежащего к единственному роду на земле – водноореховых или рогульниковых. Это однолетние травянистое растение иногда свободно плавающие или прикрепленные не крепко ко дну. Их на планете в общей сложности около 200 видов. В наших широтах сохранился только один. Плод его ботаники отнесли к костянковидным “орехам”, которые широко распространены в Евразии и Африке.

“Рогульки” эти и есть плоды водяного ореха или, как его еще называют, чилима. Если глянуть на растение глазами специалиста, то в общих чертах можно сказать, что листья его по форме ромбические, по краям зазубренные и образуют плавающие розетки. Сверху они темно-зеленые, блестящие, иногда с фиолетовым окрасом. Между ними на коротких стебельках цветоножках появляются в июле-августе звездочки белых лепестков. Черешок же, на котором сидит лист, – мохнатый, имеет в середине бутылоподобное вздутие. В нижней части стебля листья у него – линейчатые, вытянутые и держатся недолго – опадают. Там же появляются волосовидные, отрастающие с боков стеблевых узлов, корни.

Плод его, с которого началось наше знакомство – черный, четырехрогий, за это казахи называют орех – тортпруш. До вызревания – зеленоватый, но потом обретает свою темно-лаковую окраску.

В прошлом, постройки плотин, орех был обычным по многим стоячим, хорошо прогреваемым приречным озерам и старицам. В настоящее время, возможно он сохранился еще ниже Усть-Каменогорска, по Иртышу. Но есть еще кое-где по старицам Черного Иртыша.

В те давние уже времена, с каждой весной, во время половодья, “рогульки” увлеченные водой плыли по Иртышу и, выброшенные водой местами были обычны и многочисленны по берегам. Однако в наших краях его никто не употреблял в пищу, хотя это было принято и за сходство вкуса ядра с каштаном, чилим называли “водяным каштаном”. Использовался в медицине.

После акклиматизации на Зайсане ондатры, – почитательницы его ядер, после образования водохранилищ, что повлекло исчезновение пойменных, мелких водоемов, растение резко сократило былую площадь произрастания. В результате – орех сегодня стал очень редким и, по-настоящему, исчезающим. Теперь это уже редчайшее растений наших мест. Он сегодня включен во все Красные книги Евразии. Но вряд ли, когда – еще вернется он в наши края. Он стал уже таким же далеким, таким же прошлым, как и детство нашего поколения, проходившее на диком еще Иртыше.

СИЧНЯ МЕЛОДИЯ МАЯ

Времена меняют все и не только судьбы людей. Более еще стремительно меняется природное окружение. Пожалуй к месту сказано будет: “Война – кому несчастье, а кому и мать родная”. В состоянии “войны” находятся в наше время многие виды животных и растений: стремительно исчезают одни, другие, столь же стремительно прирастают в численности, расширяя жизненное пространство. В частности, не трудно заметить – красивые, хрупкие растения исчезают на глазах. И бегут они от современных городов, что называется, со скоростью света. Напротив, сорняки разные, от которых стараемся правдами и неправдами избавиться, прибывают как на дрожжах, наращивают биологическую массу, захватывая не без помощи человека новые, прежде им чуждые географические территории.

К тем, которые удивительно быстро сдаются человеку относится в первую очередь иксилирионы. Нельзя не влюбиться в него с первого взгляда: в его форму, цвет и нежность. Это представитель семейства амарилисовых, которых в Казахстане только два вида. Наш, о котором пойдет речь, называется – иксилирион татарский. В недалеком прошлом вид имел обширный ареал в пределах области, поселяясь в степях, полупустынях нижнего пояса гор. Избирает также оголенные, каменистые склоны.

Тонкий и крепкий стебелек его, словно проволочный, обернут узкими темно-бурыми оболочками. Венчает его кистевидное соцветие из синевioletовых, изящных граммофонов, всегда направленных к солнцу. В зависимости от условий, стебли его могут вытягиваются от 8 до 60 см.

Зацветает в апреле, во время усиленного снеготаяния, когда по северным склонам, глубоким щелям гор белеют последние платки снега.

Еще три десятка лет назад это растение было самым многочисленным, покрывающим во время цветения горы и сопки в окрестностях нашего города. Было его так много, что отдельные склоны, буквально преобразовались, – накинув легкие темно-синие полушалки..

Дружное цветение иксилирионов не проходило незаметным. “Зацвели кандыки” – говорили. Ребятишки стайками шли копать их сладковатые

луковицы ножами, железными прутьями. Также называли их “огуречиками” за огуречный вкус их нежных цветов. Срывали и жевали их синие цветки. В это время не только ребяташки ходили копать их, но усиленно кормились ими многочисленные здесь же длиннохвостые суслики, с хвостами похожими на беличьи. Называли и до сих пор называют этих сусликов за пушистые хвосты – “кысачками” или “кошачками”.

В Казахстане иксиолирион встречается, с определенными перерывами от предгорий Манрака в Зайсанской котловине, до Саура и по всей полосе предгорий Казахстанского Алтая. И, казалось бы, что нет и быть не могло такого воздействия на них, чтобы столь массовые растения вдруг стали редкими и исчезающими, в большинстве мест своего ареала уже и

Иксиолирион

исчезнувшими. И трудно теперь представить наши горы синими в начале мая. Хотя, надо сказать, кое-где еще встречаются россыпи этих чудных цветов, придающих особое очарование этому времени. И смотрят цветки огуречные в чистое небо и кажется каждый позванивает на легком ветру, рождая синюю мелодию мая.

Ну что же делать, чтобы вернуть былую красоту природе?

Вопрос риторический, трудный – потому что с каждым годом беззащитных, синеглазых цветов, как магнитом притягивающих взор любителей красивых букетов, становится все больше. А должной пропаганды среди населения, особенно среди школьников почти ни какой.

Иксилирион – в Красной книге Казахстана. В “тревожную летопись природы и времени” так просто не попадают. Огонь тревожного пламени разгорается. У порога весна... Кому повезет встретиться с чудесным растением? Остановитесь, взгляните в его небесную душу. Посмотрите как они наивно и смело смотрят на вас. Остановитесь от соблазна сорвать. Пусть вот также, когда-нибудь взгляд ваших детей и внуков встретится с синеокими цветками название которым – иксилирион! Не убивайте, любя и играя.

СОЛНЕЧНЫЙ РЯБЧИК

Есть растения и животные, названия которых придуманы народом. Нет в этих названиях надуманности, все схвачено самое главное, основанное. Названия есть примитивные, либо исполнены высочайшего романтизма. В очерке нашем разговор о рябчике шахматном. Рябчик известен нам, как промысловая птица семейства тетеревиных, распространенная в лесах Европы, Сибири, Алтая. Из-за пестроты оперения, рябинок, птица так названа.

А что можно сказать о растении рябчике? Оно из семейства лилейных с большим ареалом в Казахстане и некоторых других странах Евразии. Через Казахстан, на восток выходец из Европы, доходит до Дальнего Востока. В общей сложности рябчиков ботаникам известно 24 вида. Но из них высоко декоративных, то есть самых красивых – только два и, пожалуй, на первом месте рябчик шахматный.

Растет на лугах, в степях, среди кустарников, по склонам гор, часто по горным долинам, где после снеготаяния долгое время сохраняется сырость или это слегка заболоченные места. Однажды я шел по заливному лугу в небольшой, горной долине. Воды было по щиколотку. Над головой блеяли ошалевшие от брачной поры бекасы, солнце золотистыми искрами вспыхивало на воде под ногами. Пожалуй забылся бы тот день если бы, что было большой неожиданностью, не произошла встреча с рябчиком. Потом я встретил его в пустынной зоне Зайсанской котловины. Но и здесь он поселился в сыроватой низинке между древних глин, цветных глин. Влажность после снеготаяния держится здесь не долго, но рябчик живет. Несомненно, – выживание под палящим солнцем, обусловлено корневой луковицей его, которая крупна и долгое время питает растение само растение.

Как только приходит май, когда ночами еще бывает холодно, а он зацветает. И стоит на лужайке высотой не больше четверти, а такой заметный.

Рябчик шахматный

Хотя, с первого взгляда не большой, малозаметный. Но цветки его – колокольцы крупны, необычны, мрачно-лилово-пурпурные. Присмотревшись, отмечаешь скромную красоту его цветов и оттенков. А с внутренней стороны лепестки почти темно-коричневые, а по ним – веснушками солнечные пятнышки. Те, самые – “рябушки” или “веснушки” из-за которых его и назвали. На крепком темно-зеленом стебельке, с выражением глубокой грусти и некоторой “философской” задумчивости, свисают один или два граммофона.

С лепестков его считывается образ его луга или опушка по которым пестрят майские блики солнца. Может и так, а может на них – студеное еще, в майских звездах, бархатистое небо? И то, и другое возможно. И вот уже, только что неброский с виду цветок удивляет. В нем – символы не просто лужаек или опушек, в нем вся Вселенная, с которой смотрит ворсистое солнышко тычинок, а на лепестках – звездное небо.

Высокие декоративные качества рябчика оценили по достоинству: вывели уже десятки новых сортов его – удивительно нежных и благородных.

Май позади. Осыпались, исчезли лепестки, на их месте на тоненькой шейке свисает набитая семенами шаровидная, трехгранная коробочка, несущая продолжение жизни удивительного растения с названием птицы.

По причине скорого исчезновения повсеместно, рябчик шахматный быстро сокращает ареал. Внесен в Красную книгу бывшего Союза. Охраняется и у нас – в Казахстане. Но кем и где? Ведь мы почти не знаем ничего о нем. Мы не знаем его в лицо и более того – не подозреваем о его существовании. Нет, пока никто его не охраняет. Не встречал что-то, кто бы знал, что есть такое растение и знал, что оно охраняется.

Но теперь надеюсь, что однажды встретившись с ним, чудным майским днем, узнаете его. Познакомьтесь, но не трогайте. И пусть задумчивый вид склоненного цветка, наведет вас на мысль, что он нуждается в защите. Да и как быть веселым, если ведется беспощадный геноцид со стороны человека и в первую очередь против красиво цветущих растений. Разве можно быть веселым, если осушаются болота, выкашиваются луга, бушуют степные пожары – места его проживания. Конечно есть о чем задуматься, о чем грустить. А так хочется, чтобы вместе с нами, жил вечно лучший из лучших зеленых соседей по планете, конопатый рябчик шахматный.

Широко распространен: растет в предгорных, равнинных и горных степях, на лесных лугах северных, центральных восточных областях Казахстана и на Тянь-Шане. Цветок этот знает большая часть населения нашей республики, знает его как красивое, символизирующее приход весны и тепла. Уже в предверии лета, пион степной открывает волшебные бутоны, обнажая крупные, пунцовые цветы. Не заметить, не вдеть красоты его во время цветения. Просто невозможно.

Это то же самое, если не замечать пылающих звезд прелестных наших ночей. От древнегреческого ученого – ботаника Теофраста дошла до нашего времени одна из легенд о происхождении пиона. Само слово “пиониос” означает – целительный или врачующий. По легенде мифический Пэон, корнями которого исцелен был Бог подземного царства – Плутон, тяжело раненный Гераклом. И Пэон исцелил его. Тогда учитель его – Эскулап, позавидовав славе ученика, решил отравить его. Но юный врачеватель уклонился от мести с помощью богов и был превращен в красивейший цветок, который был назван – пионом.

Но в разных местах по разному называют это замечательное растение – марьян-корень, марья-коревна, мари-Коревна.

Однако это растение, встречающееся в лесных угодьях, но предпочитающее все-таки степные ландшафты; высоко в горы не заходит и большей частью растет в степях вблизи гор предгорья или кустарниковые опушки. Его красота и броская яркость пунцовых букетов издали делают их заметными и привлекают внимание. В наше время только в отдалении от городов и других населенных пунктов можно еще видеть, буквально усыпанные букетными высыпками цветущих пионов, склоны и невысокие сопки. Степи или лесостепные ландшафты становятся неузнаваемыми, когда покрываются горячими сгустками красно-малиновых букетов, сплошь местами, покрывающих каменистые сопки невысоких гор. Заметим, что пионы растущие в более южных частях Казахстана – еще более яркие, в

Пион степной

сравнении с пионами северных его частях. Южане изумляют яркостью, сочностью и свежестью.

Прежде пионы называли “жгун-травой”, которая якобы обладает “божественными” свойствами в медицине. Настой применяется для аппетита, от кашля, различных желудочных заболеваний, подагры, бессонницы и как прекрасное кровоостанавливающее средство.

Но говорить об этом растении хотелось бы не только с точки зрения его использования, а как о самом красивом растении нашей флоры. За прекрасное вокруг рассуждать только о практическом использовании, признаться, надоело. Из-за этого мы, как кажется, потеряли вкус к красоте, у нас нет ни желания, ни фантазии на создание новых, умных легенд, как это делали воспринимая красоту до нас, примерно две тысячи лет назад, древние греки. Неужели мы стали более ограниченными, жесткими и тупыми, что не замечаем их красоты? Нет, не правда и у нас сохранилось не только чувство потребительского отношения. Не правда, что мы не замечаем главного – необыкновенного очарования и не испытываем восторга, при встрече с этими растениями. А красота его главное достоинство. Она тоже лечит, но мы и не подозреваем об этом. Пион и сейчас является символом красоты и лучших переживаний, как только мы встречаемся с ним. Пунцово-красные лепестки крупных цветков, с желтыми пыльниками, напоминают рубиновые бокалы, наполненные кипящим, медовым вином. И каждый раз хочется подойти и выпить до дна красоту и восторг, которые бурлят в его пунцовых чашах. Это принимают в нем копошащиеся жуки, мушки, бабочки, паучки.

Разговор о цветке пиона – не что иное, если не поэма о совершенстве и волшебстве, излечивающей от недуга хронической нашей серой болезни. Где они критерии, где шкала, определяющая положительное воздействие красоты на человека? Будем надеяться, что в новом тысячелетии и этот не простой вопрос будет решён. Тогда мы узнаем, возможно, и удивимся – здоровье наше на пять или пятьдесят процентов связано, оказывается, с красотой нас окружающей. И тогда без сомнения, герой нашего сюжета – пион степной, в созвездии красивейших цветковых растений, окажется на одном из первых мест.

Разве можно забыть, как с каждой весной, с первой зеленью из-под земли, всего за день – два встают кораллово-красные или темно-малиновые пучки

будущих листьев, больше похожие на морские кораллы. Но вскоре они наливаются зеленью и, развернув резные зонтики рассеченных листьев, на толстой ножке выбрасывают, головастый, багровый бутон. И он, день ото дня набираясь сил, разбухает и вот однажды испив досыта солнца, открывает всему миру свою чудо-тайну: открывает один за другим свои цветки. Удивляя всех, каждый из них также с удивлением смотрит на этот волшебный мир, не подозревая, не догадываясь, что им тоже кто-то любит.

Высота кустов пиона в разных условиях бывает разной. Обычные растения и достигают 20–30 см, но некоторые даже до 50 см. В конце июля-августе и даже в сентябре в более высоких местах, на стеблях их, где горели яркие фонари цветов, устроились теперь тугие “упаковки” плодов, напичканные до предела крепкими орешками семян. Черные, блестящие, они сначала смотрят как спрятавшиеся, робкие мышки сквозь щели толстогубых створок коробочки, а потом уже, осмелев ломятся наружу и вываливаются на землю, рассыпаются, отвоевая вокруг жизненное пространство...

Понятия систематиков-специалистов в области ботаники, не всегда доступны далеким от науки людям. Надо же, просто возмутительно, что они умудрились плод пиона назвать “листовкой”. А он – типичный стручок, или походит на небольшой банан. Но что поделаешь, если специалисты назвали так, значит знают, значит так и есть, им виднее.

В нашем рассказе к месту вспомнить и великого, русского писателя Федора Михайловича Достоевского. Это он, однажды сказал: “Красота спасет мир”. Но и умнейшие люди в чем-то, иногда, ошибаются. В нашем случае, что касается пиона, этот тезис не подходит. И, несмотря на то, что из диких пионов цветоводы вывели более десяти тысяч новых сортов, самых разных, и самой неожиданной окраски, дикие пионы из-за своей красоты, резко сокращают жизненное пространство, испытывая натиск от “любителей” цветов всех мастей и возрастов. Пион – он же пион, сумевший уклониться и спастись милостью Богов от Эскулапа, перед человеком современным, не защищен. Не уклониться ему и не спрятаться. Не помогут ему ни какие Боги, если мы сами не возьмемся за его спасение. Омытый цветом багровой тревоги, опаленный сигналами бед, пион оказался сегодня на одной из страниц печальнейшей книги времени – книги Красной.

УРАГУС

Урагус

От берегов далекого Тихого океана, через дремучие леса и сибирские реки, через горные хребты и до самых окраин Западного Алтая за тысячелетия расселился герой очерка. Речь идет о пичужке, меньше воробья, но сумевшей завоевать громадный “авторитет” у любителей певчих птиц и даже у орнитологов. У невелички длинный как у трясогузки хвост, крылья с двумя светлыми лычками, как у зяблика, а клюв как у волнистого попугайчика.

Чтобы иметь примерное представление об окраске, достаточно представить алый лепесток розы, припорошенный чуть инеем: такова окраска птицы осенью. А чем ближе к весне ковыльный блеск оббивается и самцы обретают карминово-красный с перламутровым блеском наряд. На головках их красуется седоватая шевелюра, которую при хорошем настроении они то поднимают, то опускают. Окраска молодых урагусов, о них – речь, нежно-розовая. Самки много скромнее, почти серые.

Научное название – длиннохвостый снегирь. Из рода снегирей, значит. Но, впоследствии ученые пришли к выводу, что урагус с родни-чечевицам. Тем – малиновым, которые летом, на кустарниковых лугах у наших речек, вопрошают: “Витю – видел?”. Однако, в любом случае это длиннохвостая пичужка с нежным, тихим голоском – “Фи- фить, фи-фить-фить! фит ить-ить!” – необычное украшение нашей природы. В отличие от других, зимующих у нас птиц, они чаще держатся в зарослях полыни или конопли. Даже если их не видно, они узнаются на расстоянии по голосу, и по упругому шуму крыльев, громкого для их размеров: “Фрр-фрр-фррр.”

Когда урагусы кормятся “микроскопическими” семенами, в полынных дебрях, кажется в седы от инея заросли опустилась сказка. Карминовые, “присыпанные” снежком, они поражают неземной красотой. Во время кормления они повисают вниз головой, дотягиваются до очередной, полынной корзинки, постоянно “переговариваясь” короткими крылышками.

Самки в серо-дымчатых одеяниях не менее обаятельны: глазастые, подвижные и в компании с нарядными кавалерами, оставляют неизгладимое впечатление. Глядя на них, невозможно не удивляться великому таланту Художника – Природы.

У этого снегиря есть давнее латинское название: *“урагус сибирикус”*. Со временем латинское переключалось в русское и стало на языке ученых его собственным именем.

Кстати вспомнить, что из симпатии к пичужке, не страшась сибирской зимы, в 20-х годах прошлого века, в городе студентов – Томске, – известном научном центре России, выпускался орнитологический журнал под названием *“Урагус”*. Он, как вид, стал символом орнитологов Сибири.

В Казахстанской части Алтая у урагуса, – принадлежащего к типу Маньчжурской фауны, юго-западная граница ареала, проходит у нас – предгорьями Юго-западного Алтая: по долине Иртыша и Бухтармы. Западнее уже для него лежит уже *“враждебная”* территория.

Короткокрылый, длиннохвостый он – хороший пример приспособленности к полету в зарослях кустарников и густого травостоя. До сих пор, скрытый в гнездовое время, он остается малоизученным: известно только 2 гнезда. Одно найдено на Дальнем Востоке, другое автором – на нашей Убе у села Убинское. Вот и все.

Гнездится в пойменных зарослях рек и горных речушек, не поднимаясь высоко в горы. Встречи с ним в это время бывают крайне не редкими. Мы наблюдали их во гнездовое время в горах Калбы, обращенных к Иртышу и по зарослям речки Аюда, Это говорит, что, возможно, распространен он несколько шире, чем мы знаем об этом.

Гнезда устраивает невысоко на ветках кустарников. Нами найденное находилось в зарослях шиповника, тальника и жимолости татарской. Представляло оно маленькую чашечку сплетенную из травинок конского волоса. В нем было 3 пестрых яичка. Место гнездования они держат в строжайшем секрете, будто кто-то постоянно следит и охотится за ними и не выдают своим поведением места где находится гнездо. Это, по-видимому, и создает трудности изучения этого вида в природе.

Урагус – мечта каждого любителя певчих птиц. И, хотя певец он “никакой”: самцы издают лишь тихую звенящую трель, держа на распашку крылышки, но его внешний вид стоит многого. Ему бы украшать новогодние елки. Западные любители за пару урагусов предлагали не плохие деньги или обмен даже на крупных попугаев, имеющих весьма приличные цены.

Через год содержания урагуса в неволе, яркие краски пропадают и самцы обретают серебристое оперение с перламутровым блеском, с легким кремовым налетом.

Урагус – вид редкий. Поэтому необходима его охрана от любителей – птицеловов, делающих личный бизнес на подобных видах. Они вылавливают множество их в зимнее время, используя манных птиц.

Мы живем в такое время, когда многие самые обычные и многочисленные виды, казалось бы никому не нужные, оказались объектом внимания деловых охотников. В результате ежегодно урагусов много вылавливается и даже вывозится в края где они не встречаются, вплоть до городов дальнего зарубежья. За красоту и радость которую урагусы доставляют при встрече с ними, они заслуживают самого доброго, приятельского отношения со стороны человека. И, конечно, это вид в Республике должен быть отнесен к охраняемым видам. И мы восточноказахстанцы за него в ответе.

ЛЕТЕЧКА С ТЕМНЫМИ КРЫЛЬЯМИ

Герой нашего повествования особенный. С ним связаны казахские народные песни; о нем сложена легенда и он поражает красотой и необычностью. Он совсем не большой, но смел и дерзок: он бросил вызов великой теории Дарвина, а это значит и ее величеству – Эволюции, сотворившей его же на этой земле. Проживая миллионами лет в степи, где все его соседи перекарсались в серо-пестро-рыжеватые цвета и краски, чтобы быть как можно меньше заметными для врагов, а он черный как уголек. Не дерзость ли? Прописан этот “вундеркинд” только на земле Казахской и больше нигде в мире его нет. Такие виды, как мы знаем, называют эндемиками. Он и ест эндемик Казахстана. Обосновался он в степях и полупустынях и поэтому область его обитания на великой земле, достаточно велика. Этот самый “торгай”, оказался одним из немногих среди своих сородичей, населяющих громадные пространства казахстанских степей между Уралом и Алтаем.

Рассказ наш, конечно, об удивительно-черном жаворонке. У него очень красивое казахское название – караторгай. Переводится просто – “черный воробей”, но слово звучит великолепно. Еще более волшебным слышится оно в старинной, очень печальной казахской песне, которая так и называется “Караторгай”. Необычная окраска, красивый брачный полет, прекрасный голос, покорили сердце степного народа, на земле которого он и живет. Поэты и акыны сложили о нем песни. Он – черный караторгай – один постоянный и неизменный друг и спутник по жизни степного кочевника. Он создает ему настроение раздумья и философской печали. Чего ж больше у степного кочевника было? Радости или грусти? Конечно, грусти – жизнь его была что “перекати-поле”, полна лишений и риска. Образом, выражающим это настроение народа, стал этот жаворонек и одна из старинных народных песен о любви и страданиях, которая так и называется – “Караторгай”.

Черный жаворонек в стадии линьки ювенального оперения

И каждый раз, встречая черного жаворонка, вспоминаю легенду о нем, об удали и печали влюбленных. В давние времена дочь чабана, засватал джигит из богатого рода. Готовились к свадьбе: приехали гости с дальних аулов, варилось в казанах мясо, в руках акына пела домбра. Но вдруг черным вихрем в аул ворвался шайтан. Он на глазах изумленных гостей похитил девушку и поскакал с ней в степь.. Разгневанный юноша вскочил на своего тулпара и помчался следом. Но разве догнать простому тулпару волшебного скакуна. Но юноша был настойчив и это очень рассмешило шайтана: он не стал его убивать, а обратил его в скромного серого жаворонка, каких тысячи в казахской степи. Став маленькой птичкой, от горя и обиды, от бессилия жаворонок поднялся так высоко, что коснулся крыльями солнца, почерневший, с опаленными крыльями, он упал на землю.

Девушка узнала в несчастном жаворонке своего возлюбленного. Она подошла к бездыханной птице и горько заплакала. Одна слезинка упала на грудь лежащему без признаков жизни жаворонку: в ней тут же застучало сердце.

С тех пор она каждый день выходила из юрты своего повелителя – злого шайтана, и каждый раз к ней подлетал черный жаворонок. Он вился над ней и, захлебываясь от боли и печали, пел ей свои песни. Он пел о любви и разлуке. И была та песня самой грустной, какие только есть на свете. Люди видели как к одинокой, убитой горем девушке прилетал караторгай и вился над ее головой...

Кто видел, тот знает – караторгай в брачную пору не только носится на широких крыльях с журчащей песней, он один только подобно бабочке, не складывая крыльев, может кружиться над степью, все это время словно аплодируя – громко щелкает крыльями, как кастаньетами. Под собственный акомпанимент, он перебирает в своей песенке голоса разных, прежде услышанных им птиц. Наблюдать токующих самцов – это значит стать свидетелем великого чуда природы наших степей. И не зря за тысячи километров едут в Казахстан зарубежные любители птиц, чтобы хоть раз в жизни, своими глазами взглянуть на легендарную птицу наших степей.

Самцы жаворонка угольно-черные, и окраска их совсем не покровительственная: напротив даже – она выдает их на большом расстоянии. Особенно их громадные тысячные стаи заметны среди заснеженных степных просторов. За окраску называли их прежде – чернышами. Самки у них совершенно серые, как все другие жаворонки, их поэтому звали – женуш-

ками. Было время, называли его и татарским жаворонком, а за сходство с обыкновенным скворцом и еще – “степным скворцом”.

Для жизни выбирает низкотравные или даже опустыненные участки степей. Так до последнего времени считали специалисты-орнитологи. Однако, по нашим наблюдениям, он, оказывается гнездится иногда на сырых, кочковатых лугах вблизи речек и, даже там, где имеются негустые и низкие заросли тростника. Но все-таки, черный жаворонок птица открытых, равнинных степей. Еще лет двадцать-тридцать он был весьма многочислен на востоке Казахстана.

Пение токующих самцов сопровождается голосами живущих по соседству в степи или пустыне разных птиц и в то же время он вспоминает и голоса зимующих, прилетающих с Севера. И, конечно, странно было слышать однажды, что в несносный зной под пустынным небом вдруг кроме поющих жаворонков послышались голоса зимующих в этих краях обыкновенных чечеток, прилетающих на зимовки с приполярных тундр, тонкое и тоскливое посвистывание рогатых жаворонков – рюмов, пуночек...

Жаворонки, как показали наблюдения, помогают чабанам, живущим в степи сушить коровяк около юрт, который идет на топливо: пройдет один жаворонок и перевернет крепким ключом коровью лепешку, через некоторое время тут же оказывается другой и тоже ее перевернет на другой бок, так и переворачивают ее с боку на бок весь день, в поисках под ними разных жуков, их личинок и червячков. Сохнет коровяк тогда не по дням, а по часам. Собирают потом сухое топливо чтобы чай вскипятить, а вечером и ужин приготовить.

Гнезда у них “никакие” – несколько былинки на голой земле, обычно полынных веточек, которые отпугивают кровососущих паразитов, возможно запах ее отбивает запах яиц и птенцов. Вылупляется обычно по три-четыре птенца. На свет они появляются уже всю “загоревшие” – кожа их темна, с редким дымчатым пушком. Видимо, темный цвет кожи играет защитную роль, за счет пигмента меланина, сохраняет от ожогов прямых солнечных лучей. В то же время темный цвет способствует согреванию голых птенцов при слабом солнце во время низких температур.

В полдень, с наступлением зноя птенцы, которые сидели единой кучкой, расползаются в разные стороны от гнезда, в поисках спасительной тени по соседним кустикам, чтобы не перегреться. На ночь же они опять сбиваются в кучу в своем гнездышке. Иногда на солнце, на раскаленной земле они

становятся настолько горячими, что кажется держишь в руке не птенца, а разогретую котлету. В это время внутри их, слышно легкое пощелкивание.

Иногда глубокой осенью уже с первыми слабыми снегопадами, а иногда и во время легких буранов, над пестрой от первых снегов, остывшей степью, можно видеть, как самцы по – весеннему взлетают, верша небольшие круги, они ходят кругами и поют. При этом, они как и весной, ставят за спиной крылья “лодочкой”, пощелкивают ими как костяными. Зрелище это тоже уникальное, которое не что иное, как “осенняя песня весны”.

С наступлением зимы жаворонки собираются в громадные стаи, в которых всегда заметно преобладают самцы. Обычно перед бураном или началом метели, жаворонки ищут более кормные места и, сбившись в громадные, тысячные стаи низко стелятся над заснеженным равнинами. Картины, представляющие полет плотных черных стай над бескрайними снегами – незабываемы. Степняки – народ наблюдательный и знают хорошо: если начались перелеты, скоро начнутся метели и бураны. Это значит, не следует далеко от аула выгонять на пастбища скот, не выезжать в дальнюю дорогу...

Черный жаворонок настоящий абориген степей Казахстана. И вот наступили годы, что численность его на глазах стала таят с каждым годом. И с каждым годом все заметнее сокращается его жизненное пространство..

Для примера скажу, что до 50-х годов прошлого века, на востоке Казахстана черные жаворонки тысячами залетали в населенные пункты. В том числе и в Усть-Каменогорск. Гнездились в сорока километрах от него, по мелкосопочнику Калбинского Алтая. Теперь и близко около города их не бывает, ни зимой, ни летом. Высока еще численность этого жаворонка в Центральном Казахстане.

Черный жаворонок, это – настоящая легенда с темными крыльями. Он, как и все легенды, созданные памятью и талантом народа, должна вечно жить бок о бок с людьми. Тревожно осознавать, что, как казалось бы любимая и практически никому не нужная птица стала видом, численность которой начала падать. Эта птица – черная жемчужина, должна вечно сиять в оправе степной короны Великой степи казахстанской.

И сегодня все чаще и чаще любители-орнитологи зарубежья приезжают на него посмотреть. Он, как коренной степняк, может претендовать на “птицу года” земли Казахстанской: он может стать достойным орнитологическим символом нашей страны.

ЗОЛОТОЙ ОРЕЛ ЧЕЪА

Издревле человек завидовал и восхищался птицами. Орлы были на первом месте с неолита и бронзового века. И среди них беркут. Его считали священной и культовой птицей многих Сибирских народов. Потом их изображали на гербах, монетах, знаменах, ... Он по-разному назывался у разных народов. Народы Великой Азии звали его “черным орлом” или “беркут”. Однако, первый систематик Карл Линней, назвал его Аквилла хризаетос, то есть “золотой орел”. Название навсегда вошло в научную литературу.

Один из самых крупных орлов. Размах крыльев его превышает два метра при весе его 5–6 кг. Окрас: темно-коричневый. Старые отличаются зашейками золотистого цвета. По вершине светлого хвоста проходит широкая, темная лента. По ней беркут узнаваем на большом расстоянии. В окраске существует четыре переходных, возрастных типа. Только через 40 месяцев, то есть на четвертом году, птицы одевают взрослый наряд.

Беркут в небе – символ красоты и изящества. Нападающий на жертву – сила и скорость: от перьев пикирующего орла воздух начинает звенеть. Питается самыми различными животными, нападает даже на пернатых собратьев – хищных птиц меньших размеров. Успешно охотится на молодых копытных – косуль, оленей, ягнят архаров. Общий список животных, которыми питается велик.

Пользуется у охотников, как ловчая птица, большой популярностью. Хорошо обученный беркут способен за сезон взять около тысячи лисиц и с десяток – другой волков. Такие примеры есть, хотя их немного.

Поселяется по всему Казахстану, вплоть до пустынь. В

Беркут

Восточном Казахстане не найден только в Зайсанской котловине, нет условий для гнездования. Летом же, они там обычны. На зиму остается, однако недостаток пищи, стимулирует к кочевкам в более добычливые места. Поэтому встречи их зимой крайне редкие.

Строит гнезда на трудно доступных скалах, редко – на деревьях. Это массивное сооружение из палок и веток. Были случаи, что в гнезде на сосне, мы свободно усаживались вдвоем, чтобы произвести необходимые измерения...

В марте-апреле появляются кладки из 1–2 х яиц, птенцы же, – в мае. Молодых, которых взрослые опекают: кормят, обучают охоте, наблюдались даже в августе. Чтобы вырастить одного или двух полноценных окролов, у родителей уходит самого напряженного труда около полугода. Кто держал хищных птиц знает как это обременительно. В годы когда животных, которые служат им добычей мало они вообще не гнездятся. Так что каждый орел в нашем небе – большое, природное сокровище. Вспомните об этом и воздержитесь поднимать оружие.

Примерно с тридцатых и до пятидесятых годов хищные птицы, в том числе беркут, усиленно отстреливались. Человек видел в них своего конкурента. Результаты непростительной глупости сказались: численность их резко сократилась повсеместно. Особенно за последнее десятилетие, большое количество молодых изымались из гнезд для будущих охот. Однако, к сожалению, культура беркутчи, утратила многие знания и законы: птенцы оказавшись в неумелых руках, обречены на гибель. К тому же браконьерство бесшабашных горе-охотников, лишь бы пальнуть по живой мишени, тоже повлияли на их численность, ставшей уже критической.

Мы должны помнить, каждое гнездо, каждый орел представляют национальную ценность. Сейчас беркут, как и другие его собратья, внесены в Красную книгу. Однако, изъятия молодых их гнезд остается безнаказанным. Многие любители – “беркутчи”, с позволения сказать, держат их тайком в сараях. Жители сел или аулов знают об этом, но замалчивают эти печальные факты, к тому же вся эта компания мотивирует это как возрождение старинной национальной охоты. Когда б следовало к этому вопросу подойти особо строго.

Нам остается напомнить – беркут в опасности: необходимы действенные, кардинальные меры для спасения владыки неба.

ЛОЗЮЩИЙ ЗВЕРЕК

На огромном степном пространстве Центрального Казахстана, от Волги до Иртыша, по предгорьям Алтая, в Зайсанской котловине живет замечательное существо – малая или степная пищуха. Она самая мелкая среди своих сородичей – с сирийского хомячка, которых часто содержат дома. Этот удивительный зверек относится к семейству пищух из отряда зайцеобразных. Которых от других грызунов отличает очень своеобразная особенность – у них на верхней челюсти по 4 резка: позади пары крупных резцов располагается, как бы запасная пара, но уже мельче. Однако не с зубов следовало бы начинать с того как они выглядят. Это, как писал известный казахстанский натуралист В.Н. Шнитников: “...симпатичные, оригинальные, совсем куцые зверьки, напоминающие не то зайчонка не то крошечного медвежонка, все являются представителями фауны Азии”. И, действительно, они очень симпатичные. Но вот увидеть степную пищуху, очень бывает трудно. Другой раз берет досада: вот она, совсем рядом в гуще какого-нибудь степного кустика сидит и свистит громко так, что слышно бывает за километр. А увидеть ни как. Настоящая “невидимка”. Можно легко узнать сколько их живет в той или иной местности, особенно зимой, а вот увидеть – никак. Вспоминаются курьезные случаи. В школьные годы постоянно приходилось мне бродить в окрестностях Усть-Каменогорска. И здесь по степным предгорьям с зарослями шиповника, жимолости по ложкам, постоянно слышались их голоса. Многократно стараясь увидеть кто же это так красиво свистит, но каждый раз попытки были безуспешно. Но, прежде читая книжки отечественных натуралистов, я знал что в наших краях живет небольшая пищуха – пеночка-теньковка. Так названа она за свою песенку – звукоподражательно. И вот здесь – “чень-

Степная пищуха

чень-чень...”, “конечно это она” – решил я. Но вот беда – слышать слышал, а видеть – ни разу. Поэтому услышав “певца”, я записывал в своих дневниках: “Ходил на левый берег Иртыша, Был на Чечеке (предгорья гор Калбинского хребта) и слышал пеночку – теньковку, но опять ее не увидел”. Записи такого характера повторялись в моих школьных дневниках. Любопытно и то, что впоследствии мой ученик Коля Березовиков, страстный натуралист, также вел дневники и каждый раз услышав пищуху, также ссылаясь на пеночку-теньковку. Вот так она заморочила нам, неопытным натуралистам, головы. Да и немудрено ее звонкий, чистый голос посчитать можно по ошибке за голос птицы.

А вот увидеть ее – проблема: можно годами ее слышать и ни разу не увидеть. Очень осторожны, хитроваты, быстры. К тому же совершая в кустах перебежки, они делают это совершенно бесшумно, не попадаясь на глаза. При этом они, как и зайцы их ближайšie родственники, прыгнув, приземляются на передние лапки, а потом – на задние. А вот голос ее – пожалуйста: утром, в полдень, вечером и ночью эта “пеночка”, как кажется, не спит. Более того “она” еще и не улетает на зиму (!?), когда ей подобные насекомоядные птицы покидают наши края с конца августа – в сентябре. “Кто же это, с птичьим голосом поет в степи и в кустах даже в сильные морозы?”. Представьте от горизонта до горизонта степь укрытую сплошными, ослепительно сияющими снегами. Вдали невысокие сопки. По логам островками в долинах темнеют заросли карагайника. В совершенно мертвой, морозной тишине изредка уныло просвистит стайка пролетающих рогатых жаворонков. Подобно мошке перемешиваясь в полете куда-то торопится стайка самых мелких наших зимних гостей – чечеток. Улетели и опять воцарилась над ослепительными снегами гробовая тишина. Но вдруг раздается, бодрый, даже веселый свист: “Чень-чень-чень...”. Голос чистый, громкий, и сразу же от хрустального голоса наступает оживляющее, праздничное состояние, прибавляющий света сверкающим снегам. Однако в конце “песни”, после многократных повторений, поющий зверек, словно сам в чем-то глубоко разочаровавшись, оканчивает руладу тоскливыми, почти плаксивыми посвистами и нотки эти наводят на грусть. В нем поселяется абсолютная безысходность и непонятное глубокое разочарование, кажется от чистоты

и сияния снегов, от серебристой изморози, осевшей на травах и на кустах. И кажется, что это уже не песня, а крик чьей-то души, заблудшей среди зимних просторов. Иногда кажется, что где-то в темных, заснеженных ложках сидит философствующее существо и после долгих раздумий и размышлений в своем одиночестве, приходит в состояние крайнего отчаяния и выражает теперь это серией посвистов, в которых полно тоски и печали.

Однако, голос или свист совсем по другому можно воспринимать: чистота и звон его освещают сердце, каждый посвист подобен каплям воды, летящих в лоно родника, сверкая хрусталем и жемчугами. И, кажется, шире еще открываются горизонты снежной бескрайности.

У степной пищухи есть и другие названия, например, “малая пищуха”, “чеканочка”. И трудно сказать ночной это или дневной зверек. Но ее сородичи, населяющие горные хребты – алтайская пищуха, на Тянь-Шане живет красная пищуха. Они ведут дневной образ жизни, а эта ведет одинаково успешно и ночную жизнь, да еще и “ченькает” ночами...

Это небольшие зверьки, живут обычно островными или разорванными поселениями призаисанья. Неожиданными оказались находки наши в глинистой пустыне Киин-Кириш, и даже в песках наших Кызыл-Кума на берегу Бухтарминского водохранилища на востоке Казахстана. Это указывает на довольно широкую приспособляемость ее к различной экологической обстановке.

В литературе нет наблюдений, что она заготавливает в стожки сено, как это делают ее сородичи. Однако, по личным наблюдениям автора, это характерно для них. Такие наблюдения сделаны прямо у Усть-Каменогорска, на сопках Чечека, где пищухи оставляли величиной с тарелку копейки сена.

Относится малая или степная пищуха к семейству заячьи – у них имеется как у зайца четыре верхних резца. Но эти удивительные степняки способны обеспечивать себя сеном в зимнее время. Сами косят, сами стаскивают, сушат, а потом уж сами, конечно, и скирдуют. И сено у них отличного качества. Так что сенокосение и скирдование снега известно задолго до появления человека. За эту способность этих милых зверьков назвали “сеноставками”. Спасибо вам сеноставки, подсказали человечеству, как готовить и сохранять всю зиму зеленое сено.

Это славное семейство проживает, в основном, в Азиатском регионе. А они – тупомордые, глазастые, ушастые и с подбитыми снизу мехом, как у зайца, лапками. Что говорит об их приспособленности к зимам. Кургузые, толстоватые, они походят на темно-серые, меховые игрушки с крупными глазами и торчащими усами. Округлые уши их, обрамленные светлыми полукольцами, что делает их еще более привлекательными.

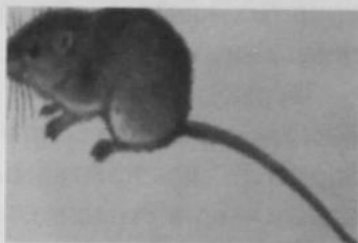
Колебания численности этих зверьков в природе – явление в общем-то, закономерное. Однако, численность ее за последние годы и ареал резко сократилась. Например, в прошлом веке она обитала в донских и приазовских степях, на правобережье Волги. В настоящее время она встречается только в оренбургских, зауральских, тургайских, в Мугоджарах и почти до Аральского моря, а также в Центральном Казахстане.

Возможно это происходит из-за масштабных ежегодных пожаров в наших степях, возможно и по другим причинам. Но пищуха стала редкой и голос ее – несет сегодня воспоминание о прошлом.

В году у них бывает 3–4 помета. Количество детенышей достигает иной раз целой дюжины. Это и обнадеживает, что осторожные зверьки, пострадавшие от освоения целинных земель в Центральном Казахстане, от активного наступающего на степи человека, все-таки приспособились и озвучивают своими посвистами наши неоглядные степи, оживляя их и освещая.

ЧЬИ ЭТО В ПРАВЕ ГНЕЗДА?

Наша очередная героиня вся такая маленькая, что и говорить о ней нет ни какого, казалось бы, смысла. С другой стороны, в том и смысл весь, что зверек не только мал очень, он еще и необычен. Он может мастерски строить “птичьи” гнезда не там где все его сородичи – норушники, а на стеблях трав и кустарников. Название ему – мышь-малютка. Она самая маленькая среди них, с наперсток, не более и потому и названа малюткой. Но крошка сумела проявить себя еще и в завоевании территории – распространена на больше части Евразийского континента. Например, на Кавказе она заходит в горы более 2000 м над уровнем моря. В Казахстане, как гражданка республики, завоевала южную часть Урала и степи Центрального Казахстана; на востоке выходит к Усть-Каменогорску и проникла в горные долины Южного Алтая. Есть, вероятно, в Зайсанской котловине и есть точно у озера Алаколь, уже в пустынной зоне. Она сумела оккупировать северную и северо-восточную части нашей республики. Места избирает иногда лесистые с крупностебельными травами, сенокосные луга, приуроченные, как правило, к ручьям или сырým и заболоченным лугам. Однако численность ее всюду очень мала и продолжает, как замечено, снижаться в связи с распашкой этих мест или постоянного выпаса на этих лугах скота. В результате если несколько десятилетий назад она гнездилась около крупных городов, вблизи сел, то теперь ее там почти не встретишь. Нет, я не оговорился, что “гнездится”, потому что в отличие от других зверков, и тем более мышиной братии, она единственная вьет на стеблях трав “птичьи” гнезда.

Мышь-малютка

Питается крохотулька молодыми побегами трав и кустарников, семенами различных растений и кустарников; поедает и доступную ей живность – кто мельче и или не сопротивляется – насекомых, а также и трупы мелких животных. Вес ее, как говорится, всего ничего – от 5 до 9 граммов. При таких размерах животные очень прожорливы и наша мышка тоже подтверждает эту закономерность – съедает до трети или почти до половины своего веса

за сутки. У “зверей” таких размеров в связи с высоким расходом энергии, повышен соответственно и аппетит, который отнести следует уже к категории обжорства. Мне часто попадались их столовые, устроенные под крышей крупных листьев, где вместо стола – зеленая скатерть тоже листа. Под навесами листьев они отдыхают и прячутся от солнца и ненастья.

Зверьку, не смотря на его размеры, свойственно, как и всем другим животным, превосходящим размерами нашу мышку в сотни раз: у нее свой характер, своя прыть: мышшь-малютка способна переходить с бега на рысь, а если очень страшно, – совершает “громадные” сообразно ее размерам прыжки. Это помогает улизнуть вовремя от преследователя. Но главное, как крошечная обезьянка, она может хотя и не так проворно, но легко и свободно, пользуясь цепким и сильным хвостиком, лазать по травам, как по деревьям. Образ жизни и передвижения в зарослях проявились и в другом: у нее первая пара сосков расположена почти под лопатками, средняя пара ближе к бокам. У нее даже пальцы длиннее, чему других мышшей. Как сказано уже – они хорошо приспособлены к лазанию. Это настоящий “лесной зверь”, если травяные гущи считать за джунгли. Установлено, что оказавшись длительное время под прямым солнцем, она быстро перегревается – обмен веществ, то высокий, и тогда погибает. Ей, как каждому лесному животному необходима тень. Она и на промыслы свои выходит ночью, предпочитая лунный свет солнечному. Однако бывают активны и впервой половине дня, пока солнце сильно не припекает. Понятно почему, но она способная, по необходимости с помощью специального клапана или кожистой складки закрывать или “затыкать” себе уши.

Самое интересное в ее общем-то небогатой биографии то, что строит она на птичий манер гнезда, помещая их в зарослях трав или тростника. При этом она их тщательно маскирует – подальше от глаз чужих. Гнезда обычно находятся на высоте от 30 см до 1 м. Строит она быстро и энергично с большим мастерством. Облюбовав место, тут же срезает листья злаков и пропускает их через зубки, нарезает тонкими полосками. Гнезда шарообразные с двумя отверстиями – входом и выходом. Размеры его не велики – с большое яблоко, чуть больше, чуть меньше. Внутри выстилается разной растительной ветошью, поэтому мягко внутри и тепло. Однажды наткнувшись на такое гнездышко был удивлен, что какая-то малая пичужка построила

такой дом, кто же? Когда заглянул во внутрь, был удивлен еще больше у новорожденных, розовых птенчиков, которых было около десятка, почему-то были зубастые рты и голые хвостики. В обнаруженном гнезде хозяйские детки находятся только до ночи. А утром оно, обычно, уже пустое – мамаша переносит их в другое где-то построенное заново. Мышка очень скрытная. Ее даже трудно увидеть, хотя она всегда рядом у гнезда. При приближении к нему, самка заранее тихо и не заметно его покидает и впечатление такое, что мышатки в гнезда брошены родителями.

За лето самка приносит обычно 2–3 помета и в каждом от 5 до 12 детенышей. Чаше же их не более 6 или 7. В ее короткой жизни все происходит скоро: дом строит за несколько часов и через 20 дней у нее появляется потомство. Малыши через две недели становятся самостоятельными и через 1,5 месяца у них самих, едва достигших 6–7 граммов, появляются детки. Все эти скоростные обороты в ее жизни дают возможность этому виду выстоять. Смертность мышей-малюток в природных условиях очень высокая. Да и век их не долгов – всего до полугода. Плодовитость спасает от вымирания. Врагов у нее хоть отбавляй, кто больше, тот и враг ее, больше ее все другие хищные зверьки и даже сами мыши.

С наступлением холодов малютки переселяются туда, где есть завалы травы или стоят скирды и копна сена или соломы. Она хороша на зубах каждого, кто ее поймает. Ее преследуют ласки и горностаи, лисицы и хорьки, разные совы, даже домашние куры и фазаны норовят ее поймать и проглотить. Трудно быть маленьким в природе, но крупным, как знаем, еще труднее. Отрицательно на численность малютки сказалось в северных степях Казахстана освоение целинных земель.

Мышь-малютка чрезвычайно любопытный и симпатичный зверек. Особенно интересна она при содержании дома, в детских зоологических клубах. Содержать их лучше всего в высоких стеклянных террариумах, где ей можно на высоте построить дом. Только наблюдения за тем как “травяная обезьянка” лазает, цепляясь хвостом и повисая на нем среди приготовленных зарослей, как строит гнездо – доставляют большое удовольствие. За необычно мелкие размеры, яркую контрастную окраску – красноватая спинка и белоснежный низ, за ловкость лазания и строительство, она привлекательна и за эти ее необычные качества, я счел нужным поместить этот коротенький рассказ о самом маленьком нашем зверьке на страницах нашей книги.

СОЧ-ТРАВА

Одним из особенных среди весенних первоцветов, столь любимый и милый – сон-трава или прострел раскрытый. Растение “пришло” из Европы и расселилось, охватив Северные и Центральные области Казахстана и на восток до предгорий Алтая и Саура. Избирает остепненные луга, а местами и опушки в сосновых лесах.

Считали, что надышавшись ароматом этих цветов, люди впадают в сонную одурь или засыпают и верили в то, что даже медведь “хмелеет” лизнув его корень.

Весной, едва начинает таять снег, когда еще над спящими сопками обычны морозистые ночи, и все еще по-зимнему ярко колкие, как льдинки звезды, днями же солнце набирая обороты стремится выше, к зениту, в это время из оттаявшей земли, покрытой еще серой прошлогодней травой, выстреливают букеты шерстистых бутонов сон-травы. Их сине-фиолетовые цветки в шерстистых обертках, не выпуская листьев, открываются. И каждое утро,

Сон-трава или прострел

седые от инея, поднимают они устало свои “лица”, на которых слезинками искрятся замерзшие росинки. И как только солнце припечет на сине-щекие цветки, открывают глаза и в каждом спрятано свое, маленькое солнце из пухлых тычинок. В такое время просто невозможно пройти и не потрогать, не погладить их по серебристой, мохнатой головке.

Пройдет этот день, и они, мохнатые и синие прикрывают свое маленькое солнце, и дружно, как один, ложатся на стылую землю.

Теперь каждый заранее головку повернул на запад, туда куда ушло настоящее солнце. И так ночь всю спят, крепко, по-зимнему, не разбудить. Настоящие сони. Но вот чудо, перед тем как проснуться, они за ночь каким-то чутьем угадывают в какой стороне восток и просыпаются, уже повернувшись за ночь, лицом к солнцу. Поднявшись на пушистых ножках, они смело смотрят в глаза встающему светилу. Когда же спят они, непонятно!?! А еще – сон-трава называется. Выходит, не спят, и название их не правильное. И цветы их, как и подсолнухи, днем и ночью знают, где находится солнце и гоняются за ним потом весь день.

Два дня первые бутоны совершенно безлистые и только через три-четыре дня цветоножка его подрастает в 10-20 раз и когда наступает время отцветания, на стеблях появляются резные пальчики фигурно изрезанных листочков. Однако, особое впечатление оставляет растение при ветре: задует ветер и букеты их один за одним по горным склонам вспыхивают чистой сединой серебра. Это и стало поводом называть их на востоке нашей республики – ветродуйками.

Кто знаком с этими замечательными растениями, надеюсь согласится, что не из Европы пришли к нам они. Они пришли из глубины нашего детства, когда возвращались с гор с букетами лохматых, покрытых серебристым мехом, синих букетов. Не хочется и верить, что их не станет когда-нибудь: угаснет весна, поблекнут степи и перелески, мы же понесем еще большие потери. И ни один человек, любящий природу, сегодня уже не станет рвать букетами сон-траву: ее так мало уже остается на земле. Расселяется и цветет сон-трава только на второй год своей короткой жизни.

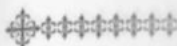
Не прав и в этом случае оказался Ф.М. Достоевский, когда погорячившись сказал, о красоте, которая будто бы спасет мир. Она – “красота” –

причина собственного уничтожения вокруг, прежде всего, самое красивое, равно как и “безобразное” уничтожается только из интереса к необычному.

Прострел принадлежит к когорте растений, которую истребляют прежде, чем другие. Рвут его, к сожалению, за его красоту и рвут беспощадно. Поэтому цветы нашего детства становятся все более редкими, и только по этой причине это растение занесено уже в Красную книгу Казахстана.

"СКАЛИСТАЯ БЕЛКА"

Живет на востоке Казахстана представитель родовитого клана, входящего в отряд грызунов, один из замечательных, похожих на белку зверек. Но у него нет кисточек на ушах, не скачет по деревьям, не собирает и не сушит грибов, более того, он избегает лесов, но по сравнению с другими грызунами рода суслиного у него длинные ушки, не столь роскошный, но пушистый и длинный хвост, который также как белка он закидывает на спину. Лапки тоже чувственные, цепкие, с длинными, опять-таки, как у лесной красавицы, пальцами. Живет этот зверек чаще всего в степной обстановке, но где есть камни и небольшие скалы. В поведении его тоже много беличьего: ест – удерживая луковицу или травинку в ладошках передних лапок, сидя на задних. Живет в норах, которые роет. Встревоженная белка – цокает, а он – чикает; она осматривает местность с деревьев, он – со скалы или камня. Поэтому его в виде рыжего столбика можно видеть на камне или крупном валуне,

Длиннохвостый суслик

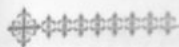
откуда он покрикивает: “Чик-чик” или “Тщик- щик”. Этот сигнал тотчас принимают другие, и все суслики местности дают тогда друг другу знать об опасности. Зрение у него прекрасное: человека замечает на расстоянии полу километра. Если появится собака, они коллективно “издеваются” над ней: поддразнивая, кричат, то с одной стороны, то с другой стороны и, каждый раз, подманив охотницу на близкое расстояние, перед самым носом ее ныряют в нору. Азартную собаку – загоняют до “смерти”. Даже спрятавшись в подземное убежище, суслик пискливо скулит, разжигая желание выкопать его из норы. Но у этого хитреца всегда есть запасный выход и зверек этим “спекулирует”. Название красивого зверька – азиатский длиннохвостый суслик.

Снизу окрашен в рыжевато-ржавчинные цвета: спина буровато-темная усыпанная светлыми, как у цесарки, крапинками. Мордашка с выразительными темными глазами. За такие глаза воспевали красавиц в поэтически виршах поэты Востока. Только за глаза можно простить вообще всех сусликов, за вред который они причиняют землепашцам. Однако длиннохвостого во вредительстве упрекнуть нельзя: он избегает окультуренных земель, ему достаточно корма даже на выжженных солнцем степных предгорьях. Так что с какой стороны не возьми, во всех отношениях он симпатичен: покрики его оживляют каменистые склоны, а фигурки торчащие на камнях или у норы – неотъемлемое украшение горно-степных ландшафтов на востоке – в предгорьях Казахстанского Алтая и в Джунгарском Ала-Тау.

На Южном Алтае их поселения встречаются в Кара-Кабинской долине на высоте примерно в 2000 м над уровнем моря. А в Джунгарском Ала-Тау – в горы заходят они даже до 3000 и более метров. Здесь они живут между альпийскими лугами и ниже расположенным лесным поясом. Странно, конечно – они в сухих предгорьях и около горных вершин с вечным снегом, где летом прохладно, часты дожди, туманы и заморозки.

Когда речь заходит о сусликах, возникает образ некоего неистребимого вредителя, исконного врага человека. Этот грызун по нашим представлениям, везде и всегда вредит сельскому хозяйству. А отсюда и тезис – “давить, травить, убивать...”. Даже в академических изданиях делается упор на истребление, на использование его шкурок на шапки и шубки. Хотя, нужно

сказать, мех сусликов не прочен и не очень красив. Однако программа уничтожения их у нас уже в крови. В научных описаниях не найдется и слова, что эти зверьки красивы, игривы и оставляют при встрече с ними приятное впечатление. Без них куда скучнее было бы в природе. Уничтожают за вред наносимый полевым культурам и пастбищам, за поедание семян трав. Уверен, если б суслик не кормился ни травами, ни семенами, нашлись бы другие мотивы – что пьет из ручьев воду, “сжигает” кислород или за то, что они есть и их много... Мы взяли на себя право решать судьбу многих животных, за миллионы лет обживших планету до появления человека за миллионы лет. И было всего в изобилии хотя были многочисленны самые разные животные – хищники и их жертвы. А теперь вину своего преступного отношения к природе перекладываем на безответных “братьев меньших” и также решаем – выгодны они нам или нет, и как “рационально использовать” их. И уже убедились в своей рациональности – всюду прогрессирует глобальное опустынивание во всех отношениях. И в ответ планета уже бунтует. Вот и наш безобидный длиннохвостый суслик не конкурируя с человеком, рассматривается как потенциальный враг, оказавшись в числе незащищаемых обитателей. Мы, будто забываем о большем их предназначении, хотя бы о том, что грызуны, как суслики – прежде всего добыча для многих исчезающих уже птиц и зверей, которых мы пытаемся спасти.

Наш длиннохвостый герой живет в горно-степных условиях Казахстанского Алтая. Самые многочисленные поселения его есть еще в низкогорных долинах и по сопкам, по соседству с колониями сурков. Иногда его поселения занимают значительные площади, как например, в Калбинских горах. Многочислен был в предгорьях Ульбинского хребта вплоть до окраин Усть-Каменогорска; на побережье Бухтарминского водохранилища, у Голубого залива и в предместьях Зырянска, на Южном Алтае – Глубоков горах – на хребте Сарым-Сакты у Катон- Карагая, и по долине верхнего течения реки Кара-Каба. Здесь он найден, по лугам окруженных смешанными лесами с участием кедра и лиственницы. Однако, за последние три десятилетия, численность его и площади обитания резко сократились. Исчез почти в предгорьях Ульбинского хребта. Если сложившаяся тенденция и дальше будет продолжаться, через десяток – другой лет, он исчезнет вообще.

На Востоке Казахстана этого зверька знают все, как луговых собачек в Америке. Называют их “кысочками” или “польской кошечкой”, от слова “поле”. Достаточно несколько километров проехать трассами Калбинского Алтая и обязательно увидишь перебегающих дорогу сусликов, с распушенными двуцветными хвостиками. Особенно часто они встречаются во время расселения молодых. Малоопытный, попросту говоря, глупый молодняк легко попадает в лапы хищников и под колеса транспорта.

Взятые на содержание молодыми, они быстро привыкают и становятся совершенно ручными. Очень привязываются к человеку и становятся хорошими друзьями.

В брачную пору, у них можно видеть игры: играющие суслики гоняются друг за другом, перескакивают через головы друг друга, кувыркаются и обнявшись катаются по траве, снова бегают по кругу около нор. Но, при этом, они не забывают и об опасности. А она может появиться в образе лисицы или сокола в каждый момент. Вот поэтому во время игры они внезапно встают столбиками, внимательно осматриваются, с предельно глуповатым выражением: с вытаращенными глазами и полуоткрытым ртом стоят на задних лапках, крутятся в разные стороны. Они в это время несколько комичны. Но вскоре игра продолжается...

Перед появлением молодых и зимней спячкой, зверьки таскают в зубах пучки мягкой травы, шерсти, иногда перья птиц, утепляя норы. Новорожденных у самки бывает в среднем 4–6 прекрасных сусят.

В природе “зверь” этот нужный: без него ни как многим плотоядным вплоть до волка и медведя. Без него исчезнут многие пернатые хищники. Но главное, о чем никак забывать нельзя – оживление, которое он вносит в предалтайские и высокогорные луга и степи Джунгарского хребта. Эти ландшафты уже со второй половины лета печальны и даже унылые – на них выгорает растительность. Фигурки, напоминающие столбики на макушках скал, и “чиканье” оживляют местность. Кто хоть однажды встречал в природе нашего героя, память о приятных встречах с незадачливым, совершенно незащищенным зверьком, сохранит на всю жизнь, особенно, если она состоялась в детстве.

КРЕЧЕТКА

В Центральном Казахстане, в 2004 году, начались полевые работы по изучению биологии и причин исчезновения одного из ставших очень редким степных куликов – кречетки. С этой целью в Акмолинскую область, где находятся основные места гнездования этого вида, приехали орнитологи Английского Королевского общества любителей птиц и нашей республики.

Кречетка является представителем отряда куликов, но в отличие от многочисленных собратьев этого отряда, предпочитает гнездится внутри степных просторов Центрального и Северного Казахстана.

Она стройная и элегантная, быстра и изящна, как газель. Осторожная, “как птица”.

Распространена от восточных до западных окраин степного Казахстана. Поселяется, как правило, где есть какие-либо, маломальские водные источники – озерки, ручейки и даже придорожные канавы, где скапливается вода. Как ни крути, но это кулик, а в степи много солнца, а следом – жажда. С человеком кречетка не дружна, ближе 100 и 200 м не подпускает. Однако в поведении ее – непонятная странность: без степных аулов, пастбищ и

Кречетка в полете

выгонов, кажется, жизни не представляет. Особенно обожает она мусорные свалки или помойки, обычные вокруг каждого степного селения.

И вот она – красивая и элегантная, в бежевом оперении и темном берете, светлоробая, кареглазая, быть бы ей моделью, при такой внешности, да на солнечных берегах Средиземноморья, а она с каждой весной покидает их и летит домой – в неоглядные азиатские степи Центрального Казахстана. Избирает здесь не курортные ландшафты, а места требующие не литературных слов и красок. Более того, изо дня в день здесь прогоняется скот и обычны бродячие собаки.

Кречетка походит на знакомого и узнаваемого чибиса, к которому ближе всех: такие же широкие крылья; в полете – более светлокрылая. На кофейном платье, на плечах выделяются “букли”, придающие ей изысканность особую.

Кречетка в траве походит на забытый кем-то глиняный кувшин с отбитым горлышком. Но кувшин вдруг срывается и совершая на поклоны, стремительно бежит, будто что-то склевывая. Затем внезапно останавливается, изучая прищельца и бежит снова, оставаясь не ближе сотни метров от человека.

Обеспокоенная кречетка у гнезда

Потревоженная, распахнув пестрые крылья, легко взлетает и садится уже поодаль. В полете слышен хриплый крик: “Кжек-кжек, кжек-кжек...”.

Весной, при прилете, рассредоточивается небольшими поселениями из 4–20 особей. Избирая окраину аула, где земля выбита скотом; типчак и полынки всего в 3–5 см. Не понятно почему селится у помоек, кругом железо и всякое житейское барахло. И мысли приходят – чего-то мы недопонимаем в этой самой красоте. Надо же, оставить южные зимовья Средиземноморья, Севера Африки, Турции, Пакистана, Израиля, и лететь за тысячи километров гнездится у жилья человеческого. В прошлом кречетка встречалась в переделах Европы, до степей Полтавщины и восточнее – до Западной Сибири. Теперь она только в Казахстане на востоке вплоть до Зайсана. Похоже “нравится” ей, что по несколько раз в день прогоняют на местах ее гнездования лошадей, коров и овец. И каждый раз приходится удивляться: “Как стадо не раздавило гнезда?!”. Но много гнезд гибнет под копытами животных. А отсюда и результат: кречетка – стала редчайшим, исчезающим на планете видом..

По подсчетам орнитологов кречеток осталось всего около полутысячи. И это тревожно. Будет жаль если с лица земли исчезнет заметная птица. А ведь несколько десятилетий назад, во что верится с трудом, ученые-путешественники писали: “...кречетка гнездится большими колониями, чем чибибис, а по окончании гнездования соединяется в стаи по несколько тысяч особей, которые держатся тесно и дружно. Изумительную картину представляют пологие берега казахстанских озер в августовские полдни, когда на водопой слетаются десятки тысяч птиц. Среди них пестро-белые кречетки занимают первое место. Целые тучи их, истомленных жарой, набив желудки саранчой, проносятся из степи, сменяя одна другую”..

Сегодня же, как получается, на просторах Казахстана, замечательной птице, “не осталось” места.

Для жизни кречетки нужно не много – небольшая ямка для гнезда; иногда устраивает его в ямке села от копыт животных. Выстилается растительной ветошью. Вокруг насиживающей птицы знойная степь и почти постоянны ветер. Над головой почти всегда светит солнце.

Кречетки во время свадебных игр

Сведений о ее жизни в природе мало. Сейчас же, когда она оказалась на грани исчезновения, ведется изучение, чтобы выяснить причины исчезновения, чтобы ее не настигла судьба многих животных исчезнувших с лица земли.

В гнезде у нее бывает 2–4 крупных, с пестрой окраской, яиц. Насиживает самка более 20 дней. Самец же, с присущим “легкомыслием”, все это время участвует в боевых турнирных с другими самцами. Самок у них на десяток ухажеров всего 3, понятно, холостяков хватает и каждый не упускает возможности поухаживать за чужой подругой. Вот и ведутся постоянно в период гнездования боевые схватки.

Кречетки – народ компанейский, постоянно устраивают игры, лишённые какой-либо логики: гоняются друг за другом, создавая суету и неразбериху. Например, самец гонится за другим, убегающий разворачивается вдруг и столь же рьяно гонит преследователя. Затем его преследует уже самка. Ее же встречает другой самец и картина меняется. Создается со стороны впечатление беспорядочной беготни их. Но вот один из самцов взлетает,

пикирует на другого, наносит символические удары крыльями и тут же убегает. И только после пяти–десяти минут турниров, “рыцари” расходятся вместе со своими сужеными. Холостяки же ищут куда бы еще примкнуть и начать подобные “догонялки”. Время от времени у самцов от прилива силы и чувств появляется желание взмыть в воздух, сделать несколько стремительных кругов и, распустив крылья полукружьем, как на парашюте опустится с высоты к своим.

Однажды мой коллега надел расхристанную соломенную шляпу и несколько минут работал у гнезда. На другой день шляпа была на мне. Работы велись в нескольких километрах от этого места, где коллега присутствием своим их беспокоил. И я “получил” от самца, (мы их знали в лицо – они были окольцованы). Он атаковал с криком “Кэрго! Кэргго!” Этим же “словом” обзывали у гнезд и самки, проявляя беспокойство. Не сомневаюсь, что “слово” на их языке не совсем приличное. И хотя оно созвучно испанскому Педро, или еще как? Возможно слово “Кэрго” есть в словаре Аргентины, Перу, Чили. Может его знают израильяне – она же зимует у них. Но когда напал самец, я снял шляпу, но “обзываться” он не перестал. “Ну что ж, – подумал, Кэрго, так Кэрго... Но если узнаю, что слово неприличное, – погрозил ему, – берегись! Я ведь тоже, не лыком шит, знаю кое-какие слова...”

Сняв шляпу, все-таки пришлось уйти. Какие наблюдения, если тебя основательно разоблачили, знают в лицо, боятся как пугала, еще и “оскорбляют”.

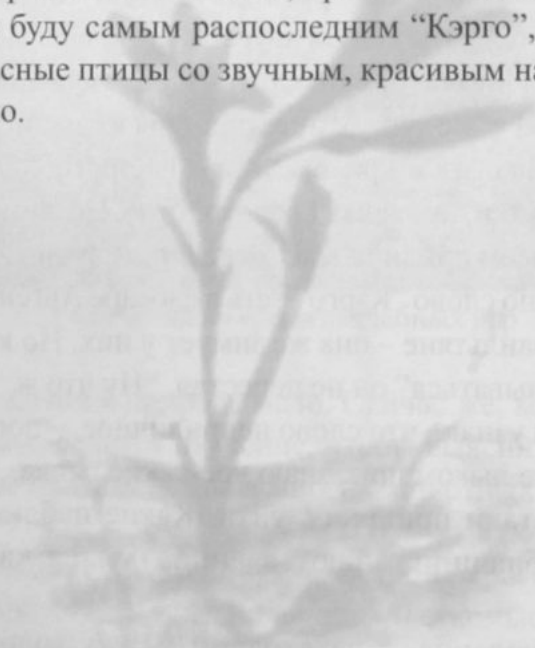
Длительные наблюдения, с переходами между колониями в десятки километров опаленной степью, под напевы не утихающих ветров, в тучах комаров и мошек дали возможность наблюдать редкое явление – появление на свет птенчика: Самка летала над нами и беспрестанно “выговаривала” “Кэрго-Кэрго!”. Проломив скорлупу яйца, устало откинул с головы ее как крышечку с консервной банки, освободил сначала левое крылышко и пропищал: “Пьюю!”. Будто с высоты мама ему кричала: “Дыши глубже! Пей воздух”. И вот выбравшись из скорлупы, он пропищал: “Как?!” и упал в изнеможении и несколько минут лежал мокрый, бессильный. Но когда я оставлял гнездо, он ответил маме “Пьюю! Пьюю”. Он впервые в своей

минутной жизни, обсыхал под солнцем, и дышал чистым степным воздухом, который можно пить.

Мы нашли более 40 гнезд, но почти треть их погибла под копытами лошадей и коров.

Кречетка внесена в Красные книги мира; стала символом наших широт; ее объявили “Птицей 2004 года”.. Но есть надежды спасти этот вид. Нужны временные ограждения мест гнездования. Вот все..

Оставляя Центральный Казахстан, кречеток с которыми познакомился, подумал: пусть я буду самым распоследним “Кэрго”, все прощаю, только чтобы эти прекрасные птицы со звучным, красивым названием – Кречетка, жили с нами вечно.

СУЛТАНКА

Есть в центрально-азиатских широтах животные, родиной которых являются тропики. Было время когда они расселились в наших широтах, когда и здесь был тропический климат, было много воды, росли пальмы на морских побережьях и кораллы на мелководьях. И теперь выходцы из тропических областей живут в наших широтах, преимущественно в Южном и Юго-Западном Казахстане. Для примера из птиц к ним отнести можно известных всем – фламинго, пеликанов, зимородка, золотистую и зеленую щурок, сизоворонку, райскую мухоловку, ряд других видов. К этой же когорте относится и наша героиня с тропической окраской из отряда широко распространенных пастушковых птиц. Она самая яркая и самая крупная из них – до 50 см длиной. Она есть родственница хорошо знакомых нам – лысухи, коростеля, водяной курочки, это султанская курица или просто султанка. Казахи называют ее “кок кашкалдак” или “синяя лысуха”. Окраска ее, как и для названных птиц очень яркая, отражающая, словно, роскошь природы тропиков. Оперение ее отликает голубовато-зелеными, индигово-синими, фиолетовыми цветами и оттенками. А теперь представьте, что к бархатисто синеватому платью еще и “пририсовали” кораллово-красные клюв и лапы, да красная на лбу “кокарда”. И, словно в противовес, к красному на голове, поместила белый клин в подхвостье. Эти перья под синей мантией одеяния, что белоснежная сорочка. А еще у нее глаза красноватые, в оправе цветных век, похожих на оранжевые очки. По одной выкройке, в темном варианте, но также с красноватым клювом и светлой “лысиной”, белым лоскутом в нижней части хвоста, “сшита” “наша” водяная курочка или камышница, но раза в три она меньше султанки. Повадки почти те же: ставит также торчком короткий хвост, приспуская концы крыльев. Белое пятно, видимо, как у некоторых животных, служит опознавательным знаком – сигнальный “огонь” – заметный даже в плотных, сумеречных зарослях.

Султанка

Населяет султанка стоячие водоемы Южной Азии, Сирии и Палестины, Индии, Бирмы; гнездится на южном и западном побережье Каспийского моря, в низовьях Волги. Неожиданные встречи есть и на территории Казахстана: на Мангышлаке и северных берегах Каспийского моря, в Северном Казахстане – в устье реки Урал и на одном из степных озер Наурзумского заповедника. Более неожиданные встречи удивляют из Восточного Казахстана: их видели в устьях алтайских рек – Курчум, у горла Белого Иртыша, вытекающего из озера Зайсан и в устье реки Кальджир, впадающий в Черный Иртыш около Зайсана. Последние находки специалисты считают сомнительными. Но, заметим: такую крупную и яркую птицу, встреченную орнитологами прошлых лет, нельзя спутать с другой, как считают с камышницей. Сомневаться по прошествии времени можно во всем, особенно если касается это распространения и численности животных в прошлом.

Имея краски и блеск “елочной игрушки”, султанка должна бы фарсить экстравагантной внешностью, элегантно походкой, она же затворница. Скрытная по характеру, старается как можно меньше показываться, поэтому не часто оставляет густые заросли. Места обитания – береговая и болотистая растительность, наложили своей отпечаток: тело ее чуть сплющено с боков, чтобы легче было протискиваться сквозь тростник и рогоз. Кстати говоря, меньше показываться на глаза, черта, надо сказать, у всех пастушковых птиц в крови.

Во время ходьбы султанка шагает широко с расчетом, что длинные лапы и пальцы найдут опору в виде плавающего листа, стебелька или растительного мусора, какой обычен на болотах. Если она пересекает водный плес, прибегает к помощи крыльев и стремительно перебегает эти места. Но вода ее стихия – она охотно плавает и купается. В полете, что удается редко видеть, тяжела, неуклюжая и, мало надеясь на собственные крылья, торопится поскорее сесть. Но как она красива в это время: сияние ее перьев, буквально, ошарашивает и в памяти надолго остается крупная синяя птица, с вытянутыми назад карминово-красными лапами и кумачовой звездой на лбу. Султанка ходит размерами и окраской на новозеландскую бескрылую султанку такахо – нелетающую, являющуюся эндемиком Новой Зеландии, ставшей чрезвычайно редкой.

Клюв у нашей героини крепкий. Кормится она стеблями и семенами водных и около водных растений и легко перегрызает стебли молодого камыша, корневища. Корм берет в лапу и зажав пальцами, откусывает кусочки и проглатывает. Когда появляются птенцы, родители охотно разоряют гнезда птиц. Охотятся даже за мелкими птицами размером с воробья на водопоях. Охотно поедают насекомых, моллюсков, рыбу, ловят лягушек, а при случае подкараулит и поймает мышь. Достаточно ее удара клювом и жертва “готова”. В Южной Азии и Индии кормиться выходит на хлебные, рисовые или кукурузные поля.

Для устройства гнезд избирает сухие места – кочки, заломы камыша. Это должны быть глухие, мало доступные места. В кладке бывает 3–9 яиц зеленовато-охристой окраски со светло-бурыми пятнами. Самец тоже принимает участие в насиживании и воспитании птенцов. У султанки, как кажется, нет перьев, а шелковистое одеяние отливающее синие-зелеными цветами и оттенками.

Как только речь идет о ярких птицах тропиков, перед глазами моими – незабываемая картина: стайки султанок из 7–12 особей, пасущиеся на плесах заросших водными гиацинтами в национальном парке Северной Индии – Бхаратпур. Птицы держались кланами, не смешиваясь с другими семейными компаниями. Время от времени, они выходили на открытые места и не спеша, отгрызали сочные стебли, удерживая их в лапах, и также не торопливо откусывали кусочки и проглатывали. При появления опасности пернатых хищников, султанки исчезали в зарослях, и, спустя несколько минут появлялись снова удивляя игрой блистающих красок. Несмотря на обилие других тропических, ярко окрашенных птиц вокруг, султанки оставили неизгладимое впечатление своей необычной окраской. Я взял бинокль и чтобы лучше рассмотреть, навел на ближнюю, отдыхающую птицу.казалось она только что выкупалась в масле: на шее и боках у нее синими звездами вспыхивали отраженные от воды лучики. Но вот, завидев пролетающего в небе орла, она вскинула голову, шагнув замерла: ее отражение синими зелеными кругами разбегалось на сломанном зеркале воды. Еще миг и птица исчезла в зарослях. Краски на воде потухли и только плавающие гиацинты лениво покачивались на воде – сказка исчезла.

Султанок, по сведениям Альфрэда Брэма, древние римляне содержали для украшения вблизи священных храмов, где они находились под защитой богов. Птицы хорошо привыкают к человеку, подолгу живут, иногда вместе с курами довольствуясь разной пищей; они подходили к столу, выпрашивая угощения. Не случайно, видимо, они названы султанками – их содержали во дворах с павлинами и другими экзотическими птицами, ради украшения, султаны и шахи.

А что касается разорванных звеньев составляющих кольцевой ареал их былого пребывания в Казахстане, его, вероятно рассматривать следует как кольцо былого обитания в береговой части тысячи лет назад исчезнувших морей и озер, покрывающих центральные части Казахстана, Средней Азии и Казахстана.

Султанка – исчезающий вид. Замерзание водоемов, браконьерство, выжигание озерных и дельтовых зарослей, беспокойство и сокращение мест обитания, угодий за счет сенокосения и другие факторы – все это негативно отразилось на численности и былом распространении ее.

ЛЕСНОЙ ПОЯС

Как мы знаем Казахстан – страна степей, пустынь. Занимают они более 90 % общей его площади. Но эта страна еще и замечательных гор средних и южных широт. Ее можно считать также краем разнолесья. Большая часть лесных территорий представленных мелколиственными, смешанными и темнохвойными лесами сосредоточена в горных районах Алтая, Саура и Тянь-Шаня. Распространение получили и сосновые боры в Прииртышье, Наурзумских степях, и в горных группах – Кокчетау, Каркаралы, Баян-Аул. Некоторая лесистость присуща и Северному Казахстану, именуемая как лесостепь. Вдоль степных речек и в зоне пустынь обычны своеобразные, часто трудно проходимые мелколиственные леса, называемые – тугай. Контрасты природно-климатических условий нашли отражение в резком и плавном слиянии степей в лесов – смешанных, таежных и темнохвойных горных лесов на Алтае и Тянь-Шане. Местами эти переходы бывают несколько неожиданными: буквально через несколько шагов “исчезает” над головой степное солнце, и видишь его уже сквозь ветви сосен, берёз или кедр.

Основу лесного пояса лиственных пород составляют – берёза, осина, тополя из темнохвойных – пихта, ель, кедр (сосна сибирская), лиственница,

Горное озеро

Горные леса Алтая

занимающие в Казахстанской части Алтая высотные пределы от 700 и до 2400 м, а на Тянь-Шане от 1300 до 2800 м над уровнем моря. Юго-Западным или Казахстанским Алтаем, проходит жизненная граница распространения, например, таких деревьев как кедр и ель обыкновенная, а в горах хребта Саур – у лиственницы и у ели тяньшаньской или ели Шренка – граница северная.

У предела верхней границы леса, форма деревьев заметно меняется: они низкорослы с искривлёнными стволами и по мере повышения местности переходят в стланики. Летом здесь обычны низкие температуры, дуют холодные ветры, случаются снегопады. Деревья, волей – неволей, на больших горных вершинах уступают жизненное пространство альпийским лугам.

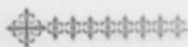
В лесном поясе богато представлены кустарники и разнотравье. Среди трав много лекарственных, кормовых и декоративных. Несмотря на обильные вырубку лесов, кое-где еще сохранились дикие уголки. Надо заметить, что в наше время безлюдье – экзотическая достопримечательность природы.

Синеватая дымка над хребтами, глубокие долины с извивами горных рек и ручьёв, ущелья наполненные шумом стремительных вод, горному краю

Кедровое озеро Западно-Алтайского заповедника

Край "Беловодья"

Осенние краски горных лесов

придают особую прелесть и определенную неповторимость. Очаровывают отвесные скалы и утесы, остроносые пики и небольшие озёра и, конечно, необыкновенно красочное разнотравье. Достаточно хоть раз побывать на лесистых хребтах, чтобы оценить сполна красоту и величие горных лесов.

Поразительно красивы леса в часы закатов или на восходе солнца: густосиними или чернильно-черными лентами тонут и растворяются в лиловой дымке. В это время обычно на сотни метров слышны голоса певчих дроздов, далеко слышны печальные посвисты соловьев алтайского – красношейки или в горах Тянь-Шаня соловья – черногрудой красношейки, либо вдоль горных рек текущих ущельями, птицы из сказки – синего дрозда или синей птицы.

Особая красота приходит в леса в сентябре, когда ночами начинают резвиться заморозки: деревья перекрашиваются буквально за одну ночь: леса загораются и светятся многоцветьем. Пылающие желтыми и бордовыми факелами стоят в темнохвойных массивах – осины, бордово-красными становятся рябины и черемушники, шиповники. Накинув бледно-зеленые шали о чем-то шепчутся толпы берез, золотом светятся ажурные кроны лиственницы сибирской.

Для тайги на Алтае характерно буйное южно-сибирское высокотравье: у верхней границы лесов настолько высокие травы, что с головой скрывают даже всадника.

Особенно красочными смешанные горно-таежные леса становятся осенью, когда вершины гор покрываются первыми снегами, леса становятся “цветными”: Лиственные деревья перекрашиваются в разные цвета и оттенки, в то время как темнохвойные наливаются чернотой.

Такова, примерно и картина еловников горной цепи Тянь-Шаня. Прерывистой темной полосой обрамляют ельники подола скалистых пиков, между которыми впадины и щели завалены вечным снегом и льдом. Леса на склонах разорваны на массивы: темными гривами вверх тянутся густые ельники, которые к границе альпийских лугов, как усталые путники, преодолевшие трудный подъем к вершинам, выходят небольшими толпами или одиночками. В средней части лесов обычны осиновые перелески и всюду здесь выступают скалы и широкими полями спускаются вниз серые осыпи. Выше верхолесья луговая растительность еще более пышная и красочная.

Осенние леса Алтая

В нижнем поясе гор, где сохранились еще остатки прежних лесов по склонам и щелям обычны пышные заросли шиповника, барбариса, облепихи, кое-где встречаются островки дикой яблони, абрикоса, рябины, боярышника. По склонам, где преобладает степная растительность, особенно весной, покрыты цветущими крокусами, различными ирисами и тюльпанами. На Тянь-Шане имеется ряд красивейших озер, стесненных крутыми склонами лесистых гор.

Фауна горных лесов бедна земноводными и пресмыкающимися. Объясняется это суровым климатом гор. На значительных высотах – у верхней границы лесов даже летом случаются снегопады и теплолюбивым животным выжить в таких условиях не только сложно, но и невозможно. Однако птиц здесь достаточно много. Здесь встречаются – тетерев, самый крупный наш голубь – вяхирь, большая горлица, клест-еловик и достойные восхищения экзотические виды птиц как: арчовый дубонос, большая чечевица, королевский вьюрок, расписная синица, черногрудая красношейка и ряд других не менее интересных птиц, выходцы из более южных широт Евразии. У верхней границы лесов, среди голых россыпей около озер поселяется чрезвычайно редкий и исчезающий вид куличинного племени – серпоклюв.

В лесах Алтая из земноводных встречаются – остромордая лягушка и изредка – серая жаба, из пресмыкающихся – живородящая и пряткая ящерицы, обыкновенная гадюка, уж и узорчатый полоз. А вот в Джунгарском Ала-Тау живет уникальный эндемик нашей фауны – тритон или сибирский лягушкозуб.

Фауна птиц алтайской тайги значительно богаче: в таёжных уголках водятся еще глухари, рябчики, несколько видов дятлов и синиц, дроздов, и многих других таёжных видов, свойственных тайге Сибири и лесам Европы – синицы, поползни, некоторые из вьюрковых – клест – еловик, алтайский шур, вьюрок, обыкновенный и серый снегири и другие виды. На Алтае также гнездятся сибирские виды как – сибирская мухоловка и певчий сверчок, сибирская чечевица, соловей – красношейка. Здесь же бок о бок живут кулики – бекас – отшельник или горный дупель, азиатский бекас, лесной дупель, вальдшнеп и “просто” бекас – выходцы из европейских и сибирских лесов и один вид с горных цепей Центральной Азии. Но вот чтобы все сразу, в одном

Хвойный лес

Сосновые боры

месте сибиряки, европейцы, горные азиаты, неизвестно другого географического пункта даже на всем континенте. Это явление уникально.

Фауна млекопитающих горных лесов составляет, в среднем, 50–60 видов. Большая часть их выходцев из лесов Сибири, Европы, Средней и Центральной Азии. В таёжных лесах – хозяин бурый медведь, на Тянь-Шане – белоготный или тяньшанский. В лесах сохранились и копытные как: марал, лось, косуля, кабарга, дикий кабан. Из хищников – волк, рысь, соболь, россомаха, солонгой, колонок, речная выдра, европейская норка. Из грызунов – белка, летяга, бурундук и многие мышевидные грызуны.

В лесной части гор много рек и ручьев, много озер и довольно крупных. Благодаря рекам и озерам, фауна обогащается животными, в той или иной степени связанных с водой и прибрежными зарослями. Здесь из млекопитающих обитают в лесной зоне два подвида выдры – выдра и выдра персидская, также акклиматизированная норка американская.

Вода в горных озерах необыкновенно прозрачна: дно просматривается в глубину до 4–5 м и более.

Лесной пояс охватывает хребет Саур (вершина Муз-Тау, 3800 м.), расположенный в сухостепной зоне. Склоны хребта покрывают массивы лиственницы сибирской. Здесь проходит часть её южной граница в Азии. В лиственничниках, к которым примыкают осиновые леса, развит пышный травостой.

Таким образом, лесной пояс не представляется здесь непрерывным полотном, покрывающим горные хребты. Он отдельными массивами подходит и граничит с совершенно безлесными, а подчас и абсолютно голыми, едва прикрытыми травкой, каменистыми склонами.

В отличие от алтайской, фауна лесов Саура включает некоторых зверей и птиц, свойственных хребтам, расположенным южнее к Джунгарским и Заилийским Алатау. С древесно-кустарниковыми зарослями связаны здесь упомянутые уже арчëвая чечевица, арчëвый дубонос, королевский юрок, крапивник и ряд других видов, которых на Алтае нет.

Сосновые боры во многом отличаются от таёжных лесов, и особенно составом фауны и флоры.

Сосновые боры Прииртышья на песчаных барханах

В Калбинском нагорье, в левобережной части Иртыша, есть ряд сосновых боров произрастающих среди гранитных массивов. Похожими являются боры также в гранитных островах Кокчетау, Каркаралы, Баян-Аул... Эти леса в сочетании с гранитами необыкновенно живописны. Сосны и хаос серых гранитных глыб с башнями, козырьками и ступенями, создают ландшафты особой красоты и уюта. Зеленые долины скальных вершин с ручьями, речками и озерами с ковыльным разнотравьем – неповторимы.

Для боров лесообразующими являются: берёза, осина, черёмуха, заросли кустарников и цветистое разнотравье. В число этих формаций входят также реликтовые исчезнувших в минувшие эпохи растений – вороний глаз, лекарственная купена, мужской щитовник, широколиственная горькуша, а также многие злаки, осоки...

В таких борах гнездятся по выходам скал – каменки плешанки, горные овсянки, по кустарникам – красноухие овсянки. В то же время присутствует и лесные птицы – в дуплах гнезда строят гаички буроголовые, большие синицы, поползни, ночами же слышны голоса лесных сычей, ушастых сов и сплюшек.

Более чем на 100 км в северо-западной части нашей области протянулась широкая лента Прииртышского песчаного бора, называемого Семипалатинским. Это так называемые “песчаные” боры, которые сыграли немалую роль в расселении как к югу, так и к северу различных растений и животных, связанных в той или иной степени с лесами.

В этих борах кроме сосны обычны берёзы, осины, черёмуха и злаковое разнотравье; много различных грибов.

Из животных здесь обитают прыткая ящерица, гадюка обыкновенная. Из птиц – наиболее дятел большой пёстрый, желна, пухляк, дрозды, некоторые виды пеночек и славок. Из промысловых – серая куропатка и тетерев по опушкам. В прошлом некоторые боры населяли глухари. Боры всегда молчаливы, светлы и пустоваты...

Из млекопитающих обитают – медведь, рысь, заяц-беляк, белка, лиса, горностай, солонгой, ласка, хорь степной, барсук, косуля. Эпизодически заходят сюда и лоси.

Оставляя лесной пояс в самых разных, порой неожиданных вариациях и сочетаниях, последуем выше к вершинам гор, где “разлиты” красочные альпийские луга и горные тундры, где господствуют россыпи камня с вечными полями снегов и не тающих ледников.

СИМВОЛЫ ВЕСНЫ — ОТОЧЬКИ

Есть растения, с появлением которых наступает настоящий праздник весны и солнца. И это происходит там, где россыпи цветущих огоньков, так их у нас называют, сплошь поджигают золотисто-оранжевым огнем громадные луговины, начиная от предгорий и до самых горных вершин. То же происходит и в лесистых равнинах, на севере Казахстана, где чуть чаще встречаются заболоченные почвы и болота. Даже мрачный обыватель, равнодушный к жизни цветов, заметит ликующее великолепие этой поры. Особенно когда наступает время, зацветает купальница алтайская. Оказавшись на цветущих лугах и полянах испытываешь чувство, когда поет сердце, и жизнь, как кажется, меняется к лучшему. В это время у земли наступает тоже свой праздник. Время это приходит в конце мая, начале июня. И только высоко в горах, у снежников, период цветения их начинается позднее, потому как и весна на горные вершины приходит уже в июне и даже в июле.

Распустившийся цветок купальницы — имея столь прозаичное название, похож на маленькое солнце: головаст, горяч, и каждый лепесток его кружевного одеяния светится и горит огнями всемогущественного ярила.

Купальница алтайская

Есть легенда о купальнице: эльфы в пору ее цветения, в полнолуние, варят эликсир жизни. Они достают округлые золотые сосуды, помещают их на шести над травами, в которых много росы. Под каждым сосудом сидят два эльфа и варят волшебный эликсир. Другие же бродят по ночному лесу в поисках необходимого. А когда луна заглянет в сосуды, там без огня закипает содержимое. На рассвете эльфы разливают его в свои сосуды и уносят. На шести остаются цветы, так похожие на округлые золотые сосуды. И если рано заглянуть в цветок, как гласит легенда, там можно увидеть еще спящего эльфа.

Растет купальница по лесным болотам, на сырых луговинах, по опушкам, часто в кругу берез Казахстанской части Алтая. Лужайки их освещают солнечными огоньками сумрачные пихтачи и кедровники, выходят на альпийские луга и горные тундры. Они обычны во владениях снежных полей, где властвует студеное дыхание снегов, а ночами резвятся заморозки. Встречается по заболоченным низинам Калбинских гор, также в пределах империи северной части степного Казахстана. Если на Алтае купальница, госпожа весеннего времени, в Калбе и степных районах, – жалкая падчерица... Потому в горной части она занимает часто большие территории, образуя неопишуемой красоты россыпи. Цветов бывает так много, что если смотреть на них, присев чуть, их головки сливаются в сплошные разливы золотисто-оранжевых огней. Их так много, что смотреть опасно – того и гляди глаза опалишь.

Но у красоты всегда есть враги, и прежде всего – человек. Свечение покрытых цветущей купальницей лужаек, жизнерадостность в отдельности каждого цветка, словно магнитом, притягивают взор и тянутся руки к ним – руки “любителей” красоты. Тащат их с лугов охапками, снопами, набивая блузки, куртки, платки. Нам почему-то нельзя брать мало; не приучены брать букетики, они такие красивые и всегда нам “нужен воз”, не меньше...

Купальница всеми любимый цветок на Алтае. Дали ему здесь еще одно название – “огоньки”, “жарки”. Все правильно, так и есть. Где их много, в их дружном цветении буквально пламенеют оранжевым долины, лужайки, опушки... Особенно прекрасны лужайки их около снежников, где с ним соседствует золотой корень или радиола розовая. Выходит она в заросли

карликовых – березки и полярной ивы, пришедших на вершины хребтов в период глобального “ледохода” по суше.

Огоньки – солдаты весны: они смело шагают за отступающими пятнами снегов, “сжигая” жарким огнем снега. День ото дня, они наступают, сжимая пятна снега горячими кольцами, испепеляя и расчищая дорогу грядущему лету накрывшему Алтай. Таков путь весны у горных вершин, приметы ее, когда она у порога летних чертогов.

Купальница принадлежит широко известному и распространенному семейству лютиковых. В названии сокрыты их свойства – ядовиты они “лютые”; не поедаются животными. В горах Джунгарского Ала-Тау и на Тянь-Шане растет отличный от алтайской купальницы – купальница джунгарская. Отличия, в основном, сводятся к тому, что от алтайской у нее не томно-коричневый, а желтоватой глазок из тычинок.

Растение многолетнее. Каждый лепесток цветка, что капля солнца – прикоснись и только “обожжешься”, однако цветы их доверчиво смотрят карими глазками пыльников и тычинок прямо в душу. Они, как кажется, сами тянутся к человеку, очаровывая удивительной красотой. Вот и причина, когда наши руки тоже сами к ним, не ведая пощады. В этом и заключается суть всех бед каждого цветка, который может тоже как генциана крупноцветковая, претендовать на символ цветов Алтая. Поэтому, ежегодно, несмотря на заперт, их выпластывают гектарами. Тончают кольца их у снегов, – там тоже постоянно бывают люди. Однако, больше всего в угрожающем состоянии находятся они в горных долинах Калбы и в других степных районах республики. Более всего они доступны там, где проходят дороги или бывшие луга сырые, заняты теперь культурными полями и постоянно посещаемы “любителями” полевых цветов.

Хочется сказать: люди, остановитесь! Не “обжигайте” рук исчезающих растений. Не ослепляйте красоту природы. Они принадлежат всем нам. С исчезновением “жарков” время весны упростится, станет на земле нашей скучнее. Задумайтесь: есть ли необходимость гасить маленькое, живое солнце, такое беззащитное?

Красная книга – важно! Но решение каждого из нас: сорвать или?, куда важнее. Остается все тот же риторический вопрос: “Быть или не быть, прекрасному вокруг нас?”..

ПЛАНЦУЮЩИЙ ЦВЕТОК "СВАРЛИВОЙ БАБЫ"

Водосбор железистый – один из наиболее заметных и красивых растений Алтая. Широко распространен в зоне альпийских и субальпийских лугов, где кончаются последние кедры, лиственницы, пихты и тянь-шаньские ели от Алтая до Заилийского Ала-Тау. И, словно вырвавшиеся к свету из подземных темниц, разбегаются по лужайкам и косогорам, немало удивленные красотой и величием горных вершин. Очарованные красотой гор они табунками останавливаются, дружно повернувшись в сторону солнца..

Растение из семейства, как и купальница, из семейства лютиковых: многолетние, с коротким утолщенным корневищем. Стебель растения тонкий, до 30–50 см высотой и ветвистый у вершины.

С середины июня, когда от снега открываются поляны горных лугов, на длинных и тонких цветоножках водосборов открывается еще одно чудо весны. Спящие, не раскрытые цветки походят на сине-голубых бабочек с заостренными крыльями. Они будто обессиленные, висят на стебельках, сложив устало крылышки. Такие, глядя на ночь они и такие же во время затянувшегося ненастья. Но вот показалось солнце и "бабочки" распахивают чудесные крылья; на каждом стебельке – сидят ушастые, трехцветные колокольчики. Описать сложный цветок водосбора не просто: наружные лепестки у него синие и голубые, в середине же – белоснежный венчик, опушенный ярко-желтыми ресничками тычинок и пестиков, образующих желтый глазок. На донце сложного цветка торчит длинный шпорец – похожий на птичий носик. Каждый цветок весь день смотрит влюблено, как замороженный, на "его" солнце. Рассказывать о тычинках, лепестках, пестиках, – все не то, дело это не благодарное – исчезнут красота, испортить можно впечатление словесным "мусором". Свежесть красок цветка – нужно видеть!

Он – отраженная красота гор! Не часты растения когда в цветке – три цвета: два – холодных, как горные небеса и один теплый, как чистое солнце над горными вершинами. Не зря его в народе называют – “троецветка”. И это не просто – триколор; в нем сокрыты главные символы; цвета его созвучны вечным снегам, синеватым хребтам и Батюшко-Ярилу.

Листья темно-зеленые с тремя веерообразными дольками. После, на месте цветка образуется “коробочка” или сборная листовка.

Водосборы сплошными коврами одевают каменистые склоны, лужайки, впадины, и со стороны видятся большими синими пятнами. И сколько б их ни было на поляне – сотни и сотни тысяч, они все, как один заворожено смотрят на солнце. Стоит зайти со стороны светила, и в сердце твое глянут неисчислимы невинные создания. И кажется, это не цветы, а чьи-то печальные лица, подвязанные синими платочками, с острыми концами. Поэтому, цветки воспринимаются комичными, ушастыми.

Есть у них исключительная особенность: представьте сине-белый ситец на горном склоне. На его полотне каждый цветок, тупо, но нежно смотрит куда-то в пространство, к чему-то прислушивается. От окружения такой публики иногда становится не по себе: ну-ка столько глаз и все на тебя! Но вот, ни с того, ни с сего какой-нибудь из них вдруг закачался, заходил, затряс головкой... И с каждым мгновением больше и больше он убыстряет движения... Наконец, по-настоящему на своем месте “пляшет”. Закончит один, а в стороне уж другой гопака дает и так постоянно. Другие, в это время, в одной толпе, стоят плечом к плечу, тихо, спокойно, не колыхнутся... И так день-деньской пляшут и пляшут, по-одиночке, удивленно и безмозгло на них смотрят соседи. Если б был я Фишером, давший им название, то назвал бы их не водосборами, а “Танцующими цветами”.

У французов, есть легенда, не романтическая, правда, но поучительная. Легенда рассказывает о том, как в деревушке жила очень сварливая женщина. Не выдержал ее скандалов муж, однажды решил расстаться с ворчуньей. Испугалась женщина, к людям – за советом. Ей и сказали: отварить цветы водосбора и, как только появится желание поворчать, – набрать в рот отвара и держать, пока желание поучать мужа не исчезнет. Женщина последовала

совету: с тех пор в доме – любовь, да дружба установились. А французы с тех пор называют водосбор – “цветком сварливой бабы”.

Водосбор железистый или аквилегия, в 60 и 70-х годах прошлого века встречалась более широко, покрывая местами сплошь горные склоны, названных горных хребтов и были они обычны недалеко от населенных пунктов. Теперь нет его у городов и сел. “Сварливых” и не сварливых, стало больше чем цветов... За красоту растение и страдает. Как многие красиво цветущие растения, водосбор ушел подальше от черты городов и сохранился у горных, трудно доступных вершин. Как пион и адонис он оказался в числе передовых, за которыми гоняются любители живой красоты. У водосбора появилась защита, он занял надежное место, где ничего не грозит ему. Это, к сожалению, не поля, не горные склоны, а всего лишь страницы Красной книги, которые мало кто даже читает. Но водосбор ох-ра-ня-ет-ся!

СВИДЕТЕЛЬ НЕИЗВЕДАЧНОГО

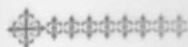
К числу животных, чья история расселения на Земле покрыта мраком тысячелетий, из числа трех видов, обитающих в Центральной и Восточной Азии относится и наш очередной герой очерка. Все три вида этих животных имеют очень узкое распространение и, уже по этой причине численность их не столь велика. Только это уже – основание необходимости их сохранения, как памятников допотопных эпох. На земле Казахстана, в красивом горном краю Семиречья, в горном массиве, связующим как звено хребты Саур-Тарбагатайских гор с Заилийским Тянь-Шанем, воздвигнутым силами Плутона, и обращенным северной стороной к знойным пустыням Южного Прибалхашья, простирается почти с широтной ориентацией Джунгарский Алатау. Западные, восточные, северные отроги его с трех сторон окружены пустынями и полупустынями. Северные склоны хребта обращены к Балхашу и Алакольской котловине, к Приилийским пустыням, а на востоке – они заходят на территорию Китая к пустыне у озера Эби-Нур. От головной его восточной части, в восточном направлении отходит от него хребет Хороборо.

С Джунгарского хребта на нашу территорию стекают многочисленные ручьи и речки, несущие воды в Балхаш – на просторы чудесного Семиречья.

Семиреченский лягушкозуб

Благодатный край, овеянный легендами, известный с развитием древних культур старой Азии, знаменитым Великим Шелковым путем, чудными садами, мягким климатом и богатейшей флорой и фауной. Если посмотреть на карту, становится очевидным расстояние, простирающееся от Джунгарии до Сибири почти в тысячу километров и эта земля до белизны выгоревшая от солнца, на которой находятся полупустыни Призайсанья и Приалаколья. А сам хребет, как бы далеко не был от болотистых равнин таежной Сибири, оказывается, связан с ними. Доказательством этой связи является незаметный и примитивный свидетель из рода лягушкозубых земноводных – семиреченский лягушкозуб или семиреченский тритон. А причем здесь Сибирь? А дело в том, что близкие родственники его – тритон сибирский, обживший громадные территории – от Восточной Европы до берегов Тихого Океана, проживет на этих просторах. Найден он и в северных участках Алтая. Если проследовать историческими путями, то предположить можно, как в давние – предавние времена, точно ни кто не знает когда, но казахстанские просторы были скрыты толщами великого средиземного моря – Тэтис. В его юго- западной части выходили на поверхность островами горные хребты Алтая, Саура, Тарбагатая, Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня. Вот тогда, по видимому, это крайнее примитивное существо, населяло береговые пресные воды громадного водного бассейна в Сибири и за сотни и тысячи лет медленно расселилось к югу. И вот, избрав горные речки с холодной, горной водой, поселилось и там. Снова потекли тысячелетия: исчез Тэтис, в небытие ушли и другие водоемы где обитали тритоны. И только на одном из этих островов, в пределах 1800–2500 м в Джунгарском Алатау, где не наблюдалось критически отрицательных изменений он и живет в наши дни.

Места его обитания здесь – верховья речек с родниками. Гипотеза его исторического расселения очень относительна, потому что были ведь еще эпохи оледенения, и, возможно, с началом их тритон, отступая с севера, дошел до этих мест. Возможно, все таки и было, а возможно только с точностью все наоборот... Никто этой интересной истории не знает.

И так в Джунгарском Алатау, на удивление обнаружено замечательное существо – свидетель загадочных обстоятельств, обжил небольшой островной ареал. Найдя здесь благодатные для себя условия он “подрос” –

стал больше всех остальных сородичей, но во всем остальном мало чем отличается от собрата своего – сибирского тритона. Кстати говоря, у семиреченского латинское название: тритон сибирский – *Ranodon sibirius*. Пережив тысячелетия в географической изоляции от сородичей в Сибири, семиреченский изменился: он больше сибирских собратьев и достигает длины с хвостом почти четверть метра.

Но как исконный сибиряк он сохранил тягу к прохладным водоемам, поэтому живет на ручьях и речках с быстрым горным течением, но с обязательными, хотя бы мелкими омутками, забочками и другими местами, где он мог бы укрыться от подводных “сквозняков”, то есть – бурного течения. В 60-х годах прошлого века, занимаясь изучением фауны позвоночных животных на Алтае, Сауре, Тарбагатае, у нас теплились надежды встретить в этих горах тритона. И действительно, почему бы не быть, если есть он в соседних территориях? Но увы, его, в этом географическом промежутке, видимо, нет. Поэтому еще большее удивление вызывает присутствие его в Джунгарском Алатау, более отдаленного от сибирских и алтайских мест обитания сибирских тритонов.

Конкретно семиреченский найден в бассейнах среднего течения рек – Коксу, Коре, Чиже, Белакты, Чимбулак, по речке Текелинке. Находясь в поясе лесов, он обосновался в широких и отлогих долинах. Его дом – каменистые ручьевые потоки, берега которых обросли мхом и кочками. Вся жизнь “оголтелого” и скользкого существа строго ограничена условиями, устраивающими во всех его потребностях. Это прежде всего – температура воды, которая должна находиться в пределах от 6 до 19 градусов по С. Выше же, при 24–26 градусов лягушкозуб может погибнуть. Такие же требования к воде предъявляет и обыкновенный тритон. Более того, обыкновенный тритон заползает в глубокие щели и, оказавшись по воле случая в вечной мерзлоте, может “проспать” не одно тысячелетие и при удобном случае проснуться и продолжать, как ни в чем не бывало жить, как прежде.

При встрече с лягушкозубом, достаточно взглянуть на его сравнительно крупные и выпуклые глаза, выступающих подобно фарам у автомобиля на округлой головке, чтобы догадаться, что ведет он сумеречный и ночной образ жизни. Мало того глаза его выполняют и другую роль, как скажем у

лягушки или жабы – с помощью их он проталкивает в глотку пищу. Поэтому и выражение у него на “морде” абсолютной, классической тупости. Да и какое быть оно должно, если глаза выполняют еще и роль языка. Словно грешник с темной душой, он избегает дневного света, боится особенно прямых солнечных лучей; его душа – потемки, гонит его в тень камней, под кочки, нависшие берега или зарывается он в подушки мхов.

После зимней спячки, которую проводит в укрытиях или на дне незамерзающих ручьев, уже с середины апреля, в начале мая в слизневых мешочках образующиеся у самок, находятся мешочки с икринками в которых бывает примерно 20–25 икринок. Эти мешочки самки заботливо прикрепляют к подводным камешкам. Потоки воды богатые кислородом омывают их. Это очень важно для развития будущих личинок. А они – личинки, появившись, падают поскорее, чтобы не унесло, и дышат в воде по-рыбьи – жабрами. Только через три года они становятся тритонам и выходят на сушу. Три года под водой, и первые шаги по земле отражают, по сути, эволюционный путь их, занявший многие миллионы лет. Поэтому первые шаги по земле – великая победа этого существа чтобы потом появившийся человек его назвал земноводным.

Но тритоны, несмотря что также миллионы лет назад стали земноводными, так и остаются ими и в это определение вложен большой смысл: они не могут без воды и без воздуха. Отсюда и название этого класса – земноводные ил амфибии.

Пищей служат им личинки всевозможных водных насекомых, бокоплав, червяки...

С началом осени в Джунгарском Алатау, когда желтые листья с осин и берез падают в горные потоки, золотом наливаются близкие альпийские луга и ели Тянь-Шаня темнеют, промерзает и земля: твердея как асфальт, но тритонам все не почем. Они снова убеждают, что предки их жили в Сибири: они в это время начинают поиск мест зимовки: из одного места переползают в другое, подыскивая подходящее место, где укрывшись проспят до следующей весны.

Вот так у Джунгарского Алатау есть свой исторический выкормыш, и он в праве гордиться этим. Другого такого больше на земле нет ни где, а это

значит тритон — эндемик. А название — то какое! Лягушкозуб, да еще из Семиречья!.

В связи с очень небольшой территорией, то есть ограниченным ареалом, тритон вселяет тревогу на будущее. По причине непредвиденных негативных явлений он может быстро вообще исчезнуть и тогда погаснет еще один огонек, зажженный миллионы лет назад. Угроза эта с появлением человека его хозяйственной и бесхозяйственной деятельности, с повышением интереса к этому редкому животному различных любителей — коллекционеров настораживает: в отдельные годы численность их заметно сокращается, но потом, слава Богу, восстанавливается. Несомненно, что верховья названных речек — места их обитания, должны охраняться. Возможен для гарантии их выживания на планете и другой путь — искусственное расселение по подходящим местам на Тянь-Шане.

И СЕРАЯ, И МУДРАЯ

Из кагорты тех, кто способен жить на суше и в воде, покажется неправильным, назвать именно это благородное животное – одним из красивейших. Если б, провести конкурс красоты среди земноводных наших широт – лягушек, тритонов и жаб, то все они достойны занять свое, особое, место на пьедестале красоты. Но первого места на этом конкурсе ни кому не уступит обычная серая жаба. По ходу разговора несколько я увлекся и назвал ее “обычной”, однако, увы – она жаба последние два-три десятилетия почти всюду стала редкой, а местами оказалась на грани исчезновения и даже многие бывшие места ее проживания, лишились ее. Жаль, конечно, если ее не станет на наших лугах, в садах и лесах. Так что определение “обычная” уже не про нее.

Облик ее – прямое олицетворение мудрости, и, видимо, потому, что во взоре ее крупных выпученных глаз, есть нечто от кошачьих и сов. Не зря же облик совы взяла мифологическая богиня, символизирующая мудрость – МЕНЕРВА. Так что и жаба в кругу бесхвостых сородичей, в полной мере имеет все данные претендовать на символ мудрости и умеренности..

Если пристальнее присмотримся к ней, оценим ее взгляд, манеры и поведение, то сразу же отпадут всякие сомнения в том, что перед нами не просто амфибия или существо земноводное, а настоящая царственная особа. Посмотрите только как она важно с достоинством, исполненная величия, как свойственно августейшим особам, ходит. Люди подчиняют себя правилам этикета, воспитанием, либо это связано с положением в обществе, их обязывающему. А вот у нее “рабоче – крестьянской” серой жабы все просто и естественно. И хотя ни каких пансионатов благородных девиц она не проходила, а в движениях плавная, красиво медлительная, и фигура ее исполнена особого величия и достоинства. Устремленный в небесные дали взгляд больших золотистых глаз, в которых тонет дневной свет или когда глаза ее загораются светом ночного сияния, она неотразимая, как лунная королева, прилетевшая на нашу грешную землю с других миров. Как можно не восхититься ее ртом, с разрезом до самых “ушей” и, конечно “лицом”

выражающем полное добродушие и задумчивую, тронутые тонким ароматом, глубокую мечтательность. Проще говоря, выражение глаз у этого существа просто ангельское, не сулящее ни агрессии, ни чего-либо другого чего следовало бы опасаться. Ну и что, если она испугавшись, по-старушечьи горбится, и, приподняв брюхатое туловище, висящее на тонких ножках, медленно уползает, как дама воспитанная, от греха подальше. Бывает, что сильно испугавшись, она выплюнет из себя едкую жидкость, не беда, с кем этого с перепуга не случается. Это один из арсеналов ее самозащиты, а при обороне, когда жизнь на карте, как говорят, все допустимо. Бородавочные наросты на теле – всего лишь железы наполненные тоже ядовитым веществом: куснет ее лисица, волк или собака, то сразу же раскается глубоко и объяснять ее врагам не нужно, что она не съедобна. Она таким образом воспитывает на личном примере, что иди и ни кого не задирай, не трогай, иначе себе дороже выйдет. Так бы и надо в жизни нашей учить наглцов, но жаль – люди не жабы. Да мы не жабы, но сочинители и вруны великие: наговорили на жабу, что мол бородавки от нее и всякая гадость на коже появляется. С другой стороны может это и хорошо – ловить и брать в руки не будут. И не берут, бросить в нее камнем или пустить в ход палку – не боятся. В том и беда этой королевы, что не любят ее недалекие и невежественные люди. Не “переваривают” ее за внешность, но разве есть ее вина в этом? Неполноценным физически людям мы стараемся помочь. Значит внешность ее вовсе не причина чтобы плохо относиться к жабам. А мы: жаба, да и все в слове-то этом заложено нечто отвратительное. А она ко всем своим плюсам, отпущенным ей природой, еще и чрезвычайно полезна: с вечера и до рассвета обходит она свои охотничьи владения, очищая наши сады и огороды от нежелательных насекомых, червей, слизней. Поэтому жаба – самый распрекрасный и самый желательный гость на наших земельных участках. Во всем помогает садовнику и огороднику и ни какого вознаграждения не требует. Не ангельская ли душа? Нужна она и лесу, и полю и всякой лужице около которой собираются эти вредители. Мы должны только приветствовать появление этих особ у себя на усадьбе. Во все не грешно, если при встрече с ней, что бывает не часто, поздороваться: мол, “Здравствуйте, госпожа жаба, рады очень Вас видеть...”

Серая жаба широко распространена от берегов Атлантики до Тихого океана. Однако, Казахстан оказался вне области ее пребывания. Очевидно, что связано это с открытыми и засушливыми его пространствами. Поэтому она захватывает лишь горные части Казахского Алтая, Прииртышье. И встретить ее можно по сырым лугам, около болот, стариц и ручьев и в таежной части, где она придерживается речных долин. А вот ближайшая ее родственница, наоборот – обжила практически всю территорию нашей республики и даже песчаные пустыни, где на день умело зарываясь поглубже в песок, переживает нестерпимый зной. Жабы животные ночные и днем отсыпаются где-либо в укромных, влажных местах – под пнями, корягами, завалами, либо проникают в чужие норы. Открытое солнце не годится для нее. Она помнит, что она земноводное существо и солнце может быстро высушить ее кожу, за чем последует удушье: ведь они дышат еще и кожей, при условии, если она влажная.

С наступлением вечерней прохлады и ночи, златоглазая поклонница лунного света выходит на охоту. Добычей хищнице служат различные черви, насекомые, пауки, слизни, которые на свое горе встречаются на охотничьей тропе.

Подобно каждой благовоспитанной особе, завидев жертву, она осторожно подходит и, прицелившись, выстреливает складным языком, с вырезкой как у буквы “М”. Жертва к языку липнет и жаба втягивает его вместе с жертвой, помогая затолкать ее в глотку с помощью обеих лап. Выглядит это так, если бы мы взяв в рот сосиску, пихали ее целиком и подальше руками с растопыренными пальцами. Ее ротик позволяет это... В работу включаются и глаза: с каждым глотком они уходят в глазницы, помогая проталкивать добычу. Справившись с непростой работой, глаза как пузыри выкатываются и становятся на прежнее место. Все это делает она крайне “изящно”, с “грацией” и ей присущим достоинством. Как только глаза на месте, а живот принял пищу, пополнел лишившись каких-либо признаков талии, приподнявшись на тонких ножках она несет свое пышное тело дальше в поисках новой жертвы.

На станции юннатов в Усть-Каменогорске более года жила серая жаба. Ее бытовые ужимки и особенно “застолья”, когда принимала она дождевых

червей с рук ребят, вызывали искренний смех. Каждый юннат старался угостить “королеву” из своих рук. Но заметим, пищу брала она только тогда, когда она двигалась. “Неподвижное” угощение ее зрением не воспринималось. Добыча должна была шевелиться, тогда она брала ее. Наблюдая ее, ребята полюбили ее очень и не только брали с собой на прогулку, чтобы она походила на воле, но и как котенка прижимали к щекам и даже целовали прямо в “губы”. Это блестящий пример того, что в каждом животном можно увидеть красоту и не только убивать его, а можно и дружить с ним.

Жаба при всей своей медлительности приспособлена для самозащиты: на коже, в “бородавке” имеются железы – баллончики с ядовитым веществом. При встрече с хищником, она горбится, выгибает спину, приподнимается, вот и все что она может. Но если попытается схватить ее змея, хорек или кто еще, пожалеет. Выступивший яд может причинить неприятные ощущения у нападающего. Кто-кто, а хищники знают ее и стараются не трогать, даже если хочется есть. А в отличие от нас, так просто они ради интереса ни кого не убивают.

Вот и подошли мы к самому важному вопросу – почему жаба стала исчезающей? Причины в человеке: лучшие места ее обитания – у речек, чаще заселяются человеком; там же выпасается скот. Но, главное, попадая в поле его зрения она становится жертвой необдуманного поступка, и только из-за того, что к жабам, лягушкам многие испытывают неприязнь, ни чем не оправданную. Кроме того места ее обитания, а это пышные луга, оказались большей частью перепаханными или затопленными. Это, пожалуй, и есть основные причины ее исчезновения. Конечно, жалко будет, если это замечательное животное исчезнет совсем из окружающей нас природы.

КЕДРЫ САЖАЮЩАЯ

По значимости в природе, о которой часто говорим когда речь идет о каком-либо животном, рассуждать “полезная или вредная” в частности о кедровке, не только несправедливо, но и не прилично. Ее просто нельзя сравнить ни с кем. Даже человеку не пришлось сделать для природы столько, чтобы встать на пьедестал почета с ней рядом. Никто не дал столько блага для животного населения таежных лесов, не говоря о человеке, который принес с собой лишь беды, хотя жизнь сибиряков в прошлом и сейчас так или иначе связана с кедровыми лесами.

Кедровка

Принадлежит она знаменитому и вороватому роду неглупых очень, снискавшему не всегда положительный имидж, семейства врановых птиц. Однако, они и есть те самые, о которых больше всего у разных народов сложено сказок, легенд и песен. Однако нигде не сказано, что наши вороны – черная или серая – прекрасные певцы. К примеру, сорока способна выдавать в часы творческого настроения “куплеты”, трогающие душу. С соловьиным пение их, конечно, не сравнимо, но дар божий у них есть – они стараются. А птицы с виду просто скромны, что мы, не ведая этого, есть просто невежды.

Но, поскольку наша героиня кедровка, по характеру птица “базарная”, которую в осенней тайге одну и слышно. Громкие картавые голоса их постоянно слышны то в одном углу леса, то в другом. “Кырр-кырр, кжааа-кжаа...”. Познакомившись с рабочим репертуаром, рассмотрим поближе ее: на темно-шоколадном платье разбросаны симметричные пятна. Словно платье забрызганное известью, как у неряшливой хозяйки с припачканным подолом – на вершине хвоста – широкая, белая канва. А вот плутоватый взгляд, непоседливость и крикливость, наводит на сравнение с уличной гадалкой: которая не стесняясь, на смущаясь ни кого и ни чего, небось осуждений ведет так себя как хочется.

Голоса кедровок слышны осенью по всему лесу. Птицы то и дело проносятся над тайгой, присаживаются на вершины кедров, подергивая крыльями и хвостом, словно старается платье свое подсушить. Никто ей ни судья, ни авторитет – она всегда сама по себе, но не всегда она ведет себя подобным образом, а только в пору созревания кедра, когда наступает уборки урожая: она большой специалист по кедровым орешкам. Другое дело в период размножения – как говорят: ниже травы, тише воды... Скрытная, незаметная... И хотя кедровка живет также в горах Тянь-Шаня, до сих пор гнезда ее никто из исследователей не находил. У наших таежников по этому поводу бытует особое представление: будто бы кедровка рождает единственного птенца на ветке. Там его и выкармливает. “Поэтому гнезд ее никто не находит”.

И вот приходит час, когда уставшая от забот и хлопот садится птица на сук или вершину дерева и, вдохновленная красками осеннего леса, предается лирике: она поет! Поет нежно и чисто, так что трогает за душу. В песне ее – свирель, колокольчики, посвист флейты... “Вот так кедровка!” – удивлялся не раз. Но странно, – нигде о способности петь – ни слова. Жаль, конечно, не заметили ее таланта. Такие вот прагматики мы: не слышим соловьев в собственном саду. Но зато, с другой точки зрения, она, как заготовительница кедровых орехов, осуждается рационалистами. Приговаривалась неоднократно к расстрелу.

Мол много растаскивает орехов, – себе на зиму, нанося тем самым вред лесному хозяйству. Человеку всегда нужно больше. Это его постоянное жизненное кредо. Остальным – то зачем? Права у птиц и зверей на это нет. Но мы-то “все знаем”, – истолковывая любое поведение животных как аргумент выживания. Поэтому, заготовки кедровых орешков связываем – с запасами впрок. Однако, многократно наблюдая ее увлечение, я видел, что с полным “ртом” – кедровка набивает орехами горловой мешок, так что он раздувается словно от зубной боли, – она летит к местам посадки.. Я находил до 60–80 орешков, Пишут что и 160 бывает. С ношей птица летит куда-либо в другое место, например, где не растут кедры – за горные перевалы, Там, медленно прыгая, сует их по одному три-пять и больше: под мох, сучья, палки, камешки, в старые пни, предварительно сделав в почве отверстие. И

так поступает, пока все не посадит. Естественно, ей никогда их не найти, если учесть, что подобные процедуры каждая птица проделывает десятки раз за день. К тому же в Казахстнской части Алтая снега в тайге достигают метровой и большей высоты. Да и кедровки у нас не зимуют, орешки же посажены. Правда, часть их съедают мыши, полевки, бурундуки, находят соболя. Часть всходит, и тогда из бескрылого орешка появляются юные кедрики. Вырастают они нередко даже в тундровом поясе гор, где превращаются в стланик. И так подвластные руслу инстинкта работают веками тысячи птиц.

Что касается памяти на кладовые, она действительна не более чем 10 дней. Вот сколько доводов против одного – что она поедает свои запасы зимой. Так что все леса от берегов Тихого океана, до западных предгорий Алтая, до Северной Монголии и Китая посажены именно кедровкой.

Кедровые леса – особая категория таежной зоны – это бесценный орех. Деревья имеют водоохранное значение для рек. Они – красота и, наконец, – ценнейшая древесина. Так, что кедровка не только должна преследоваться и обсуждаться – “полезная или вредная”, она должна быть почитаема и значиться как выдающейся лесовод – кедровик. При встрече с ней и соболя, и косуля, и хозяин тайги, и бурундук, и белка, глухарь и рябчик, кукушка и сойка, и мышь всякая и сам таежный сибиряк и алтаец, должны шляпу снимать и благодарить: “Спасибо тебе Кедровка!”, “Слава тебе великая труженица!”.

Гнезда устраивает на хвойных деревьях. В кладке – до семи яиц. Заметными они становятся, когда за родителями гоняется ватага вылетевших птенцов. Наблюдать, как взрослая птица кормит оголодавшую ораву, которая кричит, трепещет крыльями, садится на спину и на голову мамаше или папаше – большое удовольствие.

Так что кедровка – одна не только из красивейших наших таежниц, но и одна из знаменитых фигур таежных биоценозов – профессионал по посадкам кедра. И далекие предки кедровок – наших современниц, сотни лет назад посадили все эти леса, оставив “зеленый след”, чтобы кедрами пользовались их правнуки и другие обитатели леса. Поэтому в нашей Красной книге ей должно быть предоставлено одно из самых почетных и заслуженных ей, мест.

ЛАЙЛАЧДСКАЯ, КАМЕЧЧАЯ, БОРОДАЧА...

*Не страшно потерять умение удивлять,
страшнее потерять умение удивляться”.*

Городницкий.

Два столетия прошло с тех пор, как началось изучение птиц Казахстана. За это время были открыты почти все виды, обитающие на его территории. Встреча новых, неизвестных стала почти невозможной. Но время от времени, все-таки орнитологи находят птиц ранее неотмеченных.

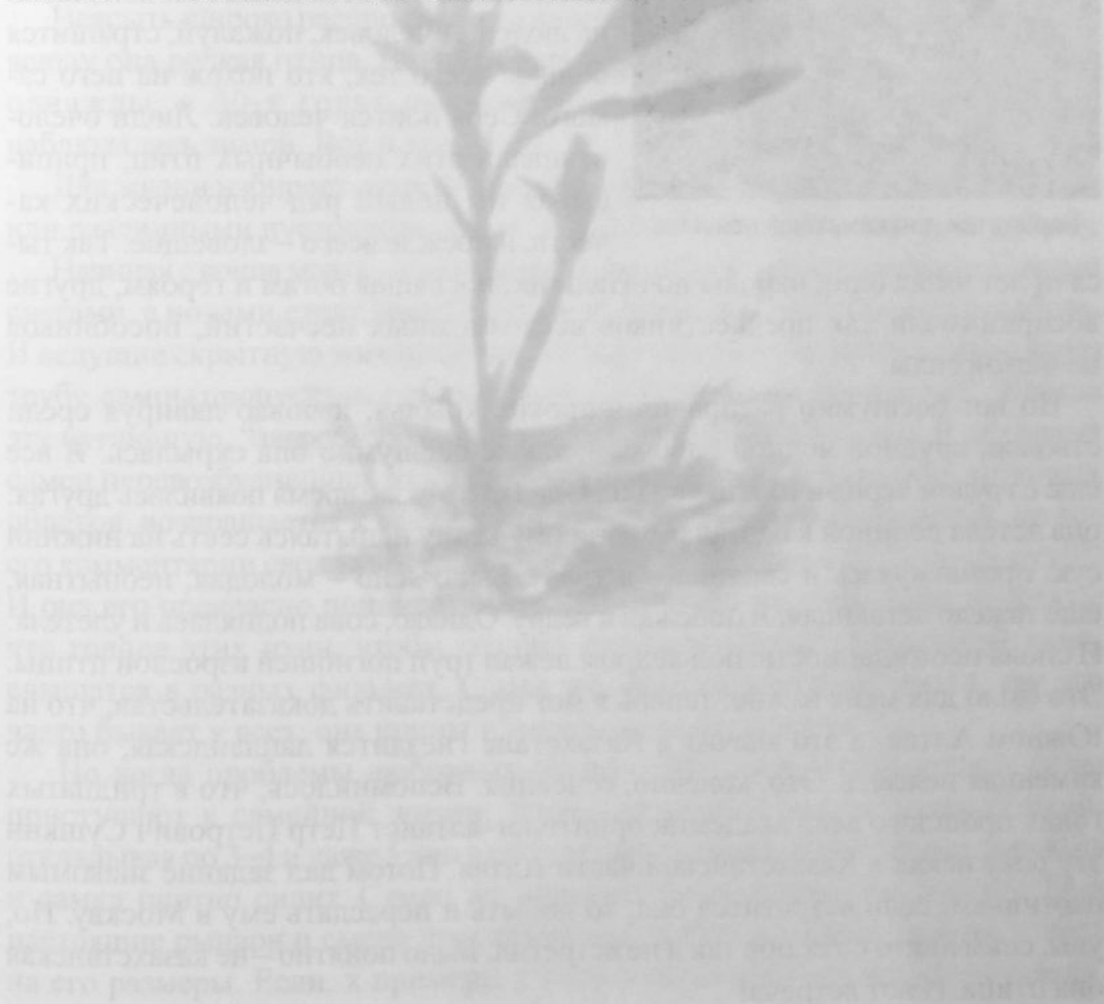
Так было в глубинке гор Южного Алтая. Расположившись недалеко от горы Хрустальной на ночлег, мы вслушивались в монотонно шумящий под дождем лес. И вдруг с ближних кедров, в горной щели, послышались голоса сов. Из живущих в алтайских лесах, таких как: филин, ушастая, болотная ястребиная совы, мохноногий и воробьиный сычи, да еще сплюшки, другие не встречались. Голоса названных сов мне были хорошо знакомы. Но эти я слышал впервые. Ясно было, что просили корм оголодавшие птенцы. Еще по голосам в ненастной ночи угадывалось, что они перелетают с места на место. Быстро одевшись, я вышел из палатки. В непроглядной темноте, все что удалось, так это увидеть в просветах неба среди кедров, как время от времени мелькали силуэты крупных сов. Самый крупный у нас филин, а тут почти такие же, но вот голоса другие...

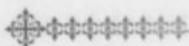
– Утро покажет – решил я и ушел спать.

С началом рассвета я бродил снова под дождем, “купаясь” с головой в высоких, мокрых травах, в поисках ночных птиц. Их не было. Однако, тайна прошедшей ночи была отгадана неожиданно: замечаю вдруг крупную сову, летящую в старые кедровники, где находился и я. И каково ж было удивление,

в этой сове узнаю каменную неясуть. Крупная, как все совы “головастая” птица, со сравнительно небольшими, ядовито – желтыми глазками, вокруг которых расходились темные круги. Она села около на кедр и из-за ствола взглядом злой и древней старухи, подвязанной пушистым серым платком, поглядывала на меня из сумрака кедрочей. У сов совершенно необычный, выразительный взгляд. Но, пожалуй, самый “злой” и “ненавистный” у этой. Пока мы смотрели друг на друга, казалось даже, что это не птица, а сама нечистая сила со злобным выражением на лице. Да, это был волнующий момент – каменная неясуть в наших лесах!

БОРОДАТАЯ НЕЯСЫТЬ С ЯТЕЧЦАМИ

Бородатая или каменная неясыть

Совы для человека были самыми таинственными птицами, овеянные суевериями, легендами и мифами. Крупная голова, выразительные глаза, вертикальная посадка – все это делает их похожими на людей. А человек, пожалуй, боится больше всего тех, кто похож на него самого. Себя боится человек. Люди очеловечивали этих необычных птиц, приписывая им целый ряд человеческих качеств, и прежде всего – злоещие. Так тысячи лет назад одни народы почитали их, посвящая богам и героям, другие воспринимали как предвестников всевозможных несчастий, пособников нечистой силы.

Но вот бесшумно расправив широкие крылья, и ловко лавируя среди стволов, крупной ночной бабочкой, также бесшумно она скрылась. Я все еще с трудом верил в то, что увидел. Однако в это же время появилась другая: она летела долиной к одинокому старому кедру и, пытаясь сесть на нижний сук, промахнулась и свалилась в траву. Было ясно – молодая, неопытная, еще тяжело летающая. Я побежал к кедру. Однако, сова поднялась и улетела. И снова неожиданность: под кедром лежал труп погибшей взрослой птицы. Это было для меня важно: теперь я мог представить доказательства, что на Южном Алтае, а это значит в Казахстане гнездится лапландская, она же каменная неясыть. Это, конечно, сенсация. Вспомнилось, что в тридцатых годах прошлого века академик орнитолог-алтаист Петр Петрович Сушкин эту сову искал в Казахстанской части Алтая. Потом дал задание знакомым охотникам, если встретится она, то добыть и переслать ему в Москву. Но, увы, совы никто с тех пор так и не встретил. Было понятно – не казахстанская она птица. И вот встреча!

Из трех видов неясытей, обитающих в Казахстане, она бородатая, самая крупная. Палеонтологами найдены их остатки, возраст которых не менее 60–70 млн. лет. Представительница древнего мира имеет размах крыльев до полутора метров, но полет легкий, бесшумный, словно это не птица, а сама тень. По внешнему виду эта “старушка” напоминает громадного мохноного сыча, тоже лесного обитателя. Название она получила из-за того что в ее темноватом оперении, хорошо виден светлый клин “бороды”. Ее дымчато-серое с “мраморными” пестринами оперение с неясным продольным рисунком заметно в полете, чего нет у других неясытей.

Неясыть широко распространена в таежной зоне Евразии, но в то же время всюду она редкая птица. В нашей республике, в его северной части только однажды, в 30-х годах прошлого века, залетевшая случайно сова наблюдалась зимой. Вот и все.

Для жизни избирает островные темнохвойные леса, окруженные лугами или различными пустошами. Здесь ей удастся лучше выслеживать добычу.

Начиная с конца марта – начала апреля, когда тайга еще спит под глубокими снегами, а ночами стоят крепкие морозы, в сердце их просыпается любовь. И ведущие скрытную жизнь птицы, ночами дают о себе знать: словно через трубу, самцы пропускают глухо и протяжно: “гуу-гу-гу, гуу-гу-гуу!”. Иногда эту пугающую, “загробную” мелодию повторяют до 10–12 раз. В это время самец перевозбудившись взлетает над лесом, и после нескольких круговых облетов, возвращается к самке. Он делает все чтобы ей понравится, но все его комментарии сводятся к единой, красноречивой “фразе” “Гуу-гу-гуу!”. И она его прекрасно понимает, иначе бы не было птенцов. Хочу заметить, что голоса этих птиц, чтобы создать идиллию глухой и страшной ночи, слышатся в разных фильмах. Самка же, если недовольно чем-то, как это часто бывает у всех, она шипит и гневно щелкает клювом.

Но когда проблемы любовных объяснений и признаний позади, совы приступают к семейной жизни: занимают старые гнезда хищных птиц, откладывая по 3–4 и даже 5 яиц в полуразвалившиеся дупла старых деревьев и самка плотно сидит. Самец же охраняет насиживающую подругу. Они настоящие рыцари и смело прогоняют нарушителя спокойствия, не взирая на его размеры. Если, к примеру, у гнезда появился человек или медведь,

самец набрасывается смело, стараясь зацепит когтями. Такой смелости не имеют даже филины и орлы.. Поэтому атакующий самец может нанести и серьезные раны в виде царапин. Известен случай, когда неясыть выбила глаз одному из западных фотографов-натуралистов, который пытался их заснять. Насиживание через 28 дней вознаграждается появлением птенцов. И если их родители прославились отменным зрением и слухом, то птенцы их первую неделю совершенно глухие и слепые. С появлением птенцов покоя родители не знают: накормить крупных и прожорливых, и быстро растущих совят – дело не простое. Ведущие ночные разбой взрослые, теперь вынуждены охотится даже днем.

Для того чтобы охоты были успешными у всех сов и особенно у неясытей ушные отверстия походят на воронки, расположенные по бокам головы ассиметрично, прикрытые тонкой кожистой пленкой и обладают поразительным слухом. И главную роль играет прослушивание неуловимых для человеческого уха шорохов. И тогда безошибочно пеленгует источник шума и летит на него: вскоре же унося жертву в острых, крючковатых когтях. В этот период классические мышееды нападают на белок, бурундуков, цокоров... В лесах Финляндии, как установлено, за полгода неясыть съедает до 700 мышей и полевок. Ловят также птиц, ящериц, лягушек и крупных насекомых. Добычу у самца самка берет впервые и аккуратно разрывая на мелкие кусочки кормит малышей, издающих тихие сипловатые голоса. Но по истечению двух недель они становятся настоящими проглотышами: целиком съедают мышей и полевок и через месяц покидают отчий дом.

И так новый вид в фауне птиц Казахстана был найден. Без сомнения, это очень редкий здесь вид. А так как они ведут оседлую жизнь, то становится добычей охотников соболятников. Другая неясыть – уральская или длиннохвостая, ведущая сходный образ жизни в этих же лесах Алтая, очень часто попадает в капканы, кулемы. Иногда в капканы одного охотника за зимний сезон попадает до 10–12 птиц.

Не исключено, что и эта редкая птица также разделяет судьбу длиннохвостой родственницы.

До этого времени неясыть все еще не включена в Красную книгу Казахстана. А следовало бы сделать это и как можно скорее, так как теперь

доказано, что она гнездится на весьма ограниченной территории Южного Алтая в нашей республике. Это подтверждается еще одним случаем, когда на одного из ботаников, недалеко от места нашей встречи этих сов на Южном Алтае – в верховьях реки Кара-Кабы, днем “крупная сова” напала на человека. Это значит, что несколько пар их гнездится в этой части Южного Казахстанского Алтая.

Это птицы прошедшие жесточайший отбор представляют нам облик странный и загадочный, олицетворяющий тишину и таинственность таежных ночей.

ЖИВАЯ "ИТРУШКА" ЛЕСОВ

Белка

Это не просто известный зверек, занявший прочное место в сказках, а настоящее лесное чудо! Не трудно догадаться кто он, если сказать что у него пушистый, похожий на вопросительный знак, хвост. Такой же формы как лировидное перо из хвоста тетерева? Это только у белки. Очерк наш ей и посвящен. У нее как у рыси на кончиках ушей торчат рыжие кисточки. А глаза? — они крупные и проворные, с озорным блеском.

Она проворна, энергичная и прыгучая, словно живая пружинка. В ней прекрасно все — точенная фигурка хороша во всех ракурсах — сидит ли, бежит ли она. При боли урчит как собачонка, испугавшись — визжит. Но более всего прекрасна, когда сердится: сядет на сук и ну хвостом, как помелом крутит в разные стороны, обметает словно сук, да еще лапками по стволу постукивает и гукает гнусаво. Бывает в гневе за ствол спрячется, косит из-за него глазом — выглядывает, а сама хвостом в право-влево-вправо. Нервничает: не гонится ли пришелец за ней? У разных белок и хвосты разные — пепельные, седоватые, черные, даже красноватые. Если белка сидит, насторожилась — картина лесная: пышный парус хвоста, составляющий больше половины ее самой и лежит вопросом за спиной. Живая игрушка! И тогда хочется остановить чудное мгновение: взять фотоаппарат, а художник за карандаш, за кисть берется. Белка с кедровой шишкой — шедевр искусства, не хуже картин Леонардо, сотворенной космическим Художником. Поэтому каждая встреча с ней — всегда незабываемый эпизод.

Белка — несравненное украшение лесов протянувшихся от берегов Атлантического и до берегов Тихого океана. Ими бы только любоваться, приучить и кормить из рук, а они все еще служат охотничьему промыслу. Ометкости охотников таежных лесов взята почему-то белка. Это ей попадали охотники "прямо в глаз". В начале прошлого века только в Прииртышских

борах у Семипалатинска добывали в год до 300 тысяч белок, а в 70-х годах – немногим более 10 тысяч. Это еще пример нашего рационального использования природных ресурсов. Но, как кажется, время этой необходимости прошло. мех беличий можно заменить на искусственный, а белка бы привлечь к нашим городам и чтобы в лесу они были обычными и не объектами охоты, а для радости встречи с ними. Да именно так, для воспитания добра и умения видеть красоту, а не только для охот.

В Казахстане живет три подвида или три формы обыкновенной белки. Самая крупная и самая красивая живет в борах Прииртышья. Она носит на беду свою пепельно – голубоватую шубку, и еще эта модница щеголяет в рыжеватых перчатках и таких же чулках. На голове словно пушистые ушки как рожки с кисточками, рыжие тоже. Красавица из красавиц: на конце пушистого хвоста, светится белоснежным яблоком пятно. Это и есть белка телеутка, населяющая междуречье Иртыша и Оби. В 1911 году 7 зверьков были выпущены в Каркаралинский и Наурзумский боры в Центральном Казахстане: они прижились и успешно наращивали численность, украшая собой эти чудные места. А до 1965 года их выпущено было в разных местах за пределами ареала около 15 тысяч, в том числе и в ленточных борах Казахстана. Телеутка прижилась после эксперимента в лесах горного Крыма, Кавказа, Средней Азии и в Казахстанском Тянь-Шане. А вот на Украине, почему-то – нет.

В горно-таежной части Казахстанского Алтая живет белка алтайская почти черного окраса с белоснежным фартучком на груди и животе. А на левобережной части Иртыша, в сосновых и смешанных борах Калбинского Алтая живет другой подвид – называется – калбинская белка. Окраска ее не темная, но не столько как у алтайской телеутки благородных светлых тонов нет. Просто темная или рыжеватая, и ни каких особых цветов и оттенков, хотя на груди, как обе предшествующие белки носит все тот же передник. Почему зверек назван белкой? Белая полоса у них тянется только от горла к хвосту, а сама не белая и не светлая даже. Но название “белка” прижилось, к нему привыкли и стали даже собак называть “Белками”. А одна из них с этим “именем” даже в Космос слетала.

Красота и изящество белки сочетаются с ее умением, что называется, сломя голову, носится среди ветвей; мгновенно, как по ступенькам, “взлетать” по гладким стволам сосен к самым вершинам и оттуда, с головокружительной высоты бросаться вниз и успешно перелетать на другие деревья и ветви. Во время таких прыжков, представляющих акробатические трюки, хвост ее и руль, и парашют. Не даром он составляет более половины ее самой. Белки могут находиться вниз головой, повисая на задних лапках.

Как классический представитель многокланового отряда грызунов, белка вооружена прекрасно. Ей бы позавидовал каждый из нас – резцы ее растут всю жизнь; ей по зубам самые крепкие шишки и орехи. Не заниматься “грызней” ей нельзя – зубы надо содержать в порядке – стачивать, иначе и рта не закрыть.

Ягоды, грибы, семена растений – основное ее меню вегетарианки. Но, оказывается, они грешат иногда – разоряя птичьи гнезда и поедая лесных собратьев – мышевидных грызунов; случается – насекомых и даже дождевых червей.

Жилище – дупла или самострой – на дереве делают сами гнездо с крышей, как у сороки – “гйано”. Бельчат бывает иногда до десятка и чуть более. Многосемейными мамами они становятся в годы урожая на корма. В голодные годы лихолетья белки, бывает, пускаются в рискованные путешествия. Словно потеряв рассудок идут напролом через города, переплывают громадные реки...

С наступлением весны, зимний, пышный наряд меняет с головы, а одевает новый ближе к осени – уже с хвоста. Летом же, легко одетая, словно в сорочке и без прически на некрашеную женщину походит. Однако как только леса укуют снега и, играя блесками стоят в папахах из снега деревья, белка в царственном лесу, словно на зимнем балу, появляется неотразимой красавицей.

Численность их, в связи с разными естественными причинами и охотами, не очень велика. Бывают годы – на несколько километров встретишь одну-две и все. И пора бы позаботиться о них. Было б прекрасно, если бы жизнерадостный зверек украшал парки и скверы наших городов. Сама сказка леса пришла бы тогда к нам в гости, в наши сердца. Белки не редкость в

крупных городах Запада. В некоторых странах они давно не поставщики шкурок для шапок и шубок, а произведения природы – как цветы, как аквариумные рыбки или экзотические птицы. Но мы об этом даже не думаем. А белки желательны особенно для младших. От взрослых зависит, чтобы лес подарил им живую сказку.

Белки, без разницы, в каких лесах и борах живут в Казахстане, во время лесных пожаров, постоянных рубок и отстрела сокращают былые площади своего обитания и все реже встречаются. Но беда – между красотой в которой нуждается большая часть населения стоят охотники, на расправу которым они отданы. В природе и без человека у нее немало врагов и первый из них соболь. Охотятся за ними лисицы, когда по снегу они перебегают от дерева к дереву. Преследуют их хищные птицы – ястреба и совы. Не хотелось, чтобы утратилась красота лесов, без белки они утратят дивность и душу.

ЛЕТАЮЩАЯ, ТРИ ЛУЧЕ

На берегу алтайской реки Ульбы, под сенью старых тополей и осин, при полной луне искрилась вода, играя на перекатах. Отраженный от реки свет вспыхивал осколками на листьях и тут же гас. Вдруг, мягко и быстро тенью над головой, пролетела какая-то птица. Но странно: бесшумно скользнув среди ветвей, она спланировав опустилась и где-то рядом зацепилась за ствол старого тополя. “Так садятся только дятлы” – подумалось. При слабом освещении все равно я увидел как птица мгновенно превратилась в серый кусок коры. “Может, показалось, что это та самая птица? – Мало ли, в ночной час что может показаться?”. Однако, приглядевшись, замечаю тупомордого летуна с большими глазами, как у ночной птицы – козодоя. В глазах его играли искорки лунного света. Теперь я видел, что это был серый как мышь зверек. Еще миг и летун перескочил на ближний сучок и замер. Узнаю в нем белку-летягу, с пушистым хвостиком, заброшенным на спину хвостиком. Она что-то уже грызла. Это была первая моя встреча с замечательным зверьком – обыкновенной летягой. До этого приходилось слышать, читать о ней, а вот встретить – первый раз.

Белка-летяга

Для полета она приспособилась по-своему. Ей достаточно только сорваться с ветки и бросится вниз, как беличья ее фигурка обращается в маленький планер. Летяга тут же показала мне свое умение: она оттолкнулась, и будто уже в плаще, с широкими полыми, смело полетела к ближайшему тополю.

Распространена эта белка в Евразии довольно широко в лесах умеренного пояса. Живет

и в горных лесах Казахстанского Алтая, в сосновых борах Прииртышья или Предалтая. Площади ее ареал не большие, да и численность зверька всюду не высокая. Предпочитает глухие, разреженные леса смешанного типа на склонах хребтов, в долинах вблизи рек, состоящие из хвойных и лиственных пород. Также селится в сосновых борах и, реже, в чистых осинниках. Для нее обязательны дуплистые деревья, в которых она устраивает гнезда. На Алтае найдена также в таежных массивах, по смешанным осиново – еловым и пихтовым лесам с примесью кедра, в березняка. Западная граница ее обитания доходит, местами, почти до Иртыша, где имеются пойменные заросли тополя..

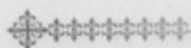
Желание летать, можно сказать живет почти в каждом из нас, однако, но... А ей полет оказался доступным. Летают насекомые, птицы, некоторые звери, ящерицы, лягушки и даже рыбы. Как видно, получается даже у тех, у кого и крыльев – то нет. Наша героиня одна из них.

На территории бывшего Союза отмечено девять географических форм летяги, в Казахстане – две: “семипалатинская” и “среднесибирская”. Первая – в сосновых борах Прииртышья. Отличается она более светлый, серебристо-серый с желтоватой примесью окраски. Поживи-ка тысячи лет среди золотистых боров – порыжеешь... Другая – среднесибирская форма зверька, – в таежных лесах Алтая, окрашена в темные тона.

Внешне летяга отличается от обыкновенной белки. В глаза бросается, прежде всего, не только меньшие размеры и не такой пушистый хвост: она сама меньше и выглядит плоской. Как у восточной красавицы глаза, делают ее очень симпатичной и трогательно – незащищенной. Когда она скачет по ветвям, “крыльев” не заметно, но стоит “вспорхнуть” ей, как кожистая складка между передними и задними лапками натягивается и зверек становится похожим на треугольный лоскут, планирующий между деревьев.

От передних ступней ее лапок отходят согнутые кисточки, на которых и натянуты кожистые “парашюты”. Летом ступени лапок ее лишены почти шерсти, на зиму надевает она “перчатки”, защищающие от стужи и дающие возможность не скользить по обмерзшим ветвям и стволам..

Белочку, если она около, хочется погладить, прикоснуться к тонкой, шелковистой шерстке. мех летяги не ценится и это к лучшему: он не прочен. Охотники даже выбрасывают их шкурки, если летяга попадетсЯ случайно.

Когда белка сидит, прижавшись к стволу, то совершенно незаметна и больше походит на приросший к дереву гриб или сучок.

Ночная летунья с большими глазами видит хорошо, даже при слабом лунном или звездном свете. Зверек ночной и поэтому жизнь его во многом остается загадочной. Сумеречная жизнь, необычная внешность и все ее окружение, связанное с ночными лесами, делает ее таинственной, мистической, невидимкой в глазах человека. Для передвижения по деревьям, есть и другие особенности, – мозоли на лапках, волоски – вибрисы почти по всему низу. С их помощью она лучше и быстрее улавливает соприкосновение с ветками или стволом. Заметим: во время перелетов, она “приземляется” к стволу не прямо, а чуть наискосок, чтобы не врезаться с разлету в ствол.

В отличие от обыкновенной белки, начало сезонного переодевания у них, как бы, в обратном порядке происходит: осенью линяет с головы, весной – с хвоста.

Живет или нет в лесу летяга, узнается по погрызам: веточки обтачивает она зубами, как на токарном станке – по кругу. Она большая аккуратистка и чистюля: в глухом лесу выбирает для себя одно место и горошинки помета имеют форму бочоночка, похожие на те, которыми играют в лото. Голос, когда, возмущена, напоминает стрекотание летучей мыши. Как видно, зверек, летающий без крыльев, отличается от обыкновенных белок. Летягу выследить сложно еще и потому, что день светлый она отлеживается в дупле. Вот и найди ее: днем в дуплах, вечером серая, бесшумная и осторожная, легкая и быстрая, как приведение перелетает с дерева на дерево. Поэтому мало даже среди таежников, кто бы видел ее. Годами можно бродит в тайге и не встретить ее.

Она вегетарианка: кормится, почками деревьев, молодыми побегам, хвоей, сережками березы, ягодами, молодыми листочками березы, осины, иногда грызет даже кору осины, в которой зимой запасено много сахаристых веществ. Странно одно, что она совершенно не употребляет жирной и белковой пищи – отвергает даже кедровые орешки. Но запасы кормов на время ненастья зимнего, иногда делает. Может подолгу спать в непогоду и морозные дни, дожидаясь хорошей погоды.

Но вернемся к главному – к способности летать. Планирует она мастерски, обстоятельно используя законы аэродинамики. Взобравшись повыше на дерево, она сначала прыгает, раскрывает парашют и летит к намеченному дереву. В полете, в чем не трудно убедиться, они настоящие ассы: могут совершать повороты почти на 90 градусов, либо спиралью облетать вокруг дерева. Дальность полета достигает более 30 и 50 м. Установлено, что несущая поверхность ее тела возрастает на треть из-за густого меха по краям кожистых складок. В результате на один см² нагрузка у нее в два-три раза больше чем у птиц. Так что, если ее преследует соболь или куница, у нее всегда есть шансы на спасение. Хорошо, что соболя не летают.

Иногда поселяется в оставленных гнездах ворон или сорок. Самка приносит от одного до четырех детенышей. Растут бельчата медленно.

Академические описания в научных работах, связанные с белкой – летягой, касаются не только образа их жизни, размеров, но и всегда ценности шкурки. “Мех ценности не имеет”. И ни в одной работе не говорится о ее привлекательности. Вот беда же, не прививают понимание красоты, а даются рецепты, как “добыть”, “ободрать”, “рационально использовать”... Шкурки ее не представляют интереса – малоценны, а это уже значит, что она не представляет ни какого интереса для человека. А жаль, летяга – настоящее чудо животного мира. Она чрезвычайно привлекательна. Объяснять этого не нужно, достаточно взглянуть, чтобы стало все понятно.

В неволе привыкает хорошо. Но остается пугливой и постоянно светлое время проводит в дупле – спит. Вот тут-то досадно – не приходится любоваться ей. Потревоженная, с мечтательными глазами, пугливо мечется из стороны в сторону. Пугливыми остаются глаза, даже если летяги выкормлены в неволе. Боятся всегда дневного освещения. Оставленная в покое, вновь забирается в свое убежище и предается любимому занятию – дневному сну.

Повсеместная вырубка лесов, пожары, ведут к сокращению мест обитания и численности замечательного зверька. Это вызывает тревогу, по крайней мере, на тех территориях, где она живет в Казахстане.

ПЛЕЖНЫЙ "АКАДЕМИК" или "ДРУГ" ОХОТЧИКА

Есть на Алтае совершенно непохожий на других зверь. Его редко кто видел в природе и о себе дает знать, в основном, в зимнее время, когда в тайге открывается соболиная охота. Этот необычный зверь – россомаха. Принадлежит она к широко известному семейству куньих. Это те самые, которые живут в дуплах и россыпях как соболь, например, также в норах, – как барсук и по бурным горным речкам, как выдра речная. Россомаха – родственница даже самым мелким в этой кровожадной семейке – горностаю – обладателю "царского меха", солонгою, колонку и самой маленькой и самой алчной из них – ласке, – способной "просочиться" даже в мышинные норы. Все персонажи известной в разбойничьем мире семейки – широко распространены в Евразии.

Теперь несколько слов о нашей героине. Облик россомахи, прямо сказать, странноватый, о таких говорят – "в семье не без уроды". Она сумела кое-что "прихватить" от самого хозяина тайги – медведя – кургузая, мохнатая и такая же сильная. Хвост позаимствовала у горного быка – сарлыка, лапы – снегоступы, – у белого медведя. Ко всему сумбуру ее облика, она еще и горбатая, кто знает: может лось поделился?

Редкий кадр! Россомаха

Зверь это суровый, угрюмый... В облике не только таинственное, но и что-то древнее. По природе – отшельница, но очень смела, коварна, кровожадна. И, казалось бы, при всей неуклюжести, она прекрасно, как соболь, лазает по деревьям, подкарауливая у троп копытных – косуль, зайцев, кабаргу... Она же – прекрасный пловец и неутомимый ходок. При не быстром беге, способна загнать самого быстрого оленя, особенно удается ей это делать по глубокому снегу. Вот уж где слова к месту: “Тише едешь, дальше будешь”.

О ней много чего можно рассказывать разного, необычного. Но ограничимся, на наш взгляд, самым главным. Имея рост с небольшую собаку, россомаха обладает невероятной силой и выносливостью: каждый день, но, что у нас день, у нее – ночь, – то есть ее рабочий день, – проходит она от сорока до пятидесяти километров, таков вояж ее, связанный с обходом охотничьих угодий. У самок масштабы владений несколько меньше. Территории молодых достигают до 7,5 тыс. кв. км.

При среднем весе в 25–30 кг, площадь лап ее внушительна – с ладонь мужчины. Если эту ладонь умножить на четыре и посчитать, то это есть объяснение тому, что она не проваливается и холит как на “снегоступах”, вооруженных крепкими когтями. Что зимой, что летом, без разницы – одинаково легко одолевает речки, скалы, россыпи, завалы, рыхлые снега, горные перевалы и прочие неудобья. Но старается всегда держаться подальше от человека. Но в то же время, никогда не упустит возможности ограбить его или ему напакоstitь. Обязательно, если она поблизости живет, то обойдет все ловушки охотника. Ни одной не пропустит, будто сама их расставляла. Если есть добыча, вытащит, как личную. Если нет – в отместку, умело вытащит из капкана или кулемы приманку на зверя. И, до того как охотник появится у своего жилища, она обязательно навестит и его. Для начала разорит лабаз на дереве, где охотник прячет от зверей и мышей продукты, потом и в хижину заглянет. Ох, как за это не любят ее охотники за наглое воровство и грабеж! Еще бы ни чего, что съест продовольствие, так она еще, пока никого нет дома, переломает ловушки, разорвет постель, одежду или утащит куда подальше и спрячет. Мало того, на последок, еще и оставит свои символы на не съеденном продовольствии – мочу и помет. Вот, мол,

тебе хитрый и всемогущественный, знай наших, – мы тоже не лыком шиты... Теперь ешь свои продукты, если встанешь, и вспоминай наших... Известны случаи когда все что есть в избушках охотников – вещи, кухонная утварь, ружья – все утащит и спрячет. Найдешь ли потом?

Росомаха просто как зверь удивительно способна в убродных снегах выследить и напасть на таких крупных зверей как лось или марал, при весе своем всего чуть больше двадцати килограмм. Тогда как вес ее жертвы может быть в десять раз больше. Были случаи, когда до десяти диких коз за одно утро давила росомаха, не забывая про запас на будущее. Оседлает крупного зверя и грызет... А потом еще и по частям растащит: в снегу куски попрячет, на деревьях развесит, под колоды, под камни затащит, под мох затолкает. Косуля, кабарга для нее, что мышь для кошки. Волки встретятся – стороной обходят: лучше не связываться. Бывали случаи, и рысь в схватке с ней ее добычей становится. Так что при виде росомахи, серая разбойница бросает свою добычу и дай Бог ноги.

Хватка челюстей ее по силе уступает только гиенам: она способна дробить самые крупные кости: рвет застывшее в лед мясо. Ее богатырская мощь проявляется и в том еще, что, только она, и никто из зверей не способен на такой крепкий сон.. Разбойники, получается, спят всегда крепко: им никто не угрожает, как они думают.

Мех густой, длинный, темно-коричневого окраса. По бокам, на пояснице, проходит более светлая “шля”. Шерсть ее имеет свойство быть наэлектризованным – никогда не оседает иней на ней. Подмечено это давно, поэтому мех росомахи используется для одежды полярников, работающих в самых суровых условиях.

“Берлоги” устраивает в отдаленных, недоступных местах, где нет людей. Найти логово ее трудно. В помете бывает – один – три-пять, чаще – два детеныша. Молодые – игривы, и очень симпатичные создания. Они способны на теплую дружбу даже с человеком. Всегда веселы и привязаны крепко друг к другу.

Самцы – бродяги, одиночки. Иногда у мамаш съедают потомство. Но это бывает редко. У зоологов есть подозрения, что и самцы помогают воспитывать своих детенышей.

Зверь этот всюду редкий. Казахстанским Алтаем, проходит часть ее западной границы в Казахстане.. “На то и щука в море, чтобы карась не зевал!” – гласит народная пословица. И к росомaxe эта пословица очень подходит: она, как хищник, представляет всегда угрозу для многих животных.

Ее можно б причислить, в полной мере, к таежным академикам. Подумать только: от роду зверю бывает всего два-три года, а он знает хорошо повадки человека, даже соперничает с ним в охотничьем промысле. Для сравнения: что может дитя человеческое, гомо сапиенс в таком возрасте? Вот такая загадка природы – росомаха! А не просто зверь, да и все.

КЛЫКАСЯТЫЙ ОЛЕНЬ

В горно-таежных районах Евразийского континента – от Гималаев до Сахалина, живет удивительно приспособленное к определенным условиям – самый маленький из оленей – кабарга или кабарожка. Она действительно очень мала, в сравнении с маралом, лосем: высота ее не превышает и 50-и см. На территории Казахстана она встречается только в его Алтайской части – на Южном Алтае – в бассейне Бухтармы и до северных предгорий Нарымского хребта, также и на Западном Алтае – в Западно-Алтайском заповеднике – по хребтам Ивановскому, у его восточной оконечности, на Линейском и Коксуйском. Однако, численность всюду незначительна и, можно сказать, что это редкий вид в Казахстане.

Кабарга один из лучших скалолазов, хотя вне тайги ее также нельзя и представить: это животное – леса и скал. Так уж распорядилась природа: отвесные, опасные скалы – ее спасение. На каменных обрывах она в родной стихии, где проявляет чудеса отваги, ловкости и бесстрашия. У нее отсутствует чувство какого-либо страха перед высотой: она легко прыгает по отвесным стенам и вверх, и вниз, спокойно отдыхает и кормится на совершенно голых стенах, лишь бы острые ее копытца, отточенные до бритвенной остроты, могли зацепиться. Стоит потрогать руками изящное ее копытце, чтобы убедиться, что у нее кроме мягких, пружинистых подушечек, у него

Кабарга

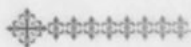
необычно острые, заточенные краешки. И там, где может зацепится хотя бы ноготь, она поставит свое копытце, найдет опору и пройдет, куда не всякая птица решится присесть. В то же время ей необходимы таежные буреломы с россыпями, скалами. Охотнее держится на малоснежных местах, где леса сочетаются с неприступными скалами, обрывами и россыпями. В то же время она хорошо ходит по снегу, избегая рыхлых, убродных наносов. В завалах она отдыхает и отлеживается в непогоду. По образу жизни

кабарга – типичный отшельник. Изредка, лишь, встречается семейными группами.

В облике ее прежде всего бросаются любопытные особенности. Она, будто позаимствовала у других животных особенности их строения: задние ноги ее на одну треть длиннее передних, отчего фигура ее выглядит горбатой, как у зайца. Но, а если сказать, что у оленя есть клыки и длиннее чем у серого волка, это и вовсе странно и попахивает некоторой профанацией. Это звучит также как, если бы были рогатые тигры, или с пушистыми лисьими хвостами медведи. А клыки у кабарги есть торчащие из-под верхней губы – острые и достаточно длинные до десяти сантиметров. Таких длинных у наших хищников нет! Клыки придают безобидному животному довольно грозный вид, так как именно они пробуждают генетический страх: звери угрожая друг другу, прежде всего показывают их: “Смотри и берегись!”. Чего о зверях говорить, когда мы – люди в особых случаях, также в угрозе, обнажаем, не замечая того, передние зубы и клыки. Однако наличие этого оружия, в данном случае, не есть доказательство, что наш оленек нападает на других животных, рвет их клыками подобно плотоядному хищнику. Клыки – конечно его оружие, а точнее инструмент для добывания пищи. Без него ему пришлось бы жить намного труднее. Кто пробовал содрать со скалы накипные лишайники, знает – дело не простое. Вот тут-то и наш герой и пускает в ход “грозные” клыки. Ими он будто ножами срезает и соскабливает прикипевшие накрепко к скалам лишайники – излюбленное “блюдо”. Летом же, когда корма всюду достаточно, кабарга, оставаясь приверженцем лишайникового меню, поедает, так называемые бородатые лишайники рода – уснея и кладонии, прядями свисающие с хвойных деревьев, с их веток и стволов, нежные веточки, почки и даже кора – пихты и лиственных деревьев. Вероятно обособленное питание, изменило пищеварительную систему: у нее единственной из всех оленей имеется желчный пузырь. Переваривание столь жесткой пищи, как лишайники, видимо, требует других катализаторов в пищеварительном тракте. У самцов есть еще одна исключительная деталь, – мускусная железа, мускусный мешок или, так называемая, “кабарожья струя”. Размер этой “опухоли” на животе около пупка всего со спичечный коробок. Выделяемым секретом самцы метят свои территории. В основном,

ради мускуса кабарга постоянно добывалась охотниками, мускус обладает облагораживающим и фиксирующим свойством при изготовлении парфюмерии.

В окраска также оригинальна: мех подходит под цвета скал и коряг, где она кормится и отдыхает. Преследователей у кабарги, у как у зайца – много. Натоптывая кормовые тропы в глубоких снегах, она привлекает своих преследователей – рысь, росомаху, лисицу, даже соболь. Здесь они их и подстерегают. И только неприступные обрывы скал их спасают. Напуганное животное, в мгновение ока, буквально взлетает по отвесным стенам, цепляясь за невидимые шероховатости, и пусть тогда преследующий ее хищник дожидается, когда она оставит взятую ей неприступную высоту.

Скальный образ жизни наложил отпечаток на передвижение на земле: спасаясь, она делает несколько сильных прыжков, а потом переходит на тихий шаг и вновь повторяет прыжки...

У самки бывает обычно два теленочка, которых кормит она около двух месяцев. Штрихованный рисунок и пятнистость ее шкуры делают животное малозаметным. К зиме темный мех кабарги сменяется на более длинный и более светлый.

Её все-таки, самым страшным преследователем является человек. Ему нужен мускус, а не мясо и шкура: кабарга погибает в расставленных им капканах, петлях, попадает под ружейные выстрелы. Все это сказалось на ее численности: почти всюду она низкая, тем более, у нас – в Казахстане. В отдельные годы она становится вообще очень редкой. Поэтому это чудное животное, в горном краю, где живут дальние его сородичи – лоси, маралы, косули должно быть сохранено. И давно настало время вычеркнуть его из списка охотничье- промысловых видов и внести в категорию “особо охраняемых”, как животное малочисленное с очень узким ареалом в нашей стране. И пропаганду о ее сохранении в первую очередь нужно вести с таежными охотниками, судьба кабарги в их руках, в первую очередь.

ВЫСОКОГОРЬЕ – ЗЕМЛЯ ЧАД ОБЛАКАМИ

Каждый уголок на земле неповторим и заслуживает самого пристального внимания, чтобы в этом убедиться достаточно его изучить и тогда можно оценить лишь некоторые его особенности. Особое очарование в этом свете навевают приближенные к звездам ландшафты высокогорья. Прежде – описание природы первопроходцы почему-то начинали от божественных высот – горных вершин, спускаясь в долины и на равнины. Однако, живем-то мы обычно в долинах, вдоль рек, в оазисах. И путь наш по ландшафтам Казахстана нами начат от пустынь – с низу и выше к горным вершинам. Естественно, описание природы нашей страны было б незавершенным, если бы ничего не было сказано о сказочной “стране” под облаками “Высокогорье!”

Это фантастически красивые, мало испорченные или совершенно еще нетронутые человеком ландшафты, простирающиеся выше верхолесья.

И, как только леса остаются внизу, за ними взору отрываются пестрящие разноцветьем пышные субальпийские и альпийские луга; выше к скалистым

Южный Алтай

пикам склоны покрыты серыми россыпями камня. Отвесные стены и тесные щели пестрят от платков нетающего снега, либо забиты ими и льдами, которые остекленелыми реками “стекают” вниз по щелям. На Алтае, в отличие от Тянь-Шаня, между громадными россыпями и серыми шлейфами, образуя конусовидные насыпи, сбегают каменные осыпи. За горбатыми моренами — следами древнего оледенения, голубеют подпрудные озерки. По лесистым щелям, среди скал и ущелий громыхают пенистые речки, рокот и шум которых слышен бывает за многие сотни метров. От бешенных потоков тянет свежестью и, местами, над ними повисают обрывки радуг.

Здесь, под облаками и даже выше их, зарождаются бесчисленные капилляры ручейков. Их серебристые нити, позванивая, сбегаются и превращаются в гремящие речки. На пути их образуются проточные болотца, желтеющие от цветущих калужницы и лютиков. Либо на них выпирают камни в малахитовом одеянии мхов.

Нет ни где столь ярких и пестрых ковров, какими славится альпийское разнотравье. В пору цветения, в июне-июле, склоны на этих высотах бывают усыпаны красными, оранжевыми и жёлтыми, синими полями цветов. Они кольцами сжимают лежалые снежные пятна. Наиболее распространены

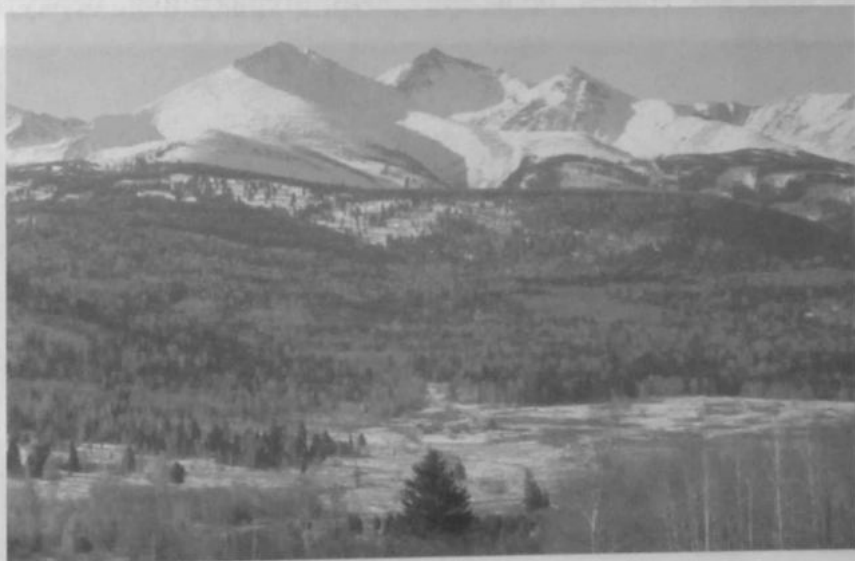

Гольцовый пояс вечного снега

здесь – водосборы, дороникумы, альпийская астра, ветреница волосистая, купальница, золотой и маралий корни, лютики, ромашки, голостебельчатый мак, змееголовник, копеечники, горцы, бадан. В отличие от этого пояса на Тянь-Шане, в горных тундрах Алтая распространены карликовая или полярная берёзка и ивы, образующие местами целые массивы.

Горные луга покрывают огромные пространства, уступая места снежным полям, скалам и россыпям. Однако все эти цветы, крупные, яркие, но, как правило, привычного аромата не имеют. Здесь же встречаются деревья – карлики. Часто можно видеть совершенно непривычные картины: травы здесь выше деревьев. И странно видеть склонившийся, скажем цветок астры альпийской, похожей на фиолетовую звезду, которая склонилась на кустиком – деревом ивы или березки. Не менее удивительные здесь не пуганные человеком птицы и звери, врагами которых являются не только хищники и человек, но и снежные лавины.

На этих высотах нередки сильные, почти ураганные ветры: порой они достигают такой силы, что верхний, задернованный слой почвы скручивают как кошму, в рулоны. Кроме приземленного красочного разнотравья на склонах обильно развиваются подушечные сфагновые мхи.

Горно-таежный Алтай

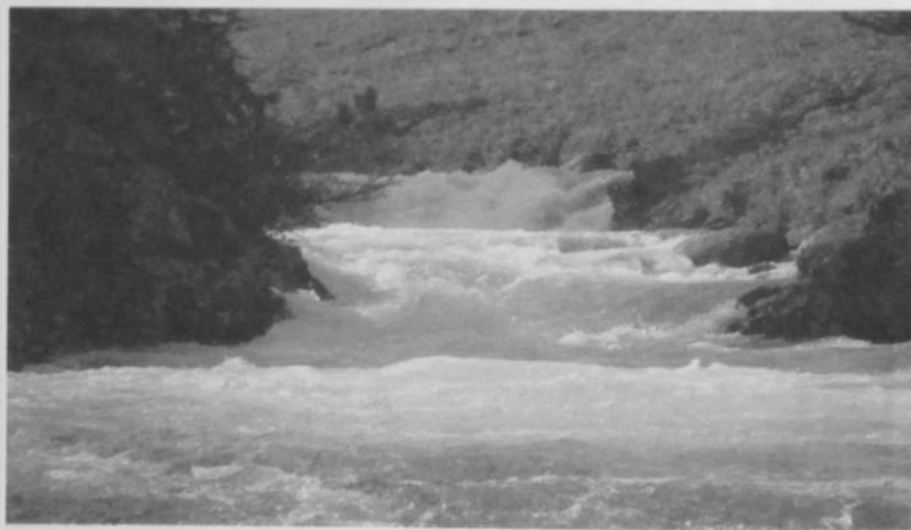

Необычно красивы подпрудные ультрамариновых и лазоревых цветов и оттенков озёрные чаши, оживляющие и без того сказочный мир высокогорья.

Если можно представить чёрные пики ребристых скал, венчающих высоченные хребты, ослепительное сияние льдов и снега, а над ними стада плывущих облаков, тогда лишь можно воссоздать в своем воображении весьма приблизительную картину чарующей горной панорамы; представить их далёкие и близкие цепи, растворяющиеся за бескрайними, почти синими горизонтами. Самые высокие вершины на Тянь-Шане – Хан-Тенгри (6905 м), на Алтае – гора Белуха (4506 м) и на Сауре – Музтау (3800 м). Бывает достаточно только одного взгляда с какой-нибудь вершины, чтобы оценить дикую красоту и величие этого необычного, ни на что не похожего мира.

На вершинах Алтая и Саура обитают два вида куропаток – белая и тундряная, алтайский улар, кулик – хрустан, полярная овсянка, которых нет на Тянь-Шане. А в альпийском поясе Тянь-Шаня живут птицы, чуждые более северным хребтам, это: серпоклюв, снежный вьюрок, гималайский улар, расписная синица, райская мухоловка и многие другие, свойственные верхнему поясу леса этой горной страны.

Общими для горного пояса Саура и Тянь-Шаня являются – такие гиганты пернатого мира как грифы, орлы бородачи, стервятники, беркуты... Эти

Горная речка

хищники в поисках добычи способны без единого взмаха часами кружить. Имея телескопическое зрение, они без труда за десятки километров обнаруживают жертву или падаль.

По холодным каменистым склонам, покрытым низкими травами, гнездятся также из мелких птиц – горные коньки, альпийские и гималайские завирушки, гималайские вьюрки. Их простенькие, тоскливые голоса оживляют застоявшуюся тишину безотрадных, холодных вершин.

Из зверей на Алтае и в горной системе Саур-Тарбагатай обычны, а местами еще многочисленны колонии серого сурка населяющие большие территории, а на Тянь-Шане – длиннохвостого или красного и очень редкого – эндемика Западного Тянь-Шаня – сурка Мензбира. Изредка встречаются горные бараны – архары и горные козлы – тау-тэке.

В 60-х годах прошлого уже века по склонам гор, по ущельям валялись рога этих животных, свидетельствующие о былом их множестве. Теперь это уже очень редкие здесь копытные. С нижних поясов гор иногда на эти высоты поднимаются маралы и козули. На охоту за сурком и копытными поднимаются волки, случается, забредает и владыка горного царства – снежный барс. Нередки медведи. Несколько десятилетий назад здесь водились почти уже исчезнувшие в наших широтах красные волки. Из мелких грызунов – обычны стадные полёвки, которыми промышляют горностаи и лисицы.

О природе Казахстана, ее особенностях рассказывать можно бесконечно. Но даже в общих чертах трудно охватить хотя бы только часть необычайно пестрого калейдоскопа красочных ландшафтов этих краев, где часто отсыпаются туманы и лежат облака; никогда не тают снега и льды.

ТОЛУБЫЕ ГЛАЗА ТОРЧЫХ ВЕРШИЧ

Встреча с этим растением не оставляет равнодушным ни одного человека. Представьте хотя бы на короткое время высокогорные тундры, в окружении снегов и травы боятся подняться на вершок от земли – ледяные ветры и снегопады не дадут им стать такими какие их собратья в долинах и степях. Здесь же, среди камней и лишайников, низкорослых осок эти цветы по своему решили проблему жизни: прямо от земли встают они темно-синими, свернутыми туго кульками, но заведев солнце, открывают свои граммофоны нежно-небесного цвета и стоят в ожидании чуда. Встречаются они по одиночке или группами, или кучко – букетиками. Название растения – горичавка крупноцветковая или генциана. Наступить боишься, когда на пути нежные стоят венчики, со светлым глазком в центре. Цветы эти символизируют бездну неба высокогорного и яркого, над ним горящего, солнца. Взгляд цветка генцианы, воодушевленный и смотрит прямо в душу. Во взгляде его стоит вопрос: каждый цветок спросить что-то хочет, однако не решается заго-

Генциана крупноцветковая

ворить с человеком. Человек тоже не решается – глупым покажется. Так и стоят генцианы – ни листочков, ни стебельков, словно кем-то поставленные на голую, промерзшую землю, чтобы удивлять своей красотой.

Цветок у них крупный и все растение состоит, как кажется, из цветка. И каждый венчик строго направлен на солнце, Будто нацелен на бездну таинственного Космоса, и выслушивается, как кажется, в нам непонятные и неуловимые сигналы идущие с далеких планет. Но вернемся на землю – солнце не так уж и часто открыто светит: затмевают его затяжные дожди, переходящие время от времени в снежную крупу. Либо бунтующие небеса сыплют белыми хлопьями рыхлых снежинок. Но стоит показаться солнышку, как снова генцианы стряхнув следы непогоды, улыбаются и светятся радостью короткой, но красивой жизни; на голубых щеках лепестков их в это время вспыхивают жемчужинами слезинки счастья – росинки.

Нетрудно заметить, что прямо под зонтиком небесного венчика, вокруг ножки, на которой стоит цветок, разостлана заметная едва розетка узеньких и мелких, слегка приплюснутых листиков. Это и есть вся его крона. Генциан в нагорных тундрах несколько – холодная, крупнолистая, лежачая, одноцветковая, а эта – крупноцветковая и она – самая красивая.

Растет генциана не ниже 2000–2400 м над уровнем моря – там, где по каменистым крышам хребтов тянутся и разрываются осыпями нагорные тундры; или, же, на многие километры тянутся одни лишь гольцы – россыпи серого камня. На этих высотах Алтая, Саура и Тарбагатая, на Тянь-Шане покоятся вечные, никогда не стаивающие да фирновые поля, которые являются остатками последнего ледникового периода. Весна сюда приходит, обычно, поздно. Бывает и так: весна и лето, на каком-нибудь склоне или в глубоком цирке, бок о бок “живут”. Или они встречаются здесь летом, но, с наступлением холодов весна и лето отступают перед зимними снегами. С первыми похолоданиями, ближе к зиме, на вершинах лежат снега, а ниже на сотню – другую метров, следит и красит зелень в бордовые и желтые краски сама осень. Но все эти времена с выпадением первых снегов одновременно и быстро прогорают. Поэтому генцианы и спутники – другие цветковые растения, стараются как можно раньше открыться, побыстрее отцвести и дать семена будущей для жизни. На горных вершинах все так необычно и

непривычно: ну, как не удивиться, если у кромки снега – “на краю” зимы, или в самом сердце ее – на лоскутке обнаженной земли, посреди снежника, бесстрашно поднимаются генцианы и, открыв замечательные глаза, стоят в плену сохранившихся кусков зимы. Цветы их очень стойкие: не поддаются холодам и, наперекор ночным холодам и заморозкам, цветут, удивляя свежей голубизной. Выше еще, уже у подножья похожих на пирамиды скалистых пиков, снега начинают сходить еще позднее – в июле или начале августа, а по лесистым склонам, по предгорьям осень уже малюет в огнистые цвета и краски деревья и кустарники, травы и мхи. Такие вот чудеса обычны у горных вершин.

Бывает: только – только снег сойдет, генцианы тут же встают и открывшись, не успевают закрыть свои чудесные венчики: и в их глаза с наивным, детским выражением – падают кружевные снежинки. Благо, на время да и выглянет солнце: слижет с них снежинки, как мороженное. И стоят они тогда умытые, еще более свежие, еще более голубые.

И сколько ходишь, встречая их на пути, столько и смотришь в их по девичьи доверчивые глаза, как у давних влюбленных.

Всю жизнь, день-деньской, гоняются они за солнцем: Они “видят” его даже тогда, когда небо закрыто черными, непроглядными тучами, когда занавешен весь небосвод плотными, грозowymi облаками: знают где оно, когда ночной небосвод усыпан яркими звездами. И каждое утро, они встречают его, повернувшись за ночь к восходу.

Ближе к ночи, как только солнце, за которым они гоняются, приблизится к далеким опаленным последними лучами, горизонтам, генцианы знают: “Оно пошло на покой”, и тогда дружно, как одна, запахивают и закручивают в кульки лепестки венчиков, сохраняя драгоценные тычинки и пестик и становятся совсем неприметными. Так они спят стоят до следующего дня. Наступит если долгое ненастье, что часто бывает на этих высотах, генцианы вообще не открываются. Они терпеливо дожидаются солнца, и готовы в любой миг открыться, как только оно выглянет даже на короткое время.

Растение – многолетнее. Высота его вместе со цветком достигает почти пяти сантиметров. В связи с тем, что среда обитания генциан крупноцветковых – экстремальная, растение нельзя отнести к обычным видам

ГОСЯТЯ ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

История появления этой птицы на Востоке Казахстана началась не много, не мало тысяч двадцать лет назад – с тех самых времен, когда ледники и снега далекого Севера успешно совершили смертоносный поход к югу. Оледенение охватило в тот период горы Алтая и Саура. До этих границ изгнано было все живое, что обитало в более северных широтах. Спасаясь, отступали они до южных границ, где могли выжить. После отступления льдов, как только километровые толщи на громадных территориях Евразии сформировали безжизненные просторы, наступило время и многие растения и животные Севера появились здесь и заселили подходящие для них места, в частности и горные хребты будущего Казахстана. Избегая наступления белой смерти, прикочевали с Заполярья в эти широты белые и тундряные куропатки – поразительно приспособленные к жизни в суровых условиях Заполярья.

Перья, покрывающие их, что называется, белее самого снега; лапы – что унты полярников, даже пальцы в рукавичках. Только и всего – глаза, кончик клюва и кончики ноготков не оперены. Остальное все основательно утеплено. Из-за густой оперенности лапы их напоминают снегоступы: они легко ходят и бегают по рыхлому снегу, не проваливаясь. Где прошла куропатка не птичьи

Тундряная и белая куропатки в
летнем наряде

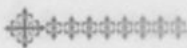
на снегу остаются крестики, а словно, кто-то маленький в валенках прошел. В ее чисто-белом оперении, как недоразумение – хвост: он черный. Однако, когда птица сидит или идет – не всегда видно, черные перья спрятаны под белыми надхвостьями. Но в полете заметны далеко. Это наводит на мысль, что их предки когда-то были, как и тетерева, в темном и пестрым оперением. Потом, обживая снежные дали, приспособиваясь к арктическим условиям, постепенно они перекрашивались и “добились”, что стали белыми, как снег: затаившаяся куропатка неотличима от снежного кома. Так, похоже все и было, ведь они самые близкие родственники тетерева и всех птиц тетеревиного рода. Черные и темные их предки живут до сих пор, но в других условиях, где их окраска также к месту.

Тундрянка несколько отличается от самой близкой родственницы – белой куропатки, северянки тоже, с подобной исторической судьбой, постигшей их, прежде чем оказаться на территории Казахстана. Отличается она тем, что от клюва к глазу у нее проходит темная полоска. Знающему достаточно взглянуть, чтобы отличить – где белая, а где тундряная. Есть и другие ориентиры, их отличающие: тундрянка населяет россыпи камней – на правобережной части Иртыша Казахстанской части Алтая, также и на “Ледяной горе”, вздыбленной до 3800 м над уровнем моря, на хребте Саур, называемой Музтау.

Белая алтайская куропатка – населяет почти те же высоты, избирая заросли ивняков вблизи высокогорных озер и снежников, также держатся и в массивах карликовой березки.

По берегам рек и озер, по березовым колкам, в приречных зарослях равнинного Северного, Центрального и Восточного Казахстана, живет более крупная – степная белая куропатка. Весной, самцы тех и других украшаются, как и тетерева.

Красными выпуклыми бровями, а вот оперение становится покровительственным и в это время года: Тундряные “перекрашиваются” в пепельно-серое оперение, подстать окраски камней, забрызганных лишайниками. Белая же одевает перо рыжеватое в летний сезон. Интересно наблюдать их весной, когда самки уже пестрые. А самцы остаются все еще белыми: выходит такая парочка на снег и сразу же из виду исчезает самец, остается на виду самка;

стоит им выйти на прогалину – “шапку-невидимку” надевает самка, на виду самец.

Надо полагать, что очень удивлены были натуралисты, встретившие этих куропаток вдали от исторической их родины – на Алтае, в Саянах, а потом и в горах Саура. За тысячелетия они несколько изменились под влиянием горных условий до подвидов и эти подвиды считаются теперь эндемиками Алтая – Саянской горной системы. Лишь изучив историю ледниковых нашествий, ученым стало понятно как они сюда попали, потому что между теми, которые живут в северных широтах и в горных хребтах южнее, пролегли тысячи километров непреодолимой для них тайги, степей и пустынь. Ну и что же дальше – то? А потом, когда снега и льды “вернулись” “домой” – к северу, с ними вернулись на историческую родину многие растения и животные. А вот куропатки, обжив горные вершины, где условия почти оказались такими же как на Севере – есть тундры, россыпи камня, те же самые корма, короткое прохладное лето, почти также все как в Заполярье, и прекрасно стали жить на новой для них земле. Однако поселения их носят характер островной – там, где на вершинах лежат поля вечных снегов и россыпи попеременно с тундрами. Ниже, где начинаются кустарниковые тундры и альпийские луга их нет.

С началом снеготаяния, что происходит на вершинах хребтов в апреле, начинается токование. Краснобровые самцы и переодевшиеся в пепельный наряд самки спускаются на южные прогреваемые склоны, и выбирают места для гнезд, устраивая их под кустками кедрового стланика или около выступающих камней. И все было бы мало заметно, но самцы их, буквально, в это время хмелеют от счастливой поры: они становятся бесшабашными. Разгоряченный приступами любви самец, с лихо опущенными крыльями, петушиной осанкой, бегают вокруг самок, схватываются между собой и испытывая прилив энергии, взлетают с громкими, хриплыми голосами: “кок-кок-ка-как, кува-кува-га-га”. На большой скорости несутся вдоль склона, набирая высоту и, сделав несколько кругов оказываются около своей самки, при этом издавая однообразное “кррррр, кррррр...”. Но вместе с тем эти забияки на этом не останавливаются, мне, например, на себе приходилось испытать их драчливость. Один из самцов, увидев меня в своих владениях, опустил крылья, громко “похрюкал” и набросился, как только я повернулся к нему

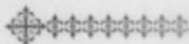
спиной. С лету он ударил по сапогам, отскочил, и снова и снова нападал и бил по голенищам сапог. Но как только я к нему поворачивался, он, видимо, ожидая от меня ответного боя, отскакивал и ждал. Что я мог сделать с этим драчуном, ничего. Я только в ответ грозил ему кулаком и пошел своей дорогой, а он видя свою победу еще отпустил мне на дорожку еще несколько тумачков. Доверчивость и глупость незадачливых птиц их губит: они часто становятся жертвами охотников и браконьеров.

Самки в простую ямку, слегка выстланную лишайниками и хвоей стлаников кедровых, откладывают до 6 яиц и затем плотно сидят на них. Можно подойти к насиживающей птице вплотную, даже сесть около нее и погладить, не делая резких движений. Бывает, что приходилось и снимать с гнезда, чтобы осмотреть содержимое его. Но потом она улетает и не возвращается в гнездо, пока нарушитель покоя не удалится.

Птенцы их – это нежные и беспомощные цыплята, они ходят за матерью, как это наблюдается у домашних кур. В случае опасности – тут же прячутся под крыльями мамы. И так все лето оберегает от хищников, от холодных затяжных дождей и снегопадов. Самцы же во время семейных забот собираются в небольшие мужские компании и щеголяя в пестром – серо-белом наряде, держатся выше, по осыпям около снегов, где их мало заметно. И с наступлением осени и первых снегопадов собираются в стайки с самками и молодыми. Вместе и зимуют. Некоторые орнитологи считали, что на зиму они спускаются с гор в долины. Да с гор в долины спускаются, но только алтайские белые куропатки. Эти же – тундряные зимуют на своих местах, перемещаясь лишь на южные склоны, где меньше снега, теплее и легче добывать корм. Однако часто ночуют на снегу по северным, подветренным склонам. Здесь они менее доступны для лис и соболей. Однако, нередко они становятся жертвами сходящих лавин.

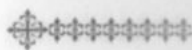
Тундряные куропатки – в Казахстане относятся к реликтам ледникового периода. В силу их малочисленности, большой разрозненности мест их обитания, имеющих островной характер поселений – этот вид, как и алтайская белая куропатка в Казахстане очень редкий. Численность их оказалась подорванной за последние два десятилетия и по разным причинам. Беда их в том, прежде всего, что они слишком доверчивы по отношению к человеку, особенно молодые, которые видя охотника и не боятся, не представляют

какая перед ними опасность. Иногда выводки их, как на птичьем дворе, бегут перед человеком, не взлетая и на очень близком расстоянии. Как результат, в некоторые годы численность их падает просто до угрожающих размеров: на десятки километров по местам их обитания, за два-четыре дня, встречаются один-два выводка. Поэтому в не всяких сомнениях, тундряную куропатку ее, в первую очередь, следовало бы включить в абсолютно охраняемые, и отвести ей страничку в республиканской Красной книге.

ПЕРНАТЫЙ ОТШЕЛЬЧИК

“Горный дупель хотя и несколько крупнее обыкновенного. Но не бывает так жирен и тяжел. Он настолько редко встречается у нас, что не может быть предметом промысла и попадает охотникам случайно, поздней осенью или даже зимой, когда опускается со своих высокогорных гнездовий в Азии. Дробь нужна № 8 – 11”.

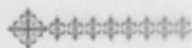
(Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей СССР”, (1950).

Образ его жизни все еще остается тайной для биологов. Отшельник от пернатых умудряется хранить вековые тайны своего удивительного бытия. Надо же суметь, чтобы, населяя громадные территории горных хребтов Центральной и Южной Азии, занимающих громадные территории между океанами великого континента, чтобы оставаться загадочным. А причины в его редкости, как вида, обитания в отдаленных горных территориях, где редко бывает человек и, наконец его осторожность и сумеречная жизнь.

Пернатый “Диоген” населяет высокогорья Южной Азии, где все лето сохраняются снега, где погода – хуже не при думаешь: сутками льют моросящие, по осеннему, холодные дожди или стоят непроглядные туманы; либо вместе с дождями среди лета выпадают снега; ночами часты колючие заморозки, покрывающие травы сединой инея и стеклящие льдом за день подтаившие снежки.

На Западном Алтае, где удалось впервые найти их гнезда в Казахстане, он держится у верхней границы лесов с группами чистых кедровников, в которых обычно ветровал и глыбы камней; или это кедрово-лиственничные, редкостойные леса, также с павшими стволами и почвой, засыпанной старой хвоей. Гнезда устраивает вблизи тающих снежников, либо обычны капилляры

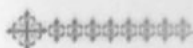
ручейков. Одно из гнезд было найдено на низкотравном, альпийском лугу, на границе с тундрой и редкими, угнетенными холодом лиственницами.

Из описания мест его обитания, пожалуй, ясно уже, почему называют его также горным дупелем. Таинственный житель горных высот принадлежит известному семейству куличиного племени – бекасов. С виду, он мало чем отличается от остальных – обыкновенного бекаса, азиатского, лесного дупеля, хотя несколько крупнее их. В остальном он такой же пестрый, попросту говоря, с бекасиной окраской и крупными глазами, сдвинутыми к самому затылку и длинным как буратиновским клювом. Такой клюв ему очень удобен: во время кормежки, отшельники, как и другие бекасы, глубоко в грязь запускает клюв и с помощью чуткого кончика находят живность, скажем червячка, и раздвинув только сам кончик, как пинцетом, защемяют добычу и выволакивают. На местах кормежки отшельников видны темнеющие, как от дрови, потычки.

Что-либо узнать о его жизни не просто, практически и невозможно. Поэтому все наблюдения носят чисто случайный характер. Завидев человека, он затаивается, и увидеть его практически, невозможно, тем более не подозревая о его присутствии. Подпустив метров на десять, словно подброшенный пружиной, он подлетает и стремительно вихляя среди стволов деревьев, на “космической” скорости уносится, успевая издать раз-другой характерный, для него скрипучий голос – “кжак- кжа”. На этом наблюдения все и кончаются. Другого отшельника, если удастся наткнуться и поднять, то только через несколько километров. При этом есть все шансы пройти мимо и птица ни чем не выдаст себя.

Но когда над хребтами опускаются сумерки и в прозрачном небе забрежжат первые звезды, или выкатится луна на небосвод, слышатся над вершинами леса, где-то на далеких склонах, их странные голоса “Как-гау, как-гау...”. Некоторые натуралисты передают эти звуки, как “Чо-чок-а”. Алтайцы же горных дупелей называют звукоподражательно “тох-пак-кьях!”.

Во время токования, которое начинается с конца мая, они носятся над лесом по одиночке, издавая громкие, чуть жутковатые крики. Иногда они с металлическим свистом, пикируют на большой скорости, разрезая воздух. В разгар токования самцы, ночных “небожителей”, но это случается изредка,

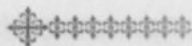
поднимаются невысоко и, припадая с крыла на крыло, часто трепеща крыльями, с криками “чигыр-жик-чигыр-жик...”, облетают гнездовый участок и куда-то исчезают. Однажды пришлось слышать как отшельник на берегу высокогорного озера, в полной темноте, издавал короткие и тихие звуки, как “цык-цык...” пощелкивая при этом клювом. Столь подробные сведения об их поведении приводятся автором с единой целью – высветить хотя бы малую долю в их совершенно неизученной жизни. Есть еще и другая черта в их поведении: с наступлением ненастья – холодной дождливой погоды, эти бекасы, словно одержимые бесовской страстью, охотно токуют в непроглядном ненастном небе ночи напролет. Такие ненастные ночи им, когда другим животным беда, а им похоже, очень нравятся.

Впервые первое гнездо отшельников у нас в Казахстане, а второе – в мире, найдено было автором на Западном Алтае у города Риддера, на склоне вершин Три Брата (Ивановский хребет). Это была небольшая ямка, на краю кедрового острова и около снежника. Гнездо было слегка выстлано павшей хвоей. В нем было четыре пестрого окраса яйца. Самка близко подпустив, взлетела с характерным криком, успев облить кладку собственным

Редкий кадр!

Птенец бекаса-отшельника

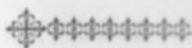
пометом. Понятно зачем – чтобы отбить вонюю аппетитный запах жилого гнезда, на который идут хищники.

Позднее на хребте Холзун, также около самого снега и в кедровой роще встречен был выводок с двумя птенцами. Рыжеватый с пестрым, ковровым рисунком пух, сама их конфигурация, делала их необыкновенно очаровательными. Один из родителей, тут же в отчаянии притворялся раненным – тащил по земле крыло, волочил “отбитую” ногу, кувыркался с криком “кжаа-кжаа...”. Словом делал все возможное чтобы отвлечь от птенчиков.

Наконец следует сказать и о другой, довольно странной особенности этих птиц. С наступлением зимы, кулики и в том числе все бекасиные, улетают в теплые края, к солнечным тропическим болотам и берегам рек.. И только он – отшельник, ведущий одинокий образ жизни, не боится ни снегов, ни сибирских морозов. Как только у горных вершин ручьи и речки начнут подмерзать, а вершины гор покроют снега, они спускаются с гор в долины и в некоторых местах, так как реки в северной части полушария текут к северу, они вдоль рек летят в северном направлении, навстречу зиме. Увидеть бекаса зимой в трескучие морозы у полыней, по горным ручьям, это тоже самое что встретить в это время среди снегов и стужи, цветущую розу. Выбрав незамерзающий участок бурной или тихой речушки, горного ручья, на мелководье выбирают они живность, которой кормятся – бокоплавов, личинок разных водных насекомых и моллюсков. Помимо этого, жизнь научила их по-своему “рыбачить”. Вместо сетей они пользуются береговыми водорослями: и также как это делают оляпки, – из воды выбирают прибрежные водоросли, выбрасывают на камни, теребят их, тщательно выбирая все, что в них есть – все что шевелится.

Горный дупель, как сказано вид очень редкий и мало изученный.. Сейчас он включен в международную Красную книгу.

ГЛУПАЯ СИВКА

На востоке – в казахстанской части Алтая, точнее в его западной и южной частях и в горах Саура проживет мало кому известная птица, способная удивлять каждого, кто ее встретит. Это средних размеров кулик, в отличие от многочисленных своих сородичей, избравший совершенно неожиданную нишу жизни: живет высоко в горах – в поясе вечного снега, около ледников. И такой он – единственный, будто ему показалось “тесно” быть в кругу других одноплеменников на степных болотах, на берегах морей. Вообще кулики в этом плане – “народ”, отчаянный и изобретательный, показавший крутой характер покорителей самых разных экологических ниш на планете: одни селятся по берегам озер и рек, на топких болотах, другие наслаждаются всю жизнь просторами тропических и арктических побережий морей и океанов. Есть и такие, что избрали совершенно безводные горные пустыни, испепеленные беспощадным солнцем. На темных лесных болотах живут разные бекасиные кулики, а этот, проявив, словно, каприз, выходец их приполярных тундровых побережий, здесь ушел высоко в горы, ближе к вечным снегам, ледникам, где нет песчаных пляжей, а только горные тундры, напоминающие ему его историческую родину. Выступающие камни и холодные ветры, ночные заморозки, постоянные дожди и снегопады даже в летнее время, видимо, его вполне устраивают.

Кулики эти удивительной красоты и не менее удивительный образ всей их жизни. И хотя у них, как и у прочих куликов, гнезда очень простые, а вот поведение не ординарное, загадочное несколько.

Например, до того как построят гнезда и сядут на них – слишком осторожные, а когда на гнездах или у них появились птенцы ведут себя, по нашим представлениям “глупо”. Наверное, поэтому прежде и называли этого кулика – чернозобиком, глупой сивкой или глупой ржанкой, так как к семейству ржанковых куликов он относится, сейчас он называется красиво – хрустан. А народ Лапландии, где он живет, называют его – лаголь. Места которые он избрал для жизни в нашей республике – это на востоке – в Восточном Казахстане.

Как было сказано гнездится он в горных тундрах Южного и Западного Алтая, поселяясь на высотах более 2000 м над уровнем моря. Избирает головатые, каменистые с редким низким травостоем плешины и поляны, на которых и поселяются чаще всего небольшими группами, примерно до 3–7 пар. Иногда это одиночные, изолированные пары, избравшие какую-нибудь каменистую с выровненной поверхностью вершину сопки, в окружении каменных россыпей, зарослей полярной березки и карликовой ивы. Ветры на этих вершинах частые гости. Они здесь не только холодные, но и достигают иногда ураганной силы: сбивают с ног и в рулоны скатывают почвенный слой земли. Конечно же, согласитесь, что жить в таких суровых условиях глупо.

Прилетают на горные вершины когда туда приходит обычно запоздалая весна – в конце мая. Самцы в это время красиво токуют: издавая тихое – “вит-вит-вит...”, поднимаются стремительно на 200-300 м над хребтом, “ходят”, посвистывая кругами, и вдруг, сложив крылья, пикируют вниз рассыпая нежную трель – “тррр..., Уук! Ууук!”. Токующий хрустан – представляет незабываемое зрелище. Представьте: на арене яркой зелени только что проснувшейся после зимы тундры, когда еще вокруг много снежных полей, полярных кустарников, безжизненных скал и россыпей, на фоне далеких заснеженных пиков, эти кулики в первозданной тишине, вершат в небе брачные игры.

Глупым, однако, хрустан признан за особое его поведение. Как только у них готовы ямки для гнезд, которые они слегка выстилают лишайниками, и потом появляются два-три пестрых яйца, кулики напрочь “забывают” об осторожности. Но прежде чем рассказать о поведении их у гнезд, коснемся совершенно необычной черте семейного их уклада.

Специалистам известно, что самки их, не являются примером прилежного материнства. Как у них в гнезде появятся яйца, дамы – хрустанихи собираются сразу же в –“женские” компании и дружно покидают гнезда, оставляя их на попечение папаш. А тем, делать ничего не остается, как взять заботы на себя. Вот самцы-то и очень прилежно высиживают кладки, а потом и выхаживают птенцов до становления их на крыло. Таков у них вековечный закон матриархата. Насиживающие самцы – хрустаны подпускают, например,

человека на расстояние вытянутой руки. И когда страх берет силу, то, имитируя полную инвалидность, кулик отбегает на метр – два от гнезда, волоча беспомощно лапку. Потом словно раненный падает и бежит ковыляя и прихрамывая, волоча “сломанное” крылышко. То, вдруг, забьется в предсмертных судорогах. Кажется, еще немного и он умрет от боли и всех постигших его внезапно мучений. Во всех нас, видимо, живет инстинкт охотника: появляется желание поймать его. Но он буквально ускользает из-под рук и сколько бы не старался настичь его – не получается. Незаметно, но тактично и умело он такими фокусами отводит от гнезда и, оказавшись метров на десять от него, на глазах “выздоровливает”, резво взлетает и стрелой улетает куда подальше. Тогда возвращаешься к гнезду, с которого он поднялся, но не тут-то было: на то и рассчитано: гнездо “сквозь землю провалилось”. Чудеса прямо – было и исчезло. Но вот хрустан вдруг появляется и смело бежит к гнезду. Он боится, в условиях высокогорной прохлады яйца могут остыть. Он теперь спешит сесть, даже если находишься прямо у гнезда. И тогда, если не делать быстрых движений можно взять его в руки. Известны случаи, когда эти кулики садились на гнездо, если его даже брали в руки. Никакая другая птица, пожалуй, не позволит себе такой смелости и самопожертвования. Видимо, это и послужило поводом называть его “глупым”, тогда как такой поступок достоин высочайшей оценки отцовства.

Однако личные наблюдения мои показали, что иногда у хрустанов участие в насиживании принимают и самки. Наблюдать на начальной стадии насиживания гнезда приходилось и самок. С птенцами встречались оба родителя мне дважды. По всей вероятности, “странная” поведенческая линия – насиживание и воспитание птенцов только самцами у этих куликов еще до конца не завершена. Поэтому, как и у остальных птиц, уход за гнездом и выводком, еще лежит по старой традиции на плечах некоторых самок, как один из вариантов атавизма, то есть инстинкт материнства у них угас еще не совсем.

Птенчики хрустана – исключительное произведение и любви самой природы. Они есть воплощение всех прелестей детства... Это плюшевые, пестренькие, живые игрушки с крупными глазами и тонкими голосами.

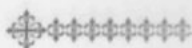
Кажется, они сшиты из какого-то особого шелковистого меха. Так что понять отцов их можно – как не любить таких чудо-деток? А вот мамыши у них, видимо, более черствые создания, не ведающие эстетики детской красоты и материнской нежности. Это тоже можно считать одним из вариантов “глупости” этих птиц.

Но вот период гнездования, как и короткое высокогорное лето, быстро кончается. В середине августа в тундрах чаще появляется иней, а в конце месяца выпадают первые снега. Хрустаны к этому времени становятся очень осторожными и, как-то, незаметно оставляют места гнездования, улетая к местам зимовок.

Самые большая часть гнездящихся этих птиц в Казахстане находятся на Западном Алтае на одном из красивейших его хребтов – Ивановском, уходящим от города Риддера к северо-востоку, к Туругуснским озерам. Встречаются они на некоторых хребтах Южного Алтая, в горах Саура.

Хрустан, птица очень редкая в пределах нашей республики. В общей сложности если в Казахстанской части Алтая и хребте Саур, наберется пар тридцать, это будет много. Теперь ясно, что этот особенно интересный вид кулика, обживший, по всей вероятности эти хребты, со времен последнего оледенения, несет при встрече с ним чудеснейший заряд эмоций; оставляет неизгладимое о себе впечатление. После встречи с ним, кажется побывал в Заполярье, только вот ни лапландцев, которые называли его лаголем, ни чукчей не эскимосов здесь почему-то нет...

Не сказать в защиту хрустана ни каких слов, значит ничего не сказать о нем самом. Конечно, малочисленный реликтовый вид фауны птиц Казахстана, численность пар которого можно, как говорится сосчитать по пальцам, должен охраняться. В этой связи, просто необходимо включать его в Красную книгу горной фауны Казахстана и, как можно шире пропагандировать его узаконенную неприкосновенность...

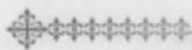

“ЧЕ-ТА-ТА!”

Природа субтропиков необыкновенную щедрость проявила создавая мир живого. Не поскупилась широты этой земли заслат в наши не совсем гостеприимные, проще говоря, суровые и неприветливые края своих любимцев-волонтеров. Об одном из них – красивом несомненно, вызывающем только восхищение, наш короткий рассказ. А речь пойдет об арчевом дубоносе. С первого взгляда поражает даже не окраска, а весь его склад и форма: сам чуть больше и плотнее скворца, в черном с траурной подсветкой капюшоне, накинутом на голову, плечи и всю переднюю часть туловища, остальное – спина, брюхо, хвост и частично крылья болотно-зеленоватые тоже с особыми “меланхолическими” оттенками. На темных крыльях прячутся светлые зеркальца. Когда дубонос сидит они почти не заметны. Однако, стоит ему расправить крылья, полететь, как они буквально вспыхивают и пестрят во время полета. Особой гордостью и оружием его является толстенный клюв, мощный и крепкий, как и у других его сородичей, способных раскусывать косточки и крепкие семена различных плодов. Без такого клюва им просто не обойтись. Толстоносый горец избирает для жизни высокие этажи гор, где леса сменяют арчевые заросли в пограничной части с альпийскими лугами. Ему, как рыбе вода, необходимы, заросли можжевельника или арчи. За тесную связь с этими деревьями и кустарниками он получил свое название – арчевый. Понятно, он живет там где есть арча, а вот дубов на этих высотах и вообще, как говорится, нет и в помине. Выходит получился прокол в его названии, которое дано было орнитологом, описавшим его впервые – Ходгсоном.

Но герой наш называется арчевым, что само уже говорит о его специализации и пристрастии к плодам арчи – или шишкоягод, с которыми он легко разделяется. За крепкость и мощь их клювов их и назвали птицами с “дубовыми носами”. С помощью своего клюва он и добывает себе хлеб праведный, не доступный для других выюрковых птиц к семейству которых он относится. Он питается плодами арчи. Кроме него почти никто и не поедает. Достаточно раскусить крепкий “орешек”, чтобы ощутить его

смолистый, горьковатый вкус. Попробуешь и не захочешь больше. А он ест, потому что арчевый, и арчевый, потому что ими питается.

Это очень оригинальная и довольно приметная птица, несущая колорит экзотики в наши широты.

Арчевый дубонос населяют громадные горные территории: от сказочных, упирающихся в небеса горных пиков Гималаев, до расположенных севернее пестрых от вечных снегов Тянь-Шаня, и к востоку через Джунгарский Алатау, хребет Саур доходит, как можем считать, до Алтая. Здесь, на участке Южного Алтая он найден был в глубине гор, в верховьях реки Бухтармы. Неожиданно было услышать их “квакающие”, чуть гнусавые голоса. Сначала невозможно было в это поверить. Однако когда дубоносы начали перепархивать по кустам можжевельников и послышалось пощелкивание – птицы давили “челюстями” костяные плоды, сомнения всякие были уже позади. Конечно, странно, что в условиях суровых зим на Алтае, дубоносы нашли на южных склонах заросли арчевников и держались здесь. Не исключено, что впоследствии они будут найдены здесь и на гнездовании. Конечно, странно: птица субтропиков, расселилась и обжила хребты Тянь-Шаня, приспособилась и продвинулась на восток до Саура, и, одолев пустынные расстояния Зайсанской котловины, проникла в глубь горных хребтов Алтая.

И как теперь подойти к этому вопросу? Дело-то в том, что у него, как и у его близких сородичей – мощный, крепкий клюв, способный к разрушению, расщелкиванию косточек и орешков. За его мощный, “дубовый нос” и назван – дубоносом.

Поселяется, как было сказано, в арчевниках, где они образуют густые, непролазные заросли. Такого рода зеленые, смолистые джунгли образуют в местах его обитания целые пояса приуроченные к верхней границы еловых лесов на Тянь-Шане, у границы листвяжных – на Сауре, в пограничной части смешанных кедрово-елово – лиственничных лесов на Южном Алтае.

Клюв его заслуживает внимания и несколько слов об его устройстве: обладая мощностью, у небольшой по размерам птицы, клюв его обладает силой кусачек. По его краям есть небольшие зазубрины, для удерживания скользких и крепких шишко-ягод. Пропитанные густым ароматом бальзамических веществ и смолами, они источают отталкивающе пресыщенный запах

горьковатой смолы. Из птиц способны глотать их, разве что дрозды. Переварив мякоть, они освобождают косточки, которые глотают целиком: мякоть переваривают и, летая, выбрасывают их вместе с пометом, таким вот образом расселяя их по хребтам. Дубонос не заботится о расселении, напротив даже: он отгрызает пахучую мякоть и дробит своим клювом косточки.

С наступлением зимы дубоносы небольшими группами или стайками спускаются с гор в предгорные сады на Тянь-Шане. Здесь они облетают сады и можно часто слышать, в тихих зимних садах, не видя птиц, как лопаются под их челюстями косточки вишни оставшейся на деревьях и даже слив. Только потом, до слуха доносятся их гнусавые голоса: “Че-на-на, че-га-га!”. При встрече с ними, кажется, сразу же попадаешь в иной не привычный мир – больно уж оригинальны и красивы эти птицы. Дубоносы, как и щур, являются предметом мечты любителей комнатных, певчих птиц. Но голосов у них почти никаких и никакого пения. Но внешность у них это да... Особенная она из-за непропорционально толстого клюва. Они напоминают, своего рода красивых, в элегантном оперении, искусно раскрашенных, “толстоносых” попугаев.

Из-за повышенного интереса к ним, они часто становятся пленниками любителей комнатного содержания птиц. Более того, арчевые дубоносы, часто идут на продажу и на обмен на другую экзотическую птиц в месте где они не водятся. Пожалуй, это и есть главная причина их невысокой численности. И, чем восточнее от хребтов Южного Тянь-Шаня, численность их резко падает и на востоке Казахстана в горах Саура, например, они встречаются очень редко, не говоря уж, об Южном Алтае. Поэтому вид этот, хотя и остается без внимания специалистов в этом свете, все-таки, должен бы охраняться.

СНЕЖНЫХ ГОР — ИРБИС

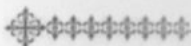
*“Выделанные шкуры барсов идут на ковры.
Некоторый вред приносят барсы охотничьему хозяйству,
так как уничтожают копытных зверей”.*

Звери Казахстана, 1953.

Это одна из самых крупных кошек Азиатского континента. Вместе с хвостом длинна его достигает около двух с половиной метров.. Все кошки заняли и обжили на планете теплые “квартиры” и только он – снежный барс или ирбис выбрал горные вершины, “под самыми звездами”. Здесь вместо зеленых полей и цветущих лугов большую часть года его окружают поля вечного льда и снегов; вместо леса – серые скалы и россыпи... Чуткую, пронзительную тишину нарушают здесь изредка голоса горных индеек – уларов, сурков, да посвиты горных козлов – тау- тэкэ. Все это главные персонажи насущного его питания. На этих высотах пролетит, осматривая каждое ущелье, планеру подобный, могучий орел – бородач; либо выше облаков, перекликаясь звонкими голосам, закружат стайки красноклювых

Снежный барс

галок – клушиц или желтоклювых альпийских галок. Время от времени одиноко, как в пустом храме прочирикает пара – другая, пролетающих гималайских или снежных вьюрков.

Здесь мало бывает ясных дней: часты туманы и дожди и даже под летним солнцем бывают легкие снегопады. Поэтому по тесным щелям застаиваются подолгу холодные молочные туманы или налетают пронизывающие ветры. Иногда ветром гонимые облака вылетают откуда-то снизу и топят во чреве своем вершины гор и мир весь высокогорный погружается во мрак и ненастье. Но как бы не было здесь частым гостем ненастье, поднебесье горное необычайно красивое, романтическое.

Барс на заоблачной земле расселился довольно широко: он живет в южных горах Центральной и Средней Азии, обычен был в горах Тянь-Шаня на территории Казахстана – Джунгарском Ала-Тау, Центральном Тянь-Шане, Заилийском и Кунгей и Таласском Алатау, на хребтах – Угамском, Коксуйском и Чаткальском. Его ареал через хребты Саур-Тарбагатая и Алтай заходил к востоку на Саяны. Не исключено, что с Центрального Алтая, где нам известны его встречи, в летнее время он заходил и в горы Казахстанского Алтая – на Алтай Западный, там одиночек видели в пограничной части Западного Алтая – на стороне России, в Центральном Алтае. В настоящее время он живет еще и на Южном Алтае Казахской территории.

Барс красив. мех его имеет ковровый рисунок: на дымчато-серой с бледно-желтоватым оттенком рассыпаны темные, кольцевые пятна самой разной величины и формы, создавая очень красивый орнамент. Шерсть густая и мягкая, что важно, в связи с пропиской его по месту жительства – в высокогорье. С выпадением снегов, что бывает уже с середины августа – начала сентября, следуя за копытными животными, горными козлами, архарами, барс спускается в нижние этажи гор и его можно встретить у верхней границы леса или даже в лесной зоне. Местами же, преследуя свою жертву, он заходит даже в пояс предгорий. Иногда, там где места добычливые и обычными бывают косули и сурки, суслики, барсы наблюдались даже на не больших высотах, по существу в нагорных степях, на высоте, в среднем, около 1000 м над уровнем моря. Гонимые голодом хищники нападают, бывает, на домашний скот...

Охотится из засады, проявляя высокое мастерство скрадывать и затаиваться. Иногда, как отмечают наблюдатели, почти по открытым местам, где казалось бы сделать это совершенно невозможно, он распластавшись на скале так затаивается в абсолютной неподвижности, что становится совершенно невидимым. И так может подолгу в ожидании жертвы пролежать у тропы. Пятнистый охотник; буквально, вжимается в поверхность какой-нибудь скалы, словно накрывшись шапкой – невидимкой. Окраска в таких случаях играет очень важную роль. Особенно незаметным становится среди выступающих камней, обросших лишайниками или мхом. Но в ночное время и говорить нечего: мастер скрадывания, невероятно настойчивый, обладающий незаурядным терпением, он способен подползать к копытным, весьма чутким животным, и даже к птицам на самое близкое расстояние. В это время он ни чем не выдает себя, разве что подвести могут его только собственные глаза, в которых зелеными звездами горит лунный огонь. Это, конечно, бывает в тех случаях, когда свет падает со стороны жертвы. И вот тут, несмотря на свою коротконогость, барс способен совершать настоящее чудо – умопомрачительные прыжки. “Летучий” зверь, с легкостью птицы, перелетает многие метры, превосходя, в этом спортивном моменте, самого тигра. В нападении, рассчитывая на внезапность, иногда делает подряд несколько прыжков, в среднем по 5–6 метров. Если не поймал намеченную жертву, то уже не преследует ее. Отмечены случаи, когда хищники пролетали по воздуху до десяти и более метров. А однажды, подкарауливающий козлов барс, одолел воздушный “барьер”, при том, снизу вверх, с одной скалы на

другую, не менее чем 15 метров. Промашнувшись в рекордном прыжке за уже взлетевшим уларом, он в доли секунды, успел еще раз прыгнуть и схватить горную индейку прямо на лету. Конечно, такие рекорды нужно заносить в “Книгу рекордов Гиннеса” и принимать их как классические этюды из жизни животных.

Самка-барсиха, выбрав укромное место где-либо под скалой, среди завалов

обычно 2–3, а иногда и 5 котят. Которые уже в начале июля способны следовать за матерью.

В летнее время добычей его становятся сурки, зайцы и птицы. Однако, до сих пор биология его все еще остается изученной слабо. Связано это с трудностями вести наблюдения, с его редкостью и осторожностью. Кстати, в середине прошлого века, известный казахстанский ученый-натуралист В.Н. Шнитников, писал, что барса много в центральной части Тянь-Шаня – “...барс до сих пор еще довольно многочислен и, вероятно, сохранится еще долго, благодаря трудной доступности обитаемых им высот. Да и преследование его не представляет особого интереса, так как его шкура, несмотря на ее красоту, всегда расценивалась на рынке очень дешево”. Теперь в это поверить трудно – ирбис – редчайшее животное планеты. Он входит в десятку, наряду с носорогами, жирафами, тиграми, за которых зоопарки мира платят очень высокие цены.

Однако красота шкуры, редкость самого зверя вызвали интерес и к самим животным, и, конечно его меху. Висит ли она на стене, расстелен ли на полу, – украшает кабинеты и комнаты. Более того, мех барса оказался очень престижным и для богатых модниц. За изделия из меха барса платили баснословные деньги. Поэтому, чтоб приостановить нездоровое увлечение модниц, великий и очень авторитетный натуралист, признанный “Брэмом XX века” – Бернгардт Гржимек, лично обратился к известной итальянской актрисе – Лоле Бриджиде, – не носить украшающих мехов из барса, дабы другие, ей подражающие, не носили шкур исчезающего хищника. Актриса согласилась.

В наши дни, численность барса, в связи с большими ценами на его мех и резким падением численности животных которыми он питается, оказался на грани вымирания, естественно, что включен в Международные “Красные книги”. Большое внимание к животному, к его дальнейшей судьбе проявляют западные специалисты. Ради сохранения вида, выделяются немалые спонсорские средства, направленные на реализацию программ по его спасению. Не странно ли нам – цивилизованным людям XXI-ого столетия, для сохранения нашего же национального достояния, от нас же самих, приходится брать чужие деньги. Спрашивается: на что? Да на то, чтобы мы,

наконец, осознали, что это нужно прежде всего нам самим, чтоб не уничтожили красоту наших гор и не позволили исчезнуть с лица земли владыке снежных вершин южного пояса горных цепей, занимающих громадные просторы Центральной Азии.

Вот как мы рассматривали барса еще пол века назад:

“Большую ценность представляют живые барсы для зоопарков и для зооэкспорта, а чучела и скелеты их – для музеев”.

Звери Казахстана, 1953

СОДЕРЖАНИЕ

Наш Казахстан	3
Полупустыни и пустыни или земля рыжих горизонтов	12
Родовитое дерево или дерево шахов	21
Красивая и “свирепая”	25
Рожденная песками Призайсанья	29
Песчаный “крокодил”	34
“Старички-очкарики”	38
Реликтовый “невидимка”	41
Джурга – торгай – иноходец	44
Странные пустынные странники	48
Красноглазый пугач	52
Прекрасный “уродец”	55
Соня из Бетпак-Далы	58
Лопоухий звездочет	61
Серый “монгол” – “Кум-коян”	64
Степные дали	68

Цветок богов	77
Ах, эти “чертики” и “рогульки”	81
Синяя мелодия мая	84
Солнечный рябчик	87
Урагус	92
Легенда с темными крыльями	95
Золотой орел неба	99
Поющий зверек	101
“Чьи это в траве гнезда?	105
Сон-трава	108
“Скалистая белка”	111
Кречетка	115
Султанка	121
Лесной пояс	125
Символы весны – огоньки	136
Танцующий цветок “сварливой бабы”	139
Свидетель неизведанного	142
И серая, и мудрая	147
Кедры сажающая	151
Лапландская, каменная, бородатая... ..	154
Бородатая неясуть с птенцами	156

Живая “игрушка” лесов	160
Летающая, при Луне	164
Таежный “академик” или “друг” охотника	168
Клыкастый олень	172
Высокогорье – земля над облаками	175
Голубые глаза горных вершин	180
Гостя ледникового периода	184
Пернатый отшельник	189
Глупая сивка	178
“Че-га-га!”	182
Снежных гор – ирбис	185

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАЗАХСТАНА

ЩЕРБАКОВ Б.В.

МОЯ ПЛАНЕТА – КАЗАХСТАН

Редактор *Гульнара Кудайбергенова*
Художественный редактор *Бейсен Серикбаев*
Технический редактор *Зайра Бошанова*
Компьютерный дизайн *Дилярам Мансуровой*

ИБ № 6983

Подписано в печать 28.11.2008. Формат 70x90 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Усл. печ. л. 15,21.
Печ. л. 13,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 1140.

Республика Казахстан, 050009 г. Алматы, пр. Абая, 143.
Издательство “Жазушы”.

ISBN 978-601-200-146-4

ТОО РПИК «Дәуір», 050009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.
Тел.: 269-40-35, 242-47-69, 242-07-90,
E-mail: rpik-daur81@mail.ru, rpik-daur2@mail.ru

402-00т.

«Жазушы» баспасы

